

Научно-практический журнал

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

№ 3
2026

ISSN 2079-0295

АВТОНОМНАЯ некоммерческая организация
**«Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 3 (67) 2026
Выходит ежеквартально

© Власть Закона, 2026

ISSN 2079-0295

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 3 (67) 2026
Выходит ежеквартально

SALUS POPULI SUPREMA LEX
Благо народа – высший закон (*лат.*)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
ПИ № ФС77-38792 от 8 февраля 2010 г.

**Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по научным специальностям 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4
(юридические науки)
(категория К 2)**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Учредитель и издатель:

Автономная некоммерческая организация
**«Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

Сайт издателя: www.niapsp.ru; e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru

Сайт журнала: www.vzlaw.ru; e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru

Адрес издателя и редакции: 350000, г. Краснодар, ул. Гимназическая, 60, к. 49
Подписано в печать 25.09.2026 г. Выход в свет 30.09.2026г. Формат 70×100 1/16.
Объем 23,41 п. л. Тираж 500 экз. Цена свободная.

При использовании материалов данного печатного издания
обязательна ссылка на источник публикации.

Мнения, высказанные в публикациях, размещенных в данном печатном издании,
являются субъективными позициями авторов относительно рассматриваемых ими
вопросов, за которые редакция журнала ответственности не несет.

© Власть Закона, 2026

Главный редактор

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Заместитель главного редактора

Руденко Евгения Юрьевна, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Редакционный совет

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Белых Владимир Сергеевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заслуженный деятель науки РФ.

Букалорова Людмила Александровна, д. ю. н., профессор, проректор НОУ ОВО «Российская академия адвокатуры и нотариата», профессор Государственного университета управления.

Губин Евгений Парфирьевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова», заслуженный юрист РФ.

Диденко Анатолий Григорьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры частноправовых дисциплин Каспийского общественного университета (Казахстан).

Зайцев Олег Александрович, д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, вице-президент Союза криминалистов и криминологов

Кузнецова Ольга Анатольевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина».

Стус Нина Владимировна, д. ю. н., профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

Филиппов Петр Мартынович, д. ю. н., профессор, ведущий научный сотрудник Юго-Западного государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Малько Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права РАН», заслуженный деятель науки РФ.

Муртазакулов Джамшед Саидалиевич, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Таджикского национального университета (Таджикистан).

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой коммерческого права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заслуженный деятель науки РФ.

Турдуковский Ярослав Владимирович, доктор права, профессор Института гражданского права, руководитель Центра исследований права Восточной Европы и Центральной Азии факультета Права и управления Варшавского университета (г. Варшава, Польша).

Цыбуленко Зиновий Иванович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Редакционная коллегия

Анисимов Алексей Павлович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет».

Барков Алексей Владимирович, д. ю. н., профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Долинская Владимира Владимировна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина» (МГЮА).

Емелькина Ирина Александровна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права РАНХиГС.

Ильин Игорь Вячеславович, д. ю. н., доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России».

Иншакова Агнеса Олеговна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой предпринимательского и международного частного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Почетный работник науки и высоких технологий РФ.

Курманалиева Асель Абылкановна, к. ю. н., директор Центра нормотворчества и верховенства права при Министерстве юстиции Кыргызской Республики.

Мазаев Владимир Дмитриевич, д. ю. н., профессор, заместитель заведующего базовой кафедры межатрасевого регулирования факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Мантул Григорий Анатольевич, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник судебной системы.

Матыцин Денис Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

- Меретуков Гайса Мосович**, д. ю. н., профессор кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования России, Заслуженный деятель науки Кубани, Заслуженный юрист Республики Адыгея.
- Морозов Сергей Юрьевич**, д. ю. н., профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», заслуженный юрист Российской Федерации.
- Рузанова Валентина Дмитриевна**, к. ю. н., доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.
- Савченко Марина Станиславовна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой государственного и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».
- Серова Ольга Александровна**, д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.
- Тужилова-Орданская Елена Марковна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заслуженный юрист Республики Башкортостан.
- Харитоновна Юлия Сергеевна**, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», руководитель НОЦ «Центр правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики».
- Чеговадзе Людмила Алексеевна**, д. ю. н., профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. Кикотя»

Editor-in-Chief

Vladimir Pavlovich Kamyshansky, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Director of the ANO "Research Institute of Current Problems of Modern Law", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honoured Scientist of Kuban.

Deputy editor-in-chief

Rudenko Evgenia Yurievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin".

Editorial board

Rasskazov Leonid Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honored Scientist of the RF, Honored Scientist of Kuban.

Belykh Vladimir Sergeevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at the Ural State University of Law, Honoured Scientist of the Russian Federation.

Bukalerova Ludmila Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector of non-profit educational institution organization of higher education "Russian Academy of Advocacy and Notaries", Professor at the State University of Management.

Gubin Evgeny Parfiryevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at Moscow State University named after M.Y. Lomonosov. Professor, Head of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University, Honoured Lawyer of the Russian Federation.

Didenko Anatoly Grigorievich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Private Law Department at the Caspian Public University (Kazakhstan).

Zaitsev Oleg Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice of the Federal State Research Institution "Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation", Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice President of the Union of Criminalists and Criminologists

Kuznetsova Olga Anatolievna, Doctor of Law, Professor at the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Stus Nina Vladimirovna, Doctor of Law, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice".

Philippov Pyotr Martynovich, Doctor of Law, Professor; Leading Researcher at Southwest State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

- Malko Alexander Vasilievich**, Doctor of Law, Professor, Director of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation.
- Murtazakulov Jamshed Saidalievich**, Doctor of Law, Professor at the Department of Civil Law, Tajik National University (Tajikistan).
- Popondopulo Vladimir Fedorovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Commercial Law Department of the Saint Petersburg State University, Honoured Science Worker of the Russian Federation.
- Turlukovsky Yaroslav Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor at the Institute of Civil Law, Head of the Center for Law Studies in Eastern Europe and Central Asia, Faculty of Law and Government, University of Warsaw (Warsaw, Poland).
- Tsybulenko Zinoviy Ivanovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil and Family Law of Saratov State Law Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Editorial board

- Anisimov Alexei Pavlovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of the Civil and International Private Law at the Institute of Law Volgograd State University.
- Barkov Alexey Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
- Dolinskaya Vladimira Vladimirovna**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University.
- Emelkina Irina Aleksandrovna**, Doctor of Law, Professor, Head of the Civil Law Department at RANEPa.
- Ilyin Igor Vyacheslavovich**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the FGKOU HE Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia"
- Inshakova Agnesa Olegovna**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial and Private International Law at Kuban State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation.
- Kurmanalieva Asel Abylkanovna**, Candidate of Juridical Sciences, Director of the Center for Rule-Making and Rule of Law under the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic.
- Mazaev Vladimir Dmitrievich**, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Basic Department of Intersectoral Regulation, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics.
- Mantul Grigory Anatolyevich** Professor, Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, PhD in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, and Honored Worker of the Judicial System.
- Matytsin Denis Yevgenievich**, Doctor of Law, Professor of the Department of Business and International Private Law, Kuban State University
- Meretukov Gaisa Mosovich**, Doctor of Law, Professor at the Department of Criminalistics, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia; Honored Scientist of Kuban; Honored Lawyer of the Republic of Adygea.
- Morozov Sergey Yurievich**, Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Federal State

Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Ulyanovsk State University", Honorary Professor of Zhengzhou University (PRC), Honored Lawyer of the Ulyanovsk Region.

Ruzanova Valentina Dmitrievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, at the Department of Civil and Business Law at Samara National Research University named after Academic S. P. Korolev, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Savchenko Marina Stanislavovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.

Serova Olga Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector for Academic Affairs, Pskov State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology", Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan.

Haritonova Yulia Sergeevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Pre-Business Law Department at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Head of the REC "Center for Legal Research of Artificial Intelligence and Digital Economy".

Chegovadze Lyudmila Alekseevna, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, FGKOU HE "Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after Kikotya"

Содержание

Колонка главного редактора

Камышанский В.П. Особенности правового режима временного управления объектами стратегической инфраструктуры: соотношение законности и целесообразности.....	14
---	----

Актуальные проблемы современного права

Камышанский В.П. Учет социального контекста при толковании источников гражданского права.....	24
Власова Г.Б., Власов В.И., Декларация независимости Томаса Джефферсона и ее историческое значение .	36
Долгополов К.А. Роль судебного усмотрения при назначении условного осуждения	49
Зайцев В.В. Применение норм антидопингового регулирования при проведении физкультурных мероприятий и спортивных соревнований в Российской Федерации	59
Колесниченко О.В. Доктрина добросовестного использования (Fair Use) как инструмент определения пределов свободного оборота авторского контента в цифровой среде	70
Дмитриев В.К., Бородина Е.П., Разумный баланс частных и публичных интересов как свойство правового государства: конституционно-правовое обоснование	89
Чевтаев К.А., Цечоев В.К., Правовая система России сквозь призму чистого учения о праве Г. Кельзена.....	100
Булатов Т.Р., Цифровизация миграционных процессов в Российской Федерации: состояние, правовые проблемы и перспективы.....	114
Гаврилова А.М., Неустойка как мера ответственности за неуплату алиментов: правовое регулирование и проблемы правоприменения.....	126
Медведева Т.М., Гудиева А-М.Н., Акции с разным объемом прав как инструмент корпоративного контроля (часть 1)	141

Рахманина Н.В., Карточка товара как объект авторского права.....	166
Файзуллина А.А., К вопросу о соотношении криминалистической характеристики преступлений и следственных ситуаций, возникающих на стадии предварительного расследования.....	179

Наука и практика стран СНГ

Курбонов Ш.Дж., Правовая природа права удержания как субъективного гражданского права.....	189
--	-----

Трибуна молодого ученого

Багаев Б.Д. Баланс социальных и коммерческих целей в деятельности социального предприятия: правовые ограничения и возможности.....	207
Бажутин В.Ю. Организационно-правовые основы работы милиции и общественных организаций с несовершеннолетними в рамках операции «Забота» в 1974–1979 гг.	219
Карпенко А.А. Особенности гражданско-правового режима единого недвижимого комплекса.....	238
Ковальский Н.Р. Институт государственной власти как объект административно-правовой охраны.....	247
Кравченко К.В. Термин «Детерминанты» в уголовно-исполнительном праве: пределы употребления и значение для предупреждения рецидива.....	257
Медведев И.А. Цивилизационный дискурс современной России и роль религиозных объединений в его формировании	268
Насонов Ю.Н. Основные тенденции развития исполнительной власти в современном мире	289
Тецин А.В. Неявка частного обвинителя в суд и правовые последствия (на основе анализа судебной практики)	301

СОБЫТИЯ. РЕЦЕНЗИЯ. КРИТИКА.

Информационное сообщение «О проведении XI Международной научно-практической конференции (симпозиума) для молодых исследователей «Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал».....	318
--	-----

Contents

Column of the chief editor

<i>Kamyschansky V. P Specifics of the legal regime for the temporary management of strategic infrastructure assets: the balance between legality and expediency</i>	<i>14</i>
---	-----------

Actual problems of modern law

<i>Kamyschansky V. P., Considering social context in the interpretation of civil law sources</i>	<i>24</i>
<i>Vlasova G.B., Vlasov V.I., Thomas Jefferson's declaration of independence and its historical significance</i>	<i>36</i>
<i>Dolgoplov K.A. The role of judicial discretion in imposing a suspended sentence.....</i>	<i>49</i>
<i>Zaitsev V.V. Application of anti-doping regulations during physical education events and sports competitions in the Russian Federation</i>	<i>59</i>
<i>Kolesnichenko O.V., FAIR Use doctrine as a tool for defining the limits of the free circuit of copyrighted content in the digital environment</i>	<i>70</i>
<i>Dmitriev V.K., Borodina E.P., A Reasonable balance between private and public interests as a characteristic of the rule-of-law state: constitutional and legal justification.....</i>	<i>89</i>
<i>Chevtayev K.A., Tsechoev V.K., The Russian legal system through the prism of Hans Kelzen's pure theory of law</i>	<i>100</i>
<i>Bulatov T.R. Digitalization of migration processes in the Russian Federation: current state, legal issues and prospects..</i>	<i>114</i>
<i>Gavrilova A.M., Penalty as a measure of liability for non-payment of alimony: legal regulation and enforcement issues ...</i>	<i>126</i>
<i>Medvedeva T.M., Gudieva A-M.N., Shares with differentiated rights as an instrument of corporate control (part 1) ...</i>	<i>141</i>
<i>Rahmanina N.V. Product card as an object of copyright.....</i>	<i>166</i>
<i>Fayzullina A.A. On the issue of the relationship between forensic characteristics of crimes and investigative situations arising at the preliminary investigation stage.....</i>	<i>179</i>

Science and practice of the CIS countries

<i>Kurbonov Sh.Dzh. The legal nature of the right of retention as a subjective civil right</i>	<i>189</i>
--	------------

Tribune of a young scientist

<i>Bagaev B.D. Balancing social and commercial goals in the operation of a social enterprise: legal constraints and opportunities</i>	<i>207</i>
<i>Bazhutin V.Yu. Organizational and legal foundations of the work of the militia and public organizations with minors within the framework of the operation "Zabota" ("Care") in 1974–1979.....</i>	<i>219</i>
<i>Karpenko A.A. Specifics of the civil law regime of a single real estate complex.....</i>	<i>238</i>
<i>Kovalsky N.R. Institution of state power as an object of administrative-legal protection</i>	<i>247</i>
<i>Kravchenko K.V. The term "Determinants" in penitentiary law: limits of usage and significance for preventing recidivism</i>	<i>257</i>
<i>Medvedev I.A. Civilizational discourse of modern Russia and the role of religious associations in its formation</i>	<i>268</i>
<i>Nasonov Yu.N. Key trends in the development of executive power in the modern world</i>	<i>289</i>
<i>Teshin A.V., Failure of a private prosecutor to appear in court and its legal consequences (based on an analysis of judicial practice).....</i>	<i>301</i>

EVENTS. REVIEW. CRITICISM

<i>Announcement regarding the XI International Scientific and Practical Conference (Symposium) for Young Researchers: "Current Issues in Modern Law: The Interplay of Public and Private Principles.....</i>	<i>318</i>
--	------------

Колонка главного редактора

В. П. Камышанский

заведующий кафедрой гражданского
права Кубанского государственного аграрного
университета имени И. Т. Трубилина,
директор Научно-исследовательского
института актуальных проблем современного права,
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Краснодар
vpkam@rambler.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ВРЕМЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ ОБЪЕКТАМИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ: СООТНОШЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ**

**SPECIFICS OF THE LEGAL REGIME FOR THE TEMPORARY
MANAGEMENT OF STRATEGIC INFRASTRUCTURE ASSETS: THE
BALANCE BETWEEN LEGALITY AND EXPEDIENCY**

Указом Президента Российской Федерации (РФ) от 24 августа 2026 г. № 604 «О мерах по обеспечению безопасности объектов критической инфраструктуры Российской

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ВРЕМЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ ОБЪЕКТАМИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ:
СООТНОШЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

Федерации»¹ (далее – Указ № 604) введен новый механизм вмешательства государства в деятельность хозяйствующих субъектов: временное управление имуществом, имущественными правами и корпоративными активами компаний, имеющих непосредственное отношение к объектам критической инфраструктуры. Указ № 604 не предусматривает перехода права собственности на соответствующие активы к государству. Вместо этого установлен специальный режим временного управления, при котором назначенный управляющий осуществляет полномочия собственника по владению и пользованию в отношении определенного имущества хозяйствующего субъекта.

Принятие Указа № 604 связано с нарастанием в период проведения специальной военной операции угроз безопасности объектов критической инфраструктуры РФ. Как следует из текста нормативного акта, его законодательной основой стали Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»², Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»³ и Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»⁴. Законодательная основа Указа № 604 имеет принципиально важное значение, поскольку в нем содержатся существенные ограничения имущественных прав собственников объектов критической инфраструктуры. Как известно, п. 3 ст. 55 Конституции РФ гласит о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики,

¹ О мерах по обеспечению безопасности объектов критической инфраструктуры Российской Федерации: указ Президента РФ от 24 августа 2026 г. № 604 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2026. № 35. Ст. 4755.

² О военном положении: федер. конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 5. Ст. 375.

³ Об обороне: федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 23. Ст. 2750.

⁴ О безопасности: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.

Запорожской и Херсонской областей» с 20 октября 2022 г.¹ в России только на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей введено военное положение. Следует признать, что под основания объявления военного положения, предусмотренные в ст. 3 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» подпадают в настоящее время десятки субъектов РФ, на которых расположены объекты критической инфраструктуры.

Означает ли это, что меры, применяемые на территории, на которой введено военное положение, предусмотренные пунктами 1 и 2 ст. 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении», не могут быть применены на основании указов Президента РФ? Не означает, поскольку, согласно п. 5 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении», федеральные законы и иные нормативные правовые акты РФ, регулирующие применение мер, исчерпывающий перечень которых предусмотрен пунктами 1 и 2 этой же статьи, могут быть приняты и в период действия военного положения, и до его введения.

Проблема заключается в другом. Среди закрепленных указанным выше Федеральным конституционным законом мер, применяемых на территории, на которой введено военное положение, не представлено меры, предусматривающей изъятие объектов критической инфраструктуры у собственников и передачу этих объектов иным лицам во временное управление.

Попытаемся найти законодательную основу Указа № 604 в Федеральном законе от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне». В соответствии с п. 11.1 ст. 4 этого Федерального закона в полномочия Президента РФ в области обороны входит принятие решения о направлении лиц, заключивших контракт о пребывании в мобилизационном людском резерве Вооруженных Сил РФ, на специальные сборы для обеспечения защиты критически важных объектов и иных объектов жизнеобеспечения. При этом изъятие объектов критической инфраструктуры у собственников и передача их во временное управление другим

¹ О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей: указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 43. Ст. 7381.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ВРЕМЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ ОБЪЕКТАМИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ:
СООТНОШЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

лицам к полномочиям Президента РФ на основании Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ не отнесены.

Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством РФ, полномочия и функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления в области безопасности, а также статус Совета Безопасности РФ (ст. 1). Согласно подп. «а» п. 6 ст. 8 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ в полномочия Президента РФ в области обеспечения безопасности входит принятие в соответствии с законодательством РФ решений «о применении специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности».

Введение временного управления в отношении объектов критической инфраструктуры может быть квалифицировано как специальная экономическая мера. Такая мера должна соответствовать законодательству РФ. По существу, речь идет об ограничении права собственности и других имущественных прав граждан или юридических лиц, которые могут быть установлены только законом. Вместе с тем в Гражданском кодексе (ГК) РФ пока не получили закрепления временное управление, основания его установления и его содержание.

Таким образом, поименованные в Указе № 604 законодательные акты, являющиеся якобы законодательной основой введения временного управления объектами критической инфраструктуры, не содержат правил, делегирующих ряд полномочий Президенту РФ.

Очевидным становится, что введение временного управления объектами критической инфраструктуры служит специальной экономической мерой, которая носит принудительный характер. В связи с этим обратим внимание на содержание Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах»¹.

¹ О специальных экономических мерах и принудительных мерах: федер. закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 44.

Согласно п. 2 ст. 1 этого Федерального закона специальные экономические меры применяют в случаях возникновения совокупности обстоятельств, требующих безотлагательной реакции на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства или его органов и должностных лиц, представляющие угрозу интересам и безопасности РФ и (или) нарушающие права и свободы ее граждан. Обеспечение надлежащего функционирования объектов критической инфраструктуры вполне вписывается в это правило.

Правовую основу применения специальных экономических мер составляют не только законодательные акты, но и указы Президента РФ, постановления Правительства РФ (п. 1 ст. 1 Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 281). Их применение должно соответствовать принципам законности и обоснованности.

К специальным экономическим мерам отнесены запрет на совершение действий в отношении блокируемых лиц и (или) возложение обязанности совершения указанных действий, а также ограничения, устанавливаемые законодательством РФ (п. 2 ст. 3 Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 281). Данная законодательная норма служит дополнительным подтверждением того, что изъятие объектов критической инфраструктуры и передача их иным лицам во временное управление на неопределенный срок является ограничением прав их обладателей и должно быть основано на букве закона, а не подзаконного нормативного акта. Поэтому целесообразно закрепить правовой режим временного управления имуществом в ГК РФ.

По своей юридической природе временное управление выступает в качестве обременения по отношению к правомочиям собственника объектов критической инфраструктуры и влечет за собой ряд ограничений правомочий последнего. Ввиду срочности оно не может быть квалифицировано как ограниченное вещное право. По содержанию временное управление имеет сходство с институтом доверительного управления. Различие между ними состоит в том, что объект критической инфраструктуры переходит к временному управляющему не по воле собственника, а в качестве наказания, по решению Правительства РФ, принятому на основании поручения Президента РФ.

Поскольку речь идет о передаче имущества или части имущества объекта критической инфраструктуры при сохранении статуса его правообладателя, появляется необходимость урегулирования возникающих между ними отношений, в том

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ВРЕМЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ ОБЪЕКТАМИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ:
СООТНОШЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

числе и относительно третьих лиц. Решение Правительства РФ как административный акт может в большей степени выступать в качестве юридического факта, порождающего возникновение временного управления. Содержание возникающего при этом правоотношения целесообразно облечь в форму договора временного управления между собственником объекта критической инфраструктуры и временным управляющим. Сложный юридический состав в данном случае позволит в полной мере урегулировать отношения временного управления с момента его возникновения и до момента его прекращения.

Поскольку рассматриваемые вопросы не урегулированы Указом № 604, выделим проблемные элементы его содержания, которые могут вызвать затруднения в процессе его реализации, нуждаются в уточнении и выработке путей их разрешения на доктринальном уровне. Начнем с оснований введения временного управления в отношении объектов критической инфраструктуры. К таким основаниям относятся:

- непринятие хозяйствующим субъектом мер по обеспечению безопасности объектов критической инфраструктуры РФ;
- несвоевременное принятие хозяйствующим субъектом мер по обеспечению безопасности объектов критической инфраструктуры РФ;
- нарушение хозяйствующим субъектом требований к обеспечению их безопасности, предусмотренных нормативными правовыми актами РФ и решениями органов, уполномоченных в области обеспечения безопасности объектов критической инфраструктуры;
- создание хозяйствующим субъектом угрозы безопасности объектов критической инфраструктуры;
- создание хозяйствующим субъектом угрозы нормальному функционированию объектов критической инфраструктуры;
- выявление неэффективности реализации хозяйствующим субъектом мероприятий, направленных на пресечение угроз нападения с использованием беспилотных воздушных судов;
- невозможность восстановления хозяйствующим субъектом функционирования таких объектов;
- несвоевременное восстановление хозяйствующим субъектом функционирования таких объектов.

Анализ оснований введения временного управления применительно к объектам критической инфраструктуры

свидетельствует о наличии в тексте Указа № 604 целого ряда оценочных категорий («несвоевременное принятие мер», «создание хозяйствующим субъектом угрозы безопасности», «нормальное функционирование объекта», «неэффективная реализация мероприятий», «пресечение угроз нападения», «несвоевременное восстановление» и др.). Данное обстоятельство не может не создавать проблем на этапе реализации положений Указа № 604 при изъятии объектов критической инфраструктуры и передаче их во временное управление.

Далее рассмотрим перечень объектов критической инфраструктуры, подлежащих изъятию у собственников и иных правообладателей (подп. «б» п. 6 Указа № 604). Под объектами критической инфраструктуры понимают объекты топливно-энергетического комплекса, промышленные объекты, объекты связи, объекты коммунальной, транспортной, логистической инфраструктуры, транспортно-логистические комплексы, объекты энергетики, в том числе атомной. Фактически любой объект реального сектора экономики может оказаться в приведенном перечне. Особенность этих объектов заключается в том, что они являются критически важными для жизнеобеспечения, несут в себе потенциальную опасность, имеют важное значение для обеспечения безопасности и экономической стабильности РФ, а также жизнедеятельности населения.

В качестве этих объектов могут выступать:

- движимое и недвижимое имущество, находящееся на территории РФ;
- часть движимого и недвижимого имущества, находящегося на территории РФ;
- принадлежащие хозяйствующему субъекту ценные бумаги и доли в уставных (складочных) капиталах российских юридических лиц;
- имущественные права, принадлежащие хозяйствующему субъекту.

Необходимо разграничивать объект критической инфраструктуры и юридическое лицо, которому он принадлежит либо которое осуществляет его эксплуатацию. Объектом может быть отдельный корпус, склад, энергетический узел, инженерная сеть или иной элемент инфраструктуры. Субъектом осуществления правомочий выступает собственник либо иной управомоченный собственником хозяйствующий субъект, имущество которого передается во временное управление.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ВРЕМЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ ОБЪЕКТАМИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ:
СООТНОШЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

Временный управляющий осуществляет полномочия собственника в отношении поступившего к нему имущества во временное управление, за исключением полномочий по их распоряжению. За счет доходов от этого имущества временный управляющий обеспечивает расходы, связанные с временным управлением имуществом. В таком случае возникает закономерный вопрос о том, какой будет судьба оставшихся (за минусом расходов) полученных временным управляющим доходов. К этому дополним неопределенность относительно дальнейшей судьбы сохранившихся обязательств хозяйствующего субъекта перед третьими лицами.

С одной стороны, правовой механизм временного управления обеспечивает оперативный контроль над критически важными активами без необходимости национализации и без дополнительной нагрузки на бюджет. Гражданам РФ гарантирована непрерывность предоставления жизненно важных благ, таких как топливо, электричество, тепло-, водоснабжение, транспортные услуги, даже в случае саботажа или бездействия предпринимателей.

С другой – хозяйствующий субъект остается на рынке и после того, как он лишится всего или части своего движимого и недвижимого имущества. У него остаются неисполненные обязательства. К временному управляющему переходят только активы. Не приведет ли правовой режим временного управления имуществом объектов критической инфраструктуры к массовому банкротству собственников в лице коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей? Уместно спрогнозировать и сиюминутные результаты, и отдаленные последствия реализации рассматриваемого нормативного акта.

Временным управляющим выступает Федеральное агентство по управлению государственным имуществом, если иное лицо не определено на основании поручения Президента РФ решением Правительства РФ о введении временного управления. По существу, Указом № 604 установлен внесудебный механизм временного осуществления полномочий владения, пользования и распоряжения собственника в отношении объектов критической инфраструктуры и корпоративных прав при сохранении права собственности за их первоначальным владельцем. Собственник в период действия режима временного управления существенно ограничен в осуществлении правомочия распоряжения

имуществом и осуществлении принадлежащих ему корпоративных прав.

Указ № 604 практически не регулирует порядок применения нового института гражданского права. В нем не определены правовой механизм оценки наличия оснований для введения временного управления, его конкретный срок и критерии прекращения. Рассматриваемый нормативный акт не устанавливает критериев, позволяющих определить степень достаточности мер защиты, своевременности восстановления объекта или эффективности противодействия беспилотным воздушным судам.

Кроме того, Указ № 604 не регулирует судьбу обязательств хозяйствующего субъекта перед акционерами и держателями облигаций. Обозначенный круг проблем нуждается в оперативном решении на доктринальном уровне, с последующей реализацией научных результатов на нормативном уровне. Дополним, что сегодня наступил момент, когда необходимо закрепить институт временного управления в Гражданском кодексе РФ (понятие, основания возникновения, содержание, осуществление и прекращение).

В. П. Камышанский,
главный редактор журнала «Власть Закона»,
директор АНО «Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»,
заведующий кафедрой гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
доктор юридических наук,
профессор

Раздел

Актуальные проблемы современного права

В. П. Камышанский

заведующий кафедрой гражданского права Кубанского
государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина,
директор Научно-исследовательского института актуальных
проблем современного права,
доктор юридических наук, профессор
vpkam@rambler.ru

**УЧЕТ СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА ПРИ ТОЛКОВАНИИ
ИСТОЧНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА**

**CONSIDERING SOCIAL CONTEXT IN THE INTERPRETATION
OF CIVIL LAW SOURCES**

В статье исследованы некоторые проблемы учета социального контекста при толковании источников гражданского права в условиях правовой неопределенности. Обоснована необходимость учета социального контекста при возникновении необходимости сбалансировать социальные интересы личности и общества в целом, стоящие за буквой и духом закона. Утверждается, что гражданское законодательство выступает одним из элементов системы социальных явлений общества. Системность социальных явлений обеспечивается за счет сложных

взаимообусловленных связей между ее элементами. Методология учета социального контекста в процессе толкования источников гражданского права способствует повышению качества правоприменения и выявлению проблем в гражданском законодательстве, которые невозможно решить без его модернизации. Учет социального контекста источников гражданского права позволяет наполнять конкретным содержанием принципы гражданского права при толковании и применении его источников, обеспечивает внутреннее единство между складывающимися в определенный исторический период фактическими отношениями и источниками гражданского права.

Ключевые слова: социальный контекст, источники гражданского права, толкование источников гражданского права, гражданское законодательство, правовое отношение, фактическое отношение, применение гражданского законодательства, принципы гражданского права, методология гражданского права.

The article examines certain issues regarding the consideration of social context when interpreting sources of civil law amidst legal uncertainty. It substantiates the need to take social context into account when it becomes necessary to balance the social interests of the individual and society as a whole—interests that lie behind both the letter and the spirit of the law. The author argues that civil legislation constitutes one element within the system of a society's social phenomena; the systemic nature of these phenomena is maintained through complex, interdependent connections between their constituent elements. A methodology that incorporates social context into the interpretation of civil law sources enhances the quality of law enforcement and helps identify issues in civil legislation that cannot be resolved without modernization. Considering the social context of civil law sources allows for the infusion of concrete substance into civil law principles during the interpretation and application of those sources, while ensuring internal coherence between the actual social relations emerging in a given historical period and the sources of civil law.

Keywords: social context, sources of civil law, interpretation of civil law sources, civil legislation, legal relationship, actual relationship, application of civil legislation, principles of civil law, civil law methodology.

Право не должно возникать как результат волюнтаристских решений, направленных на достижение сиюминутных целей или быть результатом интеллектуального творчества отдельной личности без всестороннего учета интересов общества. Гражданское право не создается исключительно через законодательные акты. Гражданское законодательство выступает одним из элементов целостной системы социальных процессов общества и регуляторов общественных отношений. Системность социальных явлений обеспечивается за счет сложных взаимообусловленных связей между ее элементами, в том числе и нормами, входящими в источники гражданского права.

В процессе толкования и применения источников гражданского права для уяснения истинного смысла нормы права учитывают особенности происходящих в обществе социальных явлений в контексте с принципами гражданского права. При этом «нельзя видеть особого источника права непосредственно в толкованиях законов, данных при применении их к конкретным случаям»¹. Чтобы понять истинный смысл источника права, необходимо, оставаясь в границах его текста, учитывать социальные процессы, которые в качестве контекста его окружают. Контекст в переводе с латинского (*contextus*) означает «сплетение», «соединение». Под контекстом следует понимать окружение, связи и отношения, влияющие на понимание тех или иных явлений и ситуаций². Контекст любого источника гражданского права помогает точнее определить смысл ряда входящих в него правил поведения.

Как обычай и язык, право формируется в процессе социального взаимодействия³. Социальный контекст источников гражданского права может находиться за пределами границы нормы как правила поведения и выступает дополнительным импульсом для последующего развития гражданского законодательства. Содержание любого гражданского

¹ Лазаревский Н. И. Законодательство под видом толкования законов // Вестник гражданского права. 1916. № 2. С. 104.

² Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. М.: Ридерз Дайджест, 2004. С. 286.

³ См.: Лескова И. В., Джавадян Ю. Р. Право как регулятор социальных отношений // Мир науки. Социология, филология, культурология: сетевое издание. 2025. Т. 16. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20SCSK125.pdf> (дата обращения: 22.07.2026).

правоотношения в значительной степени обусловлено потребительскими свойствами соответствующего объекта гражданских прав, по поводу которого оно возникло. Любое правоотношение представляет собой сложное социально-правовое явление, основанное на букве и духе закона¹. В литературе утверждается, что «правоотношение, с одной стороны, возникает благодаря “активности” нормы права, а с другой – “выталкивается” самим общественным отношением благодаря заложенной в нем потребности в правовом регулировании»². Это означает, что норма гражданского права и гражданское правоотношение имеют в качестве предмета правового регулирования один и тот же объект, в частности соответствующее фактическое общественное отношение. Содержания правоотношения, как юридической связи, вытекающей из прописанного в норме права, может оказаться недостаточно для урегулирования фактических отношений ввиду особенностей динамичного развития его социального контекста.

Социальный контекст позволяет учитывать состояние экономики, общественные ценности, культурные традиции, которые помогут оценить адекватность применяемой нормы к текущим общественным отношениям. По мере развития научно-технического прогресса и возникновения новых объектов гражданских прав, изменения их потребительских свойств, трансформации общечеловеческих ценностей неизбежно возникает необходимость трансформации и соответствующих норм гражданского законодательства. Таким образом, социальный контекст нормы права со временем может трансформироваться в законодательную новацию, способствует дальнейшему развитию гражданского законодательства с учетом потребностей субъектов гражданского оборота³.

Учет социального контекста источников гражданского права имеет под собой и определенную нормативную базу. В основе необходимости учета социального контекста норм

¹ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 36.

² Толстой Ю. К. Избранные труды о собственности и правоотношениях: сб. / сост. А. А. Иванов. 2-е изд., доп. М.: Закон, 2022. С. 144.

³ Камышанский В. П. О социальном и юридическом контексте норм гражданского права: вопросы методологии // Власть Закона. 2025. № 4. С. 32.

гражданского права находится конституционное положение, ввиду которого «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17 Конституции России). Качество российского гражданского законодательства обусловлено формальной определенностью и системностью закрепленных в нем правил. Вместе с тем наличие значительного количества диспозитивных норм в гражданском законодательстве предполагает возможность учитывать в процессе правоприменения особенности складывающихся между субъектами общественных отношений, в том числе их социальный характер.

Как следует из содержания п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), гражданское законодательство основано на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Соблюдение этих основополагающих принципов гражданского права невозможно без учета регулируемых нормами гражданского законодательства особенностей общественных отношений, их социального характера.

При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (п. 3 ст. 1 ГК РФ). Пункт 4 ст. 1 ГК РФ гласит о том, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, Верховный Суд РФ не дает четкого определения понятия добросовестности участников гражданского оборота и предлагает «исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации»¹. Позиция Верховного Суда РФ заключается в том, что положения ГК РФ, иных федеральных законов, указов

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

Президента РФ и постановлений Правительства РФ, содержащих нормы гражданского права, подлежат истолкованию в системной взаимосвязи с основными началами (принципами) гражданского законодательства, закрепленными в ст. 1 ГК РФ¹. Таким образом, при толковании источников гражданского права следует не просто уяснить букву закона, как регулятора общественных отношений, но и увязать ее с принципами гражданского законодательства, выражающими наиболее важные социальные ценности общества.

Пределы осуществления гражданских прав в своей основе также обусловлены социальным контекстом. Согласно п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом), в том числе в целях ограничения конкуренции и путем злоупотребления доминирующим положением на рынке товаров, работ или услуг. По существу, обход закона, в том числе и с противоправной целью, не есть непосредственное нарушение буквы закона, но такая деятельность вступает в противоречие с необходимостью соблюдения принципа добросовестности («принцип доброй совести» – от лат. *bona fides*).

Согласно ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора предписывается учитывать не только буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений, но и общий смысл договора в целом, а также все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи и даже последующее поведение сторон. Таким образом, существующая договорная практика, характер взаимных отношений между договаривающимися сторонами и обычаи выступают социальным контекстом отношений, возникающих между участниками гражданского оборота. Учет социального контекста привносит определенность при оценке условий договора в случае нечеткости содержания ряда его условий.

Учет социального контекста норм гражданского законодательства находит отражение в решениях Конституционного Суда РФ. При рассмотрении дел о банкротстве граждан и защите прав залогодателей Конституционным Судом РФ обращено внимание на то, что «формальное применение нормы без

¹ Там же.

учета социально-экономических реалий может привести к отрицанию сущности конституционного права»¹. Это означает, что в процессе толкования норм гражданского законодательства судья обязан интерпретировать норму ГК РФ таким образом, чтобы ее уяснение и последующее применение не порождало социальную несправедливость. Например, как в случае лишения единственного жилья при незначительной просрочке исполнения обязательства по ипотеке.

Следует иметь в виду то обстоятельство, что учет социального контекста в процессе правоприменения имеет определенные границы. Социальный контекст не может отменять или заменять императивные нормы гражданского законодательства, не может подменять заложенную в норме волю законодателя. Учет социального контекста при толковании норм гражданского законодательства предполагает комплексную реализацию принципов правовой определенности, справедливости и разумности. Выход за границы указанных принципов в процессе учета социального контекста норм гражданского законодательства, их замена целесообразностью в процессе судебного усмотрения без учета обстоятельств дела могут привести к нарушению законности и послужить основанием для отмены судебного решения.

По мнению профессора В. Г. Ротаня, конституционные принципы и основные начала гражданского законодательства имеют широкую сферу действия, что повышает вероятность возникновения коллизий между ними. Поэтому толкование и применение таких нормативных положений необходимо осуществлять с учетом фактически существующих общественных отношений и сложившейся иерархии социальных интересов и ценностей, но в пределах разумно интерпретируемого позитивистского подхода².

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой акционерного общества «Юридическое бюро “Факториус”»: постановление Конституционного Суда РФ от 4 июня 2024 г. № 28-П // Российская газета. 2024. 25 июня.

² Ротань В. Г., Очкуренко С. В. Учет социального контекста при толковании и применении правовых принципов, регулирующих гражданские отношения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 207.

Решая практические задачи отправления правосудия, естественно, у судьи могут возникнуть вполне конкретные вопросы, без получения ответов на которые судебное решение может быть отменено последующей судебной инстанцией. Во-первых, необходимо уяснить сложившиеся общественные отношения между участниками спора. Во-вторых, построить иерархию социальных интересов и ценностей, нуждающихся в судебной защите. В-третьих, определить пределы разумного интерпретируемого позитивистского подхода.

Комплексное решение этой непростой триединой задачи юридической науки и практики позволит наиболее полно учитывать социальный контекст норм и принципов гражданского права при разрешении споров по существу. Решение первой задачи по уяснению сущности фактических обстоятельств по конкретному судебному спору, как нам представляется, судье вполне по силам. Для решения второй задачи потребуются назначение социологической экспертизы и применение специальных знаний в области социологической науки.

Наиболее сложной задачей является установление пределов разумной интерпретации позитивистского подхода. Использование оценочной категории «разумность» в процессе придания определенного смысла установленным государством нормам и законам нуждается в доктринальном обосновании.

Профессор В. Г. Ротань предлагает не опасаться «отхода от позитивистского правопонимания и движения в сторону социологической юриспруденции»¹. Он пишет: «Любая научная концепция должна использоваться разумно, в том числе в тех пределах, в которых ее использование является разумным. Позитивистское правопонимание не должно доводиться до абсурда. Оно должно признать социологическую юриспруденцию там, где это необходимо. В частности, в науке гражданского права совершенно неисследованной остается проблема логически неразрешимых коллизий»². Разделяя позицию В. Г. Ротаня, не могу не обратить внимания на ее недостаточную определенность и проблемность применения на практике. Используемые им оценочные категории «разумное использование концепции»,

¹ Ротань В. Г., Очкуренко С. В. Указ. соч. С. 209; Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Новейшее учение о толковании права: монография. Симферополь, 2019. С. 696–707.

² Там же.

«пределы разумности», «абсурдность позитивистского правопонимания», «пределы разумно интерпретируемого позитивистского подхода» для юристов-практиков нуждаются в дополнительном обосновании и разъяснении.

Возникает естественный вопрос о том, в каком случае позитивистское правопонимание через признание правом исключительно санкционированной государством нормы должно признавать социологическую юриспруденцию, условно говоря, без потери собственного лица. Попробуем ответить на этот вопрос.

Мы исходим из того, что норма права связана с фактическими общественными отношениями через их правовое регулирование при наличии ряда юридических фактов. Представляется интересной позиция профессора В. Г. Ротаня относительно двойственного характера элементов содержания гражданского правоотношения. Разделяя традиционное понимание правоотношения как общественного отношения, урегулированного нормой права, Владимир Гаврилович выделяет в его содержании две части. Первую часть правоотношения составляет его юридическое содержание, идущее от правила поведения, закрепленного в норме права; вторую часть – собственно общественное отношение как предмет гражданского права¹. Именно характер и содержание фактического отношения, его социальный контекст позволяет лучше уяснить норму права, если возникают затруднения при раскрытии ее юридического содержания в процессе толкования.

Нормы гражданского законодательства могут быть ординарными, содержащими исключительно правила поведения в рамках действующего законодательства. Наряду с правилами поведения, норма гражданского права может содержать декларации и даже носить в целом декларативный характер. Особенность декларативной нормы состоит в том, что она не устанавливает конкретных прав и обязанностей, а содержит принципы, цели, задачи и направления правового регулирования. В связи с изложенным следует признать, что рациональное толкование имеет определенные границы и не является всесильным. Раскрыть смысл деклараций, содержащихся в нормах гражданского права, только путем рационального толкования их юридического содержания и без учета социального контекста

¹ Ротань В. Г., Очкуренко С. В. Указ. соч. С. 208.

фактического содержания возникающего при этом правоотношения невозможно.

Ординарные нормы гражданского права, содержащие правила поведения участников гражданского оборота, подлежат применению путем их рационального толкования. И попытки придать таким нормам социальный контекст могут привести к решениям, основанным на целесообразности, а не законности.

По глубокому убеждению профессора В. Г. Ротаня, «обращение к социальному контексту и к взвешиванию интересов и ценностей является необходимым для разрешения коллизий между конституционными принципами, регулирующими или воздействующими на отношения, принадлежащие к предмету гражданского права, а также при толковании и применении принципов, сформулированных в основных началах гражданского законодательства»¹. Взвешивание законных интересов и общечеловеческих ценностей в процессе толкования норм гражданского законодательства дает возможность в полной мере раскрыть их социальный контекст, а также юридическое содержание гражданского правоотношения.

Уместно обратить внимание на немецкую правовую мысль, которая стараниями Ф. К. фон Савиньи, Г. Ф. Пухты и их последователей пришла к идеям *Interessenjurisprudenz* (юриспруденции интересов), отвечающей на вопрос о том, что стоит за нормой (борьба социальных групп), и *Wertungsjurisprudenz* (юриспруденции ценностей), отвечающей на вопрос о том, во имя чего и какая ценность должна победить.

Interessenjurisprudenz (юриспруденция интересов) – это методологический подход в немецкой правовой мысли, который возник в конце XIX – начале XX века как реакция на господствовавшую «юриспруденцию понятий» (*Begriffsjurisprudenz*). Ее сущность заключается в том, чтобы сместить фокус с формальных логических конструкций на реальные интересы людей и социальных групп, которые стоят за правовыми нормами. Субъективное право Р. фон Йеринг трактовал как юридически защищенный интерес, то есть такой интерес, который подлежит судебной защите². В немецкой

¹ Ротань В. Г., Очкуренко С. В. Указ. соч. С. 209.

² Мусатов Ф. Идеиные позиции Р. фон Йеринга // Закон.ру. 2020. 29 августа. URL:

литературе это направление стало доминирующим после 50-х гг. прошлого столетия.

Таким образом, учет социального контекста правил поведения, содержащихся в источниках гражданского права, позволяет наполнять актуальным содержанием принципы гражданского права при толковании и применении источников гражданского права. Учет социального контекста источников гражданского права обеспечивает социализацию гражданского оборота и внутреннее единство между складывающимися в конкретный исторический период фактическими отношениями, источниками гражданского права и иными регуляторами общественных отношений; позволяет предвидеть и воздействовать на отдаленные последствия правового регулирования общественных отношений через взаимодействие норм права с другими социальными нормами. Признание социальной контекстуальности источников гражданского права свидетельствует об их социальной обусловленности, что делает контрпродуктивным обособленное изучение и применение норм гражданского права без учета характера складывающихся фактических общественных отношений.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
2. Камышанский В. П. О социальном и юридическом контексте норм гражданского права: вопросы методологии // Власть Закона. 2025. № 4. С. 28–37.
3. Лазаревский Н. И. Законодательство под видом толкования законов // Вестник гражданского права. 1916. № 2. С. 104–129.
4. Лескова И. В., Джавадян Ю. Р. Право как регулятор социальных отношений // Мир науки. Социология, филология, культурология: сетевое издание. 2025. Т. 16. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20SCSK125.pdf> (дата обращения: 22.07.2026).
5. Мусатов Ф. Идеиные позиции Р. фон Йеринга // Закон.ру. 2020. 29 августа. URL:

https://zakon.ru/blog/2020/08/29/idejnye_pozicii_r_fon_jeringa?ysclid=mrw951673672753980& (дата обращения: 22.07.2026).

https://zakon.ru/blog/2020/08/29/idejnye_pozicii_r_fon_jeringa?ysclid=mrw951673672753980& (дата обращения: 22.07.2026).

6. *Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В.* Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь, 2019. 782 с.

7. *Ротань В. Г., Очкуренко С. В.* Учет социального контекста при толковании и применении правовых принципов, регулирующих гражданские отношения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 207–209.

8. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. М.: Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.

9. *Толстой Ю. К.* Избранные труды о собственности и правоотношениях: сб. / сост. А. А. Иванов. 2-е изд., доп. М.: Закон, 2022. 1038 с.

Г. Б. Власова
заведующий
кафедрой теории и истории
права и государства
Ростовского филиала
Российского государственного
университета правосудия
имени В. М. Лебедева,
профессор кафедры теории и
истории права
и государства Южно-
Российского института
управления – филиала
Российской академии
народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте РФ,
доктор юридических наук,
доцент
Россия, г. Ростов-на-Дону
vlasovagb@bk.ru

В. И. Власов
профессор кафедры теории и
истории права
и государства
Ростовского филиала
Российского государственного
университета правосудия
имени В. М. Лебедева,
доктор юридических наук,
профессор
Россия, г. Ростов-на-Дону
vlasovvi@mail.ru

**ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ТОМАСА ДЖЕФФЕРСОНА
И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

**THOMAS JEFFERSON'S DECLARATION OF INDEPENDENCE
AND ITS HISTORICAL SIGNIFICANCE**

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ТОМАСА ДЖЕФФЕРСОНА И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Пламя, зажженное 4 июля 1776 года,
охватило уже слишком большую часть
планеты, чтобы слабеющее дыхание
деспотизма смогло погасить его.

Томас Джефферсон

Статья посвящена великому событию – принятию Декларации независимости США, которая оставила неизгладимый след в мировой истории политики и политической мысли. В результате подробного анализа авторы статьи раскрывают содержание и значение этого правового акта. Впервые в истории отброшено лживое «божественное право королей» и провозглашено право народа и наций на самоопределение, дополненное правом на революцию. Им уделено особое внимание, сопровождающееся противопоставлением принципу территориальной целостности государства. Анализ процессов создания и принятия Декларации, а также исторических условий, в рамках которых эти процессы осуществлены, помогает лучше понять специфику образования США и роль идеологии эпохи Просвещения. Спустя 250 лет Декларация независимости не утратила ни актуальности, ни исторического значения. С учетом этого особый интерес представляет личность великого американского революционера Томаса Джефферсона, автора Декларации независимости, многообразная деятельность которого не исчерпывается одним историческим документом, хотя и этого достаточно, чтобы увековечить его имя. В статье утверждается, что, получив хорошее образование, Джефферсон вел успешную адвокатскую практику. Война за независимость североамериканских колоний Англии застала его на депутатской должности, в Законодательной ассамблее Виргинии, которая направила его в качестве делегата на Второй континентальный конгресс, принявший указанную выше Декларацию независимости. Джефферсон оказался в числе отцов-основателей США, заняв второе место после Дж. Вашингтона. В дальнейшем он – губернатор Виргинии, посол США во Франции, государственный секретарь в администрации первого Президента США, затем вице-президент, третий Президент США, в два раза увеличивший территорию американского государства, и, наконец, основатель и ректор первого американского университета.

Ключевые слова: война за независимость, декларация, революция, права человека, самоопределение, конгресс, отцы-основатели, президент, Луизиана, университет.

The article is devoted to a great event – the adoption of the Declaration of Independence of the United States, which left an indelible mark on the history of global politics and political thought. Through a detailed analysis, the authors explore the content significance of this legal instrument. For the first time in history, the fallacious doctrine of the “divine right of kings” was rejected in favor of proclaiming the right of people and nations to self-determination, completed by the right to revolution. The authors pay particular attention to these concepts contrasting them with the principle of state territorial integrity. Analyzing the processes behind the Declaration’s drafting and adoption, as well as the historical context in which they were occurred, sheds the light on the unique circumstances of the United States’ formation and the role of Enlightenment ideology. Two and a half centuries later, the Declaration of Independence retains both its relevance and its historical significance. In this context, the figure of Thomas Jefferson – the great American revolutionary and author of the Declaration of Independence – is of particular interest; his multifaceted career extends far beyond this single document, though the Declaration alone would have been enough to immortalize his name. The article notes that Jefferson, having received an excellent education, maintained a successful legal practice. He was serving as a representative in the Virginia legislature when the War of Independence broke out; the assembly subsequently sent him as a delegate to the Second Continental Congress, which adopted the aforementioned Declaration. Jefferson emerged as a key Founding Father, second in prominence only to George Washington. His subsequent career included serving as Governor of Virginia, US Ambassador to France, Secretary of State under the first US President, Vice President, and the third US President—during whose tenure the nation's territory doubled in size—before he ultimately founded and served as rector of the first American university.

Keywords: War of Independence, declaration, revolution, human rights, self-determination, Congress, founding fathers, President, Louisiana, university.

4 июля 1776 г. произошло эпохальное событие. Второй континентальный конгресс с участием депутатов от 13 колоний Великобритании в Северной Америке, состоявшийся в Филадельфии, принял правовой акт, который вошел в историю как Декларация независимости. Этот день стал днем образования великой державы – Соединенных Штатов Америки (США), превратившись в дальнейшем в главный национальный праздник США. К этому времени война за независимость указанных выше колоний продолжалась второй год. Она вошла в историю как одна из трех Великих революций XVII–XVIII вв., наряду с Английской (1640–1653) и Французской (1789–1799).

Г. Уэллс в «Истории цивилизации» пишет: «Война началась в 1775 году, когда британское правительство попыталось арестовать двух американских вождей в Лексингтоне, близ Бостона. Первые выстрелы в Лексингтоне были сделаны британцами. Первая битва произошла в Конкорде. Так началась война за независимость, хотя колонисты в течение года с лишним всячески избегали разрыва отношений с отчизной»¹.

Конгресс обратился к королю Великобритании с мирным посланием. Однако британское правительство оставило его без ответа, было решено применить силу. Началась подготовка к отправке экспедиционного корпуса. Желая продемонстрировать свою готовность жестоко расправиться с восставшими, командование британских колониальных войск осуществило два рейда в штатах Мэн и Виргиния, на территории которых были сожжены два селения. Колонии объявлены в состоянии мятежа.

В этот период сторонники независимости пребывали в меньшинстве, но весной 1776 г. Второй континентальный конгресс начал обсуждение вопроса о провозглашении независимости. 1 июня принято решение о создании комиссии для подготовки особого правового акта. В нее вошли А. Адамс, Ф. Шерли, Р. Ливингстон и Т. Джефферсон. Последнему остальные поручили составить текст знаменитой Декларации, навсегда обессмертившей его имя.

Т. Джефферсон был самым молодым и эрудированным членом комиссии, к тому же обладал хорошим слогом. С 14 по 28 июня в доме каменщика Грифа, в котором снимал две комнаты, он написал первоначальный текст указанного выше правового

¹ Уэллс Г. Дж. История цивилизации. М.: АСТ, 2025. С. 329–330.

акта. В нем автор обосновал законность и правомерность провозглашения независимости. В. О. Печатнов, исследователь политической и творческой деятельности Джефферсона, приводит следующее его высказывание: «Цель заключалась не в том, чтобы найти новые принципы или аргументы, над которыми раньше не задумывались, и не просто в том, чтобы сказать что-то, прежде не высказанное, но в том, чтобы изложить человечеству здравую суть дела в выражениях, достаточно простых и твердых, чтобы заручиться его согласием и оправдать ту независимую позицию, которую нам пришлось занять. Не претендующая на оригинальность принципов и чувств, не списанная с какого-либо конкретного предшествующего труда, она была задумана как выражение американского разума и должна была придать ему тот тон и дух, которых требовала обстановка»¹.

Декларация, написанная Джефферсоном, совершенна не только по содержанию, но и по композиции, стилю и языку. Обосновывая восстание колонистов с моральных и правовых позиций, автор отбросил доктрину так называемого божественного права монархов и привел в преамбуле Декларации лаконичное изложение теории естественного права народа на самоопределение.

В целом Декларацию независимости условно можно разделить на три части. В первой из них провозглашены естественные права людей. В ней заявлено, что «... все люди созданы равными и наделены Творцом определенными правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых: что, если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа»².

Автор Декларации сознательно изменил формулу основоположника либерализма, английского мыслителя Дж. Локка

¹ См.: Печатнов В. О. Гамильтон и Джефферсон. М.: Международные отношения, 1984. С. 104.

² Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 5. Политические документы / отв. ред. И. Г. Усачев. М.: Мысль, 1997. С. 41.

(«жизнь, свобода, собственность»), желая придать создаваемому им акту особое звучание. С его точки зрения «стремление к счастью» гораздо шире и демократичнее понятия собственности. К этому уместно дополнить замечание нашего историка политико-правовой мысли Н. М. Азаркина. Он пишет: «... В раннем американском обществе человеческий капитал – как по своему физическому проявлению (количество рабочих рук), так и по инициативности и уровню производительности – ценился не ниже собственности, особенно земельной»¹. Лидеры Американской революции воспринимали право частной собственности и как само собой разумеющееся, и как гарантию осуществления остальных естественных и гражданских прав и свобод.

В итоге Декларация провозглашала право народа на революцию, которое было дополнено правом на самоопределение и выражено в следующих словах: «... Опыт прошлого показывает, что люди скорее склонны терпеть зло пока оно еще переносимо, чем пользоваться своим правом упразднения привычных форм жизни. Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно преследующих одну и ту же цель, обнаруживает стремление подчинить народ абсолютному деспотизму, то право и долг народа свергнуть такое правительство и создать новые гарантии обеспечения своей будущей безопасности»².

Во второй части содержится список злоупотреблений английского короля Георга III, занявший две трети Декларации. Американский писатель и историк А. Азимов утверждал: «... Это, конечно, было необходимо сделать. Ни один американец не испытывал мистической преданности какому-либо законодательному органу – только королю, и именно от почитания короля необходимо было освободить американцев»³.

Далее приведен перечень попыток руководства колоний возвать к совести монарха. В результате получился композиционный контраст: агрессивный угнетатель (колонизатор) и противостоящая ему беззащитная жертва (колонисты).

В третьей части Декларации сделан следующий вывод: «... мы, представители Соединенных Штатов Америки, собравшись на

¹Азаркин Н. М. Всеобщая история юриспруденции: курс лекций. М.: Юрид. лит., 2003. С. 385.

² Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 5. Политические документы / отв. ред. И. Г. Усачев. М.: Мысль, 1997. С. 41.

³Азимов А. История США. М.: Эксмо, 2014. С. 255.

Генеральный Конгресс и призывая Всевышнего быть свидетелем искренности наших намерений, именем и властью доброго народа наших колоний торжественно и во всеуслышание объявляем, что наши соединенные колонии отныне являются, и по праву должны быть, свободными и независимыми Штатами, что они полностью освобождаются от верности Британской Короне и что всякая политическая связь между ними и государством Великобританией полностью расторгается, и что, как свободные и независимые Штаты, они полномочны объявлять войну, заключать мир, вступать в союзы, вести торговлю и совершать все другие акты и начинания, которые по праву могут совершать независимые государства»¹.

В целом Декларация независимости представляет собой небольшой правовой акт. Джефферсону хватило сотни слов, чтобы высказать передовые идеи западноевропейской цивилизации современного для него периода. Сущность политической философии Декларации отражает принцип народного суверенитета. К этому следует дополнить и право на равное место среди других наций, что означает призыв к отказу от посягательств на свободу и независимость народов. Н. М. Азаркин характеризует новаторство Т. Джефферсона следующим образом: «... Под его пером юриспруденция, примененная к американским революционным реалиям, приобрела радикальную направленность и стала орудием изменения феодального правового мира»².

Обратим внимание на то обстоятельство, что положения Декларации независимости и сегодня по-прежнему актуальны. Историк-американист А. А. Фурсенко пишет: «Многие положения Декларации независимости не утратили своего значения и в наше время. Они остаются актуальными, ибо все еще ожидают своего решения. Именно в этом смысле можно говорить о Декларации как о хартии американской демократии. Не случайно участники демократических движений XIX и XX вв. обосновывали свои политические требования невыполненными обещаниями Декларации независимости»³. Право народа, нации на

¹ Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 5. Политические документы / отв. ред. И. Г. Усачев. М.: Мысль, 1997. С. 44.

² Азаркин Н. М. Указ. соч. С. 384.

³ Фурсенко А. А. Американская революция и образование США. Л.: Наука, 1978. С. 252.

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ТОМАСА ДЖЕФФЕРСОНА И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

самоопределение как никогда видится актуальным сегодня. Отстаивание этого права обеспечивает образование независимых государств, таких как Южный Судан, Восточный Тимор, Абхазия, Южная Осетия, а игнорирование – приводит к развязыванию вооруженных конфликтов (примерами выступают Палестина и Донбасс).

В современных условиях силы, противостоящие освободительной борьбе народов, стремятся противопоставить такому праву принцип территориальной целостности, используемый для реализации интересов реакционных сил. Это может стать причиной развязывания широкомасштабных конфликтов.

28 июня 1776 г. Декларация независимости представлена конгрессу. И, хотя многие представители штатов-колоний считали получение независимости недостижимой целью, тем не менее одна делегация за другой стали голосовать за принятие Декларации Джефферсона. 4 июля 1776 г. подпись под текстом Декларации независимости поставил президент Континентального конгресса Д. Хэнкок, и именно этот день стал главным праздником США.

8 июля Декларацию независимости впервые публично огласили в Филадельфии. 19 июля конгресс постановил оформить текст Декларации на пергаменте, и в течение последующих месяцев, наряду с Д. Хэнкоком, ее подписали 55 человек. Подписавших Декларацию считают отцами-основателями США. Они приобрели особо почетный статус, хотя некоторые из них, кроме подписания этого исторического документа, ничего выдающегося не совершили. До сих пор отношение к большинству из них двойственное.

В интервью журналу «Историк» директор Института международных исследований МГИМО М. Сучков четко выразил свою позицию: «Одни считают отцов-основателей лицемерами, которые писали трактаты о свободе, но владели рабами. Другие видят в них мечтателей-идеалистов, стремившихся построить новое, непохожее на европейские аналоги государство, основанное на идее баланса между ветвями власти. И это, по их мнению, должно было стать залогом устойчивости будущего американского общества. Мне кажется, что между этими точками зрения нет каких-то серьезных противоречий. Они действительно хотели построить нечто новое. Но то, что это новое касалось не всех, что сами они не видели ничего зазорного в рабовладении и не собирались распространять идею свободы на тех, кого считали

своей собственностью, – так это было вполне в духе времени. Просто об этих вещах не думали так, как мы думаем о них сегодня. ... Между тем странно подходить к людям прошлого с современной шкалой ценностей»¹.

Не подлежит сомнению тот факт, что главенство в полусотне этих политических деятелей принадлежит Дж. Вашингтону. Он возглавил американскую армию в войне за независимость. В 1787 г. председательствовал на Конвенте, принявшем Конституцию США, действующую и сегодня. Затем избран первым президентом США. И возглавлял Соединенные Штаты в течение двух сроков, с 1789 по 1797 г. Он построил столицу США, названную его именем, и до смерти (1799) был признанным лидером американского народа. Но если Вашингтон является «отцом-основателем № 1», то вторым можно считать Джефферсона.

Джефферсон, как и Вашингтон, имел древнюю родословную, принадлежал к группе богатых плантаторов южных штатов. Российский историк В. В. Согрин пишет: «Он и его ровесники в образованных Американских семьях воспитывались в то время, когда интерес к Локку и Монтескье, Вольтеру и Мабли достиг наивысшей точки. Конечно, культу европейских вольнодумцев в Северной Америке способствовало то обстоятельство, что их идеи отвечали потребностям буржуазного развития провинций. Но даже те из американцев, кто не принимал просветителей, не осмеливались изъять их из своих библиотек и тем более из учебных программ колледжей»². Джефферсон получил образование в самом престижном колледже и, благодаря имеющимся способностям, стал одним из самых успешных адвокатов.

В 1771 г., когда ему исполнилось 27 лет, на его счету было уже 227 выигранных дел. В последующие полвека он прошел сложный, насыщенный и продуктивный жизненный путь. С 1769 по 1775 г. Джефферсон – депутат Законодательной ассамблеи Виргинии, на втором этапе войны за независимость – губернатор Виргинии, а после ее завершения переходит на дипломатическую работу, сменив Б. Франклина на посту посла США во Франции.

¹ Сучков М. Циничная утопия с продолжением // Историк. 2026. № 7–8 (139–140). С. 81.

² Согрин В. В. Основатели США: исторические портреты. М.: Наука, 1983. С. 94.

Вернувшись в 1789 г. в США, он становится государственным секретарем в администрации Дж. Вашингтона.

Неоценима роль Джефферсона в выработке первых десяти поправок к Конституции США, образовавших американский Билль о правах. При этом в Конституции о них не сказано. И, хотя Дж. Мэдисон выполнил практическую работу по консолидации статей Билля, заслуга Джефферсона несомненна. Его понимание прав и свобод человека основано на идеях свободы и равенства. К числу главных прав он относил свободу мысли и право придавать гласности свои мысли устно и письменно. Соответственно, неотъемлемой частью свободы мысли для Джефферсона служили свобода слова и свобода печати.

В дальнейшем вместе с Мэдисоном он создает первую в американской истории партий оппозиционную партию (предшественницу современной демократической партии США) и, находясь во главе, выигрывает президентские выборы в 1800 г. Ранее в течение одного срока он трудился в должности вице-президента США. Итак, Джефферсон становится третьим президентом США, имея за плечами колоссальный политический опыт и в своей стране, и за рубежом (парламентарий – губернатор – дипломат – государственный секретарь – лидер политической партии – вице-президент).

Победу на президентских выборах Джефферсон оценивал как революцию, осуществленную мирным путем. Свою роль сыграл опыт Великой Французской революции, а точнее, опыт якобинской диктатуры. У автора Декларации происходит осознание того, к чему может привести не контролируемая правовыми методами политическая активность масс. Только конституционно правовые механизмы мирным путем должны обеспечивать смену власти. Это означает, что только выборы на партийной основе являются адекватным вариантом перезаключения общественного договора. В результате идея «революции у избирательных урн» становится сердцевиной американской демократии.

Президентство Т. Джефферсона приходится на первое десятилетие XIX в. Во внутренней политике он придерживался умеренного компромисса. Им отменен ряд консервативных постановлений предшественника Дж. Адамса, сокращены военные расходы и унифицирован государственный аппарат. Однако его главное достижение относится к сфере внешней политики. В отличие от Вашингтона, генерала-победителя,

Джефферсон был сугубо гражданским деятелем, которому было суждено мирным путем вдвое увеличить территорию США.

К моменту его избрания президентом США занимали территорию по обеим сторонам горного хребта Аппалачи, охватывая Приатлантическую низменность и левый берег реки Миссисипи, от Великих озер и границы с Канадой до владений Испании по побережью Мексиканского залива и полуострова Флорида.

В начале XIX в. Наполеон Бонапарт, первый консул Франции, вынужден отказаться от плана создания Французской колониальной империи в Северной Америке. Он пришел к выводу о необходимости продажи Луизианы Соединенным Штатам. Осуществление сделки поручено министру иностранных дел Франции М. Талейрану.

В свою очередь, США направили во Францию представителей для приобретения у нее устья реки Миссисипи вместе с Новым Орлеаном. В частности, А. Азимов пишет: «Американцы не подозревали о том, что Бонапарта их умеренность привела в раздражение. Только устье Миссисипи? Талейран отложил предложение в сторону и с бесстрастной улыбкой поинтересовался, сколько американцы готовы предложить за всю Луизиану. Наверное, американские переговорщики на мгновение лишились дара речи»¹.

Покупка Штатами Луизианы оформлена 30 апреля 1803 г. За территорию размером 2 млн км² уплачено 15 млн долл. Эта сумма равна 433 т серебра, но это также и 15 долл. за кв. милю. В дальнейшем на приобретенной у Франции территории создано 13 штатов. Кроме того, США получили почти четко определенную границу на севере с британской Канадой, границу на юге с испанской Мексикой и открытую границу на западе (до Тихого океана еще предстояло дойти). Таким образом, значение присоединения Луизианы трудно переоценить. Это был абсолютный успех президента Т. Джефферсона. Последним его крупным свершением на посту Президента США стало установление дипломатических отношений с Российской империей.

В 1809 г. завершился второй срок президентства Т. Джефферсона. Начались последние 17 лет его жизни, отнюдь не бесплодные. Автор бессмертной Декларации посвятил эти годы

¹ Азимов А. Указ. соч. С. 379.

реализации самого заветного желания – открытию первого американского университета. Будучи верным учеником английских и французских просветителей, он выступал просветителем. С 1814 г. и до конца жизни работал над созданием университета, уделяя ему основную часть своего времени. В этом же году он принял еще одно важное решение.

В 1812–1815 гг. состоялась Вторая англо-американская война, в ходе которой британские войска временно захватили и частично сожгли Вашингтон. Вместе с Капитолием, зданием Конгресса, сгорела и его библиотека. Джефферсон продал Конгрессу личную библиотеку, насчитывающую шесть с половиной тысяч книг, обеспечив тем самым создание ядра библиотеки американского парламента.

В 1818 г. Законодательная ассамблея штата Виргиния приняла решение о создании университета в городе Шарлоттсвиле. Его строительство обошлось в очень большую для этого исторического периода сумму – 300 тыс. долл. Территория университета составила 250 акров. Красная кирпичная кладка прекрасно гармонировала с зеленью окружающих холмов. Но Джефферсон понимал, что одних изящных строений мало. Виргинский университет был первым в системе университетов США, и лучшим его мог сделать только первоклассный профессорско-преподавательский состав, формированию которого Джефферсон уделил максимум внимания.

Г. Н. Севостьянов и А. И. Уткин в монографии приводят высказывание одного из прибывших профессоров о Джефферсоне: «Почтенный экс-президент представился и приветствовал нас с достоинством и доброжелательностью, которые были широко известны. Ему было тогда 82 года, но возраст не поколебал его интеллектуальной силы, а физическую его крепость показывало то, что он приехал из Монтиселло и обратно верхом на коне; спешившись, он показал активность человека на двадцать-тридцать лет моложе»¹.

В 1825 г. порог Виргинского университета переступили первые студенты. С течением времени первый американский университет стал самым демократичным учебным и научным центром в Америке. В его стенах учились многие известные люди, в том числе писатель Э. По и президент США В. Вильсон.

¹ Севостьянов Г. Н., Уткин А. И. Томас Джефферсон. М.: Мысль, 1976. С. 351.

1825–1826 гг. – последние годы жизни Т. Джефферсона. Масштаб его личности уникален. Пламенный революционер, политический мыслитель, выдающийся государственный деятель и гуманист-просветитель. Всего три слова – Декларация, Луизиана, Университет – позволяют кратко, но полно охарактеризовать его многогранную деятельность. Сердце великого человека остановилось на 83-м году жизни, 4 июля 1826 г.

4 июля 2026 г. – это не только 250 лет принятия Декларации независимости США, но и 200 лет со дня смерти Т. Джефферсона, личности, которая оставила огромный след в истории США. Для миллионов американцев, для подлинных демократов по-прежнему непререкаемыми являются его главные идеи: о народном суверенитете, правах человека, правовом и демократическом государстве с федеративным устройством, цель которого – всеобщее счастье людей.

Библиографический список

1. Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 5. Политические документы / отв. ред. И. Г. Усачев. М.: Мысль, 1997. 765 с.
2. Азаркин Н. М. Всеобщая история юриспруденции: курс лекций. М.: Юрид. лит., 2003. 608 с.
3. Азимов А. История США. М.: Эксмо, 2014. 960 с.
4. Печатнов В. О. Гамильтон и Джефферсон. М.: Международные отношения, 1984. 336 с.
5. Севостьянов Г. Н., Уткин А. И. Томас Джефферсон. М.: Мысль, 1976. 390 с.
6. Согрин В. В. Основатели США: исторические портреты. М.: Наука, 1983. 137 с.
7. Сучков М. Циничная утопия с продолжением // Историк. 2026. № 7–8 (139–140). С. 80–87.
8. Фурсенко А. А. Американская революция и образование США. Л.: Наука, 1978. 416 с.
9. Уэллс Г. Дж. История цивилизации. М.: АСТ, 2025. 448 с.

К. А. Долгополов

доктор социологических наук,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Юридического института
Северо-Кавказского федерального университета
Россия, г. Ставрополь
nadal06@mail.ru

РОЛЬ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

THE ROLE OF JUDICIAL DISCRETION IN IMPOSING A SUSPENDED SENTENCE

В статье исследованы пределы судебного усмотрения при назначении условного осуждения и сопоставлены предписания статей 60, 73 и 74 Уголовного кодекса Российской Федерации (РФ) с практикой их применения. Установлено, что основное противоречие состоит в разрыве между требованием индивидуализировать прогноз исправления осужденного и распространенной практикой шаблонного перечисления сведений о личности без объяснения их связи с итоговым решением. Показано, что одинаковые обстоятельства – отсутствие судимости, возмещение вреда, положительные характеристики и семейные обязанности – в разных инстанциях могут получать

противоположную оценку. Сделан вывод о необходимости обязательного структурированного текста мотивировки. Суду следует отдельно оценивать общественную опасность деяния, устойчивость правопослушного поведения, посткриминальные действия и исполнимость обязанностей в испытательный срок. Обосновано утверждение о том, что вышестоящий суд не должен отменять условное осуждение ссылкой лишь на тяжесть преступления, не опровергнув прогноз суда первой инстанции конкретными обстоятельствами. Автор статьи предлагает дополнить ч. 2 ст. 73 УК РФ требованием раскрывать в приговоре фактические основания вывода о возможности либо невозможности исправления без реального отбывания наказания.

Ключевые слова: уголовное право, судебное усмотрение, условное осуждение, назначение наказания, индивидуализация ответственности, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства, личность виновного, дискреционные полномочия.

This article examines the limits of judicial discretion in imposing a suspended sentence and compares the provisions of Articles 60, 73, and 74 of the Criminal Code of the Russian Federation with the practice of their application. It identifies a fundamental contradiction: the gap between the requirement to individualize the assessment of the offender's potential for rehabilitation and the common practice of merely listing personal details without explaining their connection to the final decision. The study demonstrates that identical circumstances—such as the absence of a prior criminal record, restitution for damages, positive character references, and family obligations—can be evaluated in diametrically opposite ways by different courts. The author concludes that a structured, reasoned explanation is essential. Courts should separately evaluate the social danger of the offense, the consistency of law-abiding behavior, post-offense conduct, and the feasibility of complying with obligations during the probationary period. The article argues that a higher court should not overturn a suspended sentence based solely on the gravity of the crime without refuting the trial court's assessment through specific factual circumstances. Finally, the author proposes amending Part 2 of Article 73 of the Criminal Code to require that the judgment explicitly state the factual grounds for concluding whether or not the offender can be rehabilitated without actually serving the sentence.

Keywords: criminal law, judicial discretion, suspended sentence, sentencing, individualization, mitigating circumstances, aggravating circumstances, offender's identity, discretionary power.

Институт условного осуждения относится к числу наиболее востребованных средств индивидуализации уголовной ответственности. Его гуманистический потенциал состоит в сохранении социальных связей лица при одновременном контроле за его поведением. Однако именно в этом особенно прослеживается расхождение между буквой закона и практикой: законодатель предоставляет суду право прогноза, но почти не определяет способ построения и проверки этого прогноза.

Согласно ч. 1 ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)¹ суд, назначив один из предусмотренных статьей видов наказания, вправе постановить считать его условным, если придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания. Часть 2 этой же статьи требует учитывать характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства. Тем самым закон задает перечень направлений оценки, но не устанавливает их иерархию, минимальную достаточность и правила разрешения противоречий между ними.

Судебное усмотрение в таком случае представляет собой не свободу от нормы, а выбор внутри нормативно очерченного пространства. В общей теории оно связано с возможностью избрать один из нескольких законных вариантов при обязательной проверяемости мотивов решения. А. Барак² обращает внимание на ограниченность усмотрения правовым полем, А. Н. Берг³ – значение его пределов, А. А. Малиновский⁴ – недопустимость отождествления усмотрения с произволом. В контексте ст. 73 УК РФ это означает, что внутреннее убеждение судьи приобретает юридическое значение лишь в случае, если его фактическое основание выражено в приговоре.

Буква закона ориентирует суд на индивидуализацию, а практика нередко подменяет ее стандартной формулой: «с учетом

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 4 августа 2026 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. М.: Норма, 1999. С. 19.

³ Берг А. Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 61–62.

⁴ Малиновский А. А. Усмотрение в праве // Государство и право. 2006. № 4. С. 103.

характера и степени общественной опасности содеянного, данных о личности и смягчающих обстоятельств». Такая фраза подтверждает, что обстоятельства указаны, но не отражает, почему именно они свидетельствуют о возможности или невозможности исправления без изоляции. М. М. Гитинова¹ связывает чрезмерно широкие рамки усмотрения с риском неединообразия, а К. П. Ермакова² рассматривает мотивированность и проверяемость решения как необходимые правовые пределы дискреции.

Для осмысления этого разрыва продуктивна позиция главного редактора журнала «Власть Закона» В. П. Камышанского³. По его мнению, правоприменитель должен руководствоваться не только буквальным текстом, но и смыслом закона, принципами разумности и справедливости, а логическое развитие нормы не является произвольным присвоением законодательной функции. Применительно к условному осуждению такая идея требует осторожного уточнения. Обращение к «духу закона» допустимо лишь в пределах текста статей 6, 43, 60 и 73 УК РФ и не освобождает суд от обязанности показать ход рассуждения.

Неопределенность критериев усиливается доктринальным спором о юридической природе условного осуждения. И. М. Агзамов характеризует его как разновидность условного неприменения наказания, Э. М. Губайдуллина – как самостоятельную меру уголовно-правового характера, Т. И. Эрхитуева, напротив, усматривает в нем признаки наказания, а Ю. М. Ткачевский связывает его с принуждением вне реального исполнения основного наказания⁴. Различие между приведенными

¹ Гитинова М. М. Проблема судейского усмотрения в уголовном праве при назначении уголовного наказания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1. С. 219–221.

² Ермакова К. П. Правовые пределы судебного усмотрения // Журнал российского права. 2010. № 8 (164). С. 52–54.

³ Камышанский В. П. О степени востребованности цивилистической методологии профессора Е. В. Васьковского // Власть Закона. 2025. № 1 (61). С. 20–22.

⁴ Агзамов И. М. Условное осуждение как разновидность условного неприменения уголовного наказания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8 (22). Ч. 1. С. 18–20; Губайдуллина Э. М. Условное осуждение и наказание: сравнительный анализ // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 4. С. 170–173; Эрхитуева Т. И.

подходами имеет практическое значение: если акцент сделан только на освобождении от отбывания наказания, может недооцениваться карательно-предупредительное содержание испытательного срока; если условное осуждение фактически приравнивается к наказанию, то возникает риск игнорировать специфику исправления без изоляции.

Представляется, что спор должен быть разрешен функционально. Условное осуждение не включено в перечень наказаний ст. 44 УК РФ, однако назначается после определения конкретного наказания и не устраняет судимость, контроль, обязанности и возможность последующего исполнения назначенного наказания. Следовательно, цели, приведенные в ч. 2 ст. 43 УК РФ, сохраняют значение, но достигаются иными средствами. Исправление обеспечивается не режимом исправительного учреждения, а сочетанием угрозы реального исполнения, контроля и сохранения позитивных социальных связей.

Особую трудность создает асимметрия смягчающих и отягчающих обстоятельств. Перечень смягчающих обстоятельств открыт, а перечень отягчающих – исчерпывающий. Поэтому сведения о трудоустройстве, обучении, семейных обязанностях, состоянии здоровья, волонтерской деятельности или устойчивых социальных связях могут быть учтены судом, но их значение заранее не определено. В одной из работ, опубликованных в текущем году, К. А. Долгополов и А. И. Калюгина обоснованно утверждают, что оценочный характер критериев одновременно обеспечивает индивидуализацию и порождает различия в наказаниях и шаблонность мотивировки¹.

Совершение преступления впервые само по себе не доказывает случайность поведения. Оно должно быть оценено совместно с обстоятельствами до и после преступления: стабильностью законного образа жизни, реакцией на содеянное, возмещением вреда, отношением к потерпевшему и реальной возможностью исполнять возложенные обязанности. Аналогично

Юридическая природа условного осуждения в уголовном праве России и Монголии // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14. № 4. С. 369–371; Ткачевский Ю. М. Юридическая природа условного осуждения // Уголовное право. 1999. № 1. С. 32–33.

¹ Долгополов К. А., Калюгина А. И. Значение судейского усмотрения при назначении наказания // Журнал юридических исследований. 2026. Т. 11. № 2. С. 115.

наличие работы или детей не может автоматически вести к условному осуждению; суду необходимо объяснить, каким образом эти связи снижают риск нового преступления и почему контроль без изоляции будет достаточным.

Отягчающее обстоятельство, если ст. 73 УК РФ прямо не исключает условное осуждение, также не превращается в автоматический запрет. Но его наличие повышает требования к мотивировке. Суд обязан сопоставить антисоциальную направленность, проявившуюся в способе совершения преступления, с данными, свидетельствующими о способности лица соблюдать испытательный режим. Именно сопоставление, а не арифметический подсчет положительных и отрицательных признаков, составляет содержание усмотрения.

При отсутствии формально установленных смягчающих и отягчающих обстоятельств усмотрение не становится безграничным. Оно опирается на общие начала назначения наказания и доказанные данные о личности. При этом следует отделять юридически значимые сведения от социальных стереотипов. Возраст, профессия, семейный статус или репутация могут иметь значение только через их связь с прогнозом поведения, а не как самостоятельные привилегии или основания для более строгого обращения.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (п. 1, 66)¹ требует мотивировать вывод о возможности исправления без реального отбывания наказания. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 18 (п. 1–11)², регулируя вопросы отмены условного осуждения, конкретизирует признаки исправления и отрицательного поведения в испытательный срок. Однако эти разъяснения преимущественно перечисляют обстоятельства, сохраняя за судом их итоговую оценку. Поэтому наличие разъяснений не устраняет различие между формальным и содержательным обоснованием.

Показательным является определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 июня 2024 г. № 26-

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (в ред. от 23 декабря 2025 г.) // Российская газета. 2015. 29 декабря.

² О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 18 // Российская газета. 2024. 9 июля.

УД24-4-К5¹. Апелляция признала дополнительные смягчающие обстоятельства, но одновременно отменила условное осуждение, сославшись в общих чертах на опасность незаконного оборота наркотиков. Верховный Суд РФ указал, что такой вывод внутренне противоречив: вышестоящая инстанция не назвала конкретных обстоятельств чрезмерной мягкости и не опровергла прогноз суда первой инстанции. В данном случае противоречие между законом и практикой проявилось не в выборе результата как такового, а в отсутствии проверяемой логической связи между установленными фактами и ужесточением наказания.

Еще отчетливее проблема отражена в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 мая 2026 г. № 41-УД26-25-К4². Суды трех инстанций отказали в применении ст. 73 УК РФ по делу о дорожно-транспортном происшествии со смертельным исходом, хотя установили отсутствие судимости и отягчающих обстоятельств, возмещение вреда, положительные характеристики, заболевание осужденной и ее волонтерскую деятельность. Верховный Суд РФ признал вывод о необходимости изоляции необоснованным и назначил лишение свободы условно. Тяжесть последствий была бесспорной, но она не могла заменить анализ личности и посткриминального поведения.

Сходный дефект обнаружен в деле Киракосяна. Кассационная инстанция отменила условное осуждение, сославшись на тяжесть преступления и цели наказания, но не объяснила, почему совокупность положительных сведений не позволяет исправления без изоляции. Верховный Суд РФ в определении от 22 января 2026 г. восстановил апелляционное решение, указав на необходимость конкретных мотивов³.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 июня 2024 г. № 26-УД24-4-К5 // Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-13062024-n-26-ud24-4-k5/?ysclid=mtpv3nyb7j499294402> (дата обращения: 10.08.2026).

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 мая 2026 г. № 41-УД26-25-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 января 2026 г. № 18-УД25-50-К4 // Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22012026-n-18-ud25-50-k4/> (дата обращения: 10.08.2026).

Напротив, судебная практика знает случаи, в которых условное осуждение отменено ввиду устойчивого повторного противоправного поведения. Различие результатов будет законным, если оно объясняется различием фактов, а не различием риторических формул.

Сопоставление приведенных дел позволяет выявить устойчивое расхождение. Статья 73 УК РФ требует прогноза исправления, но нижестоящие суды иногда используют тяжесть преступления как самодостаточное основание, хотя она уже учтена при квалификации и выборе срока наказания. В других случаях положительные характеристики перечисляют без проверки их устойчивости. В итоге одно и то же оценочное понятие обслуживает противоположные решения, а реальный предел усмотрения формируется лишь на стадии кассационного исправления.

Для устранения выявленного расхождения целесообразно использовать обязательный структурированный текст мотивировки. Первый блок должен раскрывать характер и степень общественной опасности, включая роль лица, способ действий, последствия и форму вины. Второй – фиксировать не просто социальный статус, а устойчивость правопослушного поведения до преступления. Третий – оценивать посткриминальные действия, в том числе признание фактов, содействие, возмещение вреда, примирительные усилия и отсутствие новых нарушений. Четвертый – проверять исполнимость конкретных обязанностей и достаточность контроля в испытательный срок.

Такой текст не превращает правосудие в арифметический алгоритм. Он сохраняет свободу итоговой оценки, но делает ее ход видимым. Суд может прийти и к условному, и к реальному отбыванию наказания, однако должен показать, какие факты имеют прогностическое значение, какие обстоятельства им противостоят и почему одни перевешивают другие. Это одновременно усиливает индивидуализацию и снижает риск неравного обращения.

Отдельный стандарт необходим для апелляционной и кассационной проверки. Если вышестоящий суд изменяет решение по ст. 73 УК РФ, он должен не повторять общие критерии, а указать ошибку в фактической или логической основе прогноза: неучтенное обстоятельство, недостоверность характеристики, внутреннее противоречие, несоответствие выводов доказательствам либо невозможность исполнения обязанностей.

Ссылка только на категорию преступления или общественный резонанс не отвечает требованию мотивированности.

Итак, судебное усмотрение при назначении условного осуждения служит необходимым средством гуманизации и индивидуализации ответственности, но его законность определяется не широтой выбора, а качеством обоснования. Исследование подтверждает, что главная практическая проблема состоит в подмене прогноза исправления перечислением обстоятельств и в неодинаковом весе одних и тех же фактов в разных инстанциях. Структурированный стандарт мотивировки и обязанность вышестоящего суда опровергать прогноз конкретными доводами способны сблизить букву ст. 73 УК РФ с практикой ее применения, не устраняя необходимую гибкость судебного решения¹.

Предлагаем дополнить ч. 2 ст. 73 УК РФ положением следующего содержания: «Вывод о возможности или невозможности исправления осужденного без реального отбывания наказания должен быть мотивирован в приговоре с указанием фактических обстоятельств, характеризующих общественную опасность деяния, личность и посткриминальное поведение виновного, а также достаточность возлагаемых обязанностей и контроля». Такая норма не связывает суд закрытым перечнем, но превращает мотивировку из желательного качества в прямо выраженную законодательную обязанность.

Пределы усмотрения по ч. 4 ст. 74 УК РФ также требуют содержательной оценки. Совершение в испытательный срок неосторожного либо умышленного преступления небольшой или средней тяжести не влечет автоматической отмены условного осуждения. Суд должен различать ситуативное деяние и подтверждение устойчивой противоправной установки, учитывать исполнение ранее возложенных обязанностей и поведение в течение испытательного срока. Автоматизм был бы несовместим в данном случае с индивидуализацией, но немотивированное сохранение условного осуждения столь же опасно для принципа равенства.

Библиографический список

¹ Камышанский В. П. О конституционном праве судьи на самостоятельность принятия решения, единообразии судебной практики и законности: проблемы соотношения // Власть Закона. 2026. № 1. С. 22.

1. *Агзамов И. М.* Условное осуждение как разновидность условного неприменения уголовного наказания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8 (22). Ч. 1. С. 17–23.
2. *Барак А.* Судейское усмотрение / пер. с англ. М.: Норма, 1999. 364 с.
3. *Берг Л. Н.* Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 202 с.
4. *Гутинова М. М.* Проблема судейского усмотрения в уголовном праве при назначении уголовного наказания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1. С. 218–224.
5. *Губайдуллина Э. М.* Условное осуждение и наказание: сравнительный анализ // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 4. С. 168–173.
6. *Долгополов К. А., Калюгина А. И.* Значение судейского усмотрения при назначении наказания // Журнал юридических исследований. 2026. Т. 11. № 2. С. 114–118.
7. *Ермакова К. П.* Правовые пределы судебного усмотрения // Журнал российского права. 2010. № 8 (164). С. 50–58.
8. *Камышанский В. П.* О конституционном праве судьи на самостоятельность принятия решения, единообразии судебной практики и законности: проблемы соотношения // Власть Закона. 2026. № 1. С. 22–38.
9. *Камышанский В. П.* О степени востребованности цивилистической методологии профессора Е. В. Васьковского // Власть Закона. 2025. № 1 (61). С. 16–23.
10. *Малиновский А. А.* Усмотрение в праве // Государство и право. 2006. № 4. С. 102–104.
11. *Ткачевский Ю. М.* Юридическая природа условного осуждения // Уголовное право. 1999. № 1. С. 32–38.
12. *Эрхитуева Т. И.* Юридическая природа условного осуждения в уголовном праве России и Монголии // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14. № 4. С. 367–373.

В. В. Зайцев

профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
Россия, г. Москва
vladimir@zaytsev.pro

**ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ АНТИДОПИНГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ФИЗКУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
И СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**APPLICATION OF ANTI-DOPING REGULATIONS DURING
PHYSICAL EDUCATION EVENTS AND SPORTS COMPETITIONS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье исследована практика применения антидопингового регулирования при организации и проведении физкультурных мероприятий и спортивных соревнований в Российской Федерации. Прослеживаются тенденции, выраженные в последовательной реализации принципа строгой ответственности, усилении контроля за деятельностью персонала

спортсмена, повышении требований к предоставлению сведений о местонахождении и подтверждающих медицинских документов. К основным проблемам правоприменительной практики отнесены противоречия в толковании разноуровневых норм антидопингового регулирования, вызванные задержками в имплементации международных стандартов; неравенство доказательственных возможностей при определении источника поступления запрещенной субстанции в организм спортсмена; попытки применения к персоналу спортсмена дисциплинарной ответственности в виде увольнения при отсутствии необходимых условий для реализации такой санкции. Обоснованы пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: антидопинговое регулирование, допинг, спортивные соревнования, физкультурные мероприятия, спортсмен, строгая ответственность, ВАДА, РУСАДА, Всемирный антидопинговый кодекс, допинг-контроль, запрещенная субстанция.

The article examines the practical application of anti-doping regulations in the organization and conduct of physical education events and sports competitions in the Russian Federation. It traces trends characterized by the consistent implementation of the strict liability principle, enhanced oversight of athlete support personnel, and stricter requirements regarding the submission of whereabouts information and supporting medical documentation. Key issues in law enforcement practice include contradictions in the interpretation of anti-doping regulations across different regulatory levels—stemming from delays in the implementation of international standards—as well as disparities in evidentiary capabilities when determining the source of a prohibited substance in an athlete's system, and attempts to impose disciplinary sanctions (specifically dismissal) on athlete support personnel without the necessary grounds for such measures. Solutions to the identified problems are proposed.

Keywords: anti-doping regulations, doping, sports competitions, physical education events, athlete, strict liability, WADA, RUSADA, World Anti-Doping Code, doping control, prohibited substance.

В современных условиях область организации и проведения физкультурных мероприятий и спортивных соревнований отличается активным развитием медицинских, восстановительных и иных технологий, фармакологии и биоинженерии. Наряду с расширением возможностей для

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ АНТИДОПИНГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ФИЗКУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
И СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

повышения спортивных результатов, это создает и дополнительные риски, связанные с применением запрещенных субстанций и методов, противоречащих духу спорта¹. В таких обстоятельствах противодействие допингу представляет собой медицинскую, этическую и сложную правовую проблему, затрагивающую интересы спортсменов, персонала, спортивных организаций, организаторов соревнований и иных участников отношений в сфере физической культуры и спорта².

Специфику антидопингового регулирования определяют его многоуровневость, сочетание международно-правовых норм и норм национального законодательства, государственного и корпоративного регулирования. К числу базовых источников «антидопингового права»³ относятся Всемирный антидопинговый кодекс⁴ и международные стандарты Всемирного антидопингового агентства (ВАДА)⁵, законодательство Российской

¹ Громова Е. А., Кумар А. Н., Брантес Ф. Д., Конева Н. С., Джоованнини К. Д. Антидопинговое регулирование в странах БРИКС // Человек. Спорт. Медицина. 2024. Т. 24. № 1. С. 121.

² Иванов В. Д. Допинг в спорте: отношение допингу во всемирном сообществе // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2025. Т. 6. № 11. С. 13.

³ О некоторой условности понятия см., напр.: Орлов А. А. Влияние Всемирной антидопинговой программы на национальное антидопинговое регулирование // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 10. С. 108; Пискарев И. А. Принцип сочетания государственного правового регулирования и саморегулирования отношений в спорте: анализ, коллизии // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 10. С. 320; Чибисов Г. Г. Становление и развитие системы антидопингового управления // Наука и искусство управления. 2026. № 2. С. 85.

⁴ Всемирный антидопинговый кодекс 2027 и Международные стандарты 2027 // РУСАДА. URL: rusada.ru/about/documents/vsemirnyy-antidopingovyy-koдекс-2027-i-mezhdunarodnye-standarty-2027/ (дата обращения: 12.08.2026).

⁵ Международный стандарт по тестированию (IST) и расследованиям 2026 // РУСАДА. URL: <https://rusada.ru/about/documents/wada-code-and-other-international-standards/> (дата обращения: 12.08.2026); Международный стандарт по разведке и расследованиям (ISII) // International Taekwon Do Federation (ITF TKD). URL: https://itf-tkd.org/wp-content/uploads/2026/02/2027_international_standard_for_intelligence_and_investigations_isii.pdf (дата обращения: 12.08.2026); Международный стандарт по терапевтическому использованию (ISTUE) // World Anti-Doping Agency (WADA). URL: <https://www.wada-ama.org/sites/default/files/2025-02/Redline%20-%202027%20ISTUE%20v1%20-%202027%20ISTUE%20v2.pdf> (дата обращения: 12.08.2026); Международный стандарт для лабораторий (ISL) // World Anti-Doping Agency (WADA). URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/2024-01/isl_-_concept_paper_-_stakeholder_comments.pdf (дата обращения: 12.08.2026).

Федерации (РФ), в частности Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹, Общероссийские антидопинговые правила², акты Российского антидопингового агентства (РУСАДА), регламентные и локальные акты спортивных организаций. Степень эффективности реализации международно-правовых обязательств государств в сфере противодействия допингу при избранном подходе обусловлена целым рядом факторов, от качества и своевременности имплементации положений международных актов до эффективности просветительской работы, наличия и соблюдения процессуальных гарантий, компетентности лиц, участвующих в организации и проведении физкультурных мероприятий и спортивных соревнований в РФ.

Система антидопингового регулирования постоянно подвергается динамическим изменениям, ориентированным на уточнение объема прав и обязанностей субъектов при проведении допинг-контроля, дифференциацию санкций, унификацию методов оценки результатов и применения последствий. Масштабные изменения Всемирного антидопингового кодекса и международных стандартов ВАДА вступают в силу с 1 января 2027 г., и уже сегодня становится очевидным значительный потенциал их влияния на российскую правоприменительную практику.

Предваряя характеристику отдельных проблем в рассматриваемой области, следует указать, что обязательность применения на национальном уровне Всемирного антидопингового кодекса предопределена не особым статусом ВАДА как таковым, а закреплением в Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте 2005 г. глобального характера мер по противодействию допингу и механизма признания этого документа в национальных правовых порядках³.

¹ О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федер. закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (в ред. от 04.08.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 50. Ст. 6242.

² Общероссийские антидопинговые правила (2026) // РУСАДА. URL: <https://rusada.ru/upload/iblock/1c6/75s4zqeck2y1lk0qunhnqt2xxzomcde1/AllRussianAntiDopingRules2026.pdf> (дата обращения: 12.08.2026).

³ Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте: принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО 19 октября 2005 г., состоявшейся в Париже // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/2564093/?ysclid=mu8te2sm5y523862005> (дата обращения: 12.08.2026); Конвенция против применения допинга (ETS № 135): заключена в Страсбурге 16 ноября 1989 г. // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL:

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ АНТИДОПИНГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ФИЗКУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
И СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Всемирный антидопинговый кодекс закрепляет составы нарушений антидопинговых правил, общие принципы тестирования, обработки результатов, применения санкций и обжалования решений. Его положения конкретизируются международными стандартами, регулирующими отбор допинг-проб и процедуру расследования, терапевтическое использование, деятельность аккредитованных лабораторий, антидопинговое образование, обработку результатов, защиту персональной информации и оценку соответствия подписавшихся сторон положениям кодекса¹. Самостоятельное значение имеет ежегодно обновляемый Запрещенный список ВАДА². Субстанция или метод могут быть включены в него при наличии как минимум двух из трех признаков: способности улучшать спортивный результат, риска причинения вреда здоровью и противоречия духу спорта.

В России основу реализации международных требований составляет ст. 26 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ, устанавливающая специфическую иерархию и механизм действия норм антидопингового регулирования, а также особый статус РУСАДА. Вместе с тем функцию прикладного регулятора выполняют Общероссийские антидопинговые правила, разрабатываемые РУСАДА. Они уточняют существующие международные правила организации процедур тестирования, получения разрешений на терапевтическое использование, обработки результатов и т. д., исходя из специфики правового статуса и особенностей функционирования действующих в России организаторов физкультурных мероприятий и спортивных соревнований.

Возможность неоднозначного толкования относимых нормативных положений исключена в связи с внесением изменений в Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ, имплементирующих требования международных стандартов

<https://base.garant.ru/2540724/?ysclid=mu8tif4562129000504> (дата обращения: 12.08.2026).

¹ Питулько К. В., Сергеева А. А., Горбатова М. А. Правовые проблемы противодействия использованию в спорте запрещенных субстанций и методов // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21. № S1. С. 130–135.

² Запрещенный список Всемирного антидопингового агентства 2026 // РУСАДА. URL: <https://rusada.ru/substances/prohibited-list/> (дата обращения: 12.08.2026).

ВАДА в российское правовое поле¹. Коллизии разного рода эффективно решают посредством своевременной гармонизации положений национального «антидопингового права» с Всемирным антидопинговым кодексом и международными стандартами ВАДА. Однако одной из устойчивых правоприменительных тенденций остаются усиление роли принципа строгой ответственности спортсмена, выполнение универсального требования, принятого на международном уровне в области антидопингового регулирования, предполагающего, что наличие запрещенной субстанции в пробе образует нарушение независимо от умысла или знания (незнания) спортсмена. Последний действует в условиях презумпции виновности и обязан доказать, каким образом препарат попал в его организм². При отсутствии возможности установления источника со стопроцентной вероятностью возникают основания для назначения максимальной санкции.

Формирование практики в этой области следует связывать в том числе с четкой и последовательно реализуемой позицией Спортивного арбитражного суда (CAS). Неоспорим тот факт, что безусловная реализация принципа строгой ответственности³ служит целям обеспечения эффективности допинг-контроля на мировом уровне. Однако при оценке формирующейся практики нельзя не обратить внимания и на возникающие диспропорции в области доказательственных возможностей⁴. Поскольку ссылки на загрязненный источник не признают достаточными для подтверждения отсутствия нарушения, спортсмену требуется представить сведения о приобретении продукта, конкретной партии товара, условиях хранения и использования, результаты независимого лабораторного исследования и иные материалы, получение которых объективно затруднено.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»: федер. закон от 26 июля 2026 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2026. № 30. Ст. 4119.

² О презумпции см., напр.: Васильев И. А., Сидорова Н. А., Лукьянова Е. Г. Стандарты доказывания юрисдикционных органов общероссийских спортивных федераций в дисциплинарных спорах // Правоприменение. 2026. Т. 10. № 1. С. 84.

³ Камышанский В. П. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024. № 4. С. 23.

⁴ Мамметьярадова Д. Методы тестирования для обнаружения допинга в спорте // Наука и мировоззрение. 2026. Т. 1. № 66. С. 50.

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ АНТИДОПИНГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ФИЗКУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
И СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В то время как аккредитованная лаборатория подтверждает наличие вещества или применение метода, спортсмен вынужден в целях получения доказательств реконструировать бытовое событие, в момент которого не предприняты меры по сохранению относимых документов и материалов. Аналогичные диспропорции возникают и при использовании биологического паспорта спортсмена, поскольку основанием для реализации процедуры расследования становится обнаружение совокупности атипичных изменений биологических показателей, оцененных квалифицированными экспертами. Изложенное в совокупности подтверждает, что при реализации принципа строгой ответственности следует уделять внимание возможностям учета индивидуальной ситуации и дифференциации санкции в зависимости от характера и тяжести нарушения.

Практика CAS способствовала формированию еще одной значимой тенденции в области применения антидопинговых норм, в частности усилению внимания к персоналу спортсмена, деятельность которого все чаще становится предметом расследования РУСАДА (применительно к таким нарушениям антидопинговых правил, как назначение или введение запрещенной субстанции, содействие использованию запрещенного метода, фальсификация документов и запрещенное сотрудничество¹). Указанных лиц привлекают к административной ответственности по ст. 6.18 «Нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним» Кодекса РФ об административной ответственности. Однако соединение этих мер с попытками реализации дисциплинарной ответственности к тренерскому составу, врачам и иному персоналу спортсмена не предполагает отказа от определения необходимых условий наложения такой ответственности, предусмотренных трудовым законодательством, правилами внутреннего трудового распорядка и трудовым договором.

Например, в одном из случаев, несмотря на установленный факт нарушения антидопинговых правил работником (тренером спортсмена), суд посчитал его увольнение незаконным по причине

¹ *Верещагин А. М.* Допинг в спорте: разграничение ответственности спортсмена и тренера // Теория и практика общественного развития. 2025. № 6. С. 240.

невыполнения работодателем процедуры применения дисциплинарного взыскания, в частности отсутствия запроса письменного объяснения, выбора дисциплинарного взыскания без учета вида и степени тяжести проступка¹. Анализ подобных ситуаций позволяет заключить, что на уровне национального законодательства целесообразным является уточнение трудовых последствий антидопинговых нарушений. В свою очередь, для спортивных организаций РУСАДА могут быть разработаны типовые положения трудовых договоров, должностных инструкций и локальных актов, корректно закрепляющие антидопинговые обязанности спортсменов, тренеров и медицинского персонала.

Еще одной актуальной тенденцией можно считать ужесточение ответственности за нарушение порядка передачи информации в системе Anti-Doping Administration & Management System (ADAMS)² и предоставление ненадлежащим образом оформленных и (или) сфальсифицированных медицинских документов. CAS обращает внимание на несоразмерность назначенной санкции тяжести проступка и неполную оценку обстоятельств нарушения национальным антидопинговым агентством³.

Важно учитывать, что национальные спортивные федерации в течение последних лет успешно противостоят сформировавшейся на мировом уровне практике недопуска российских спортсменов к участию в крупных спортивных состязаниях «по паспорту», то есть исходя из разумных предположений о высокой вероятности допинговых нарушений. Особый интерес вызывают решения CAS по делам Ассоциации лыжных видов спорта России и др. против Международной федерации лыжного спорта и сноуборда⁴, Федерации санного

¹ Решение Сенгилеевского районного суда Ульяновской области от 6 февраля 2025 г. по делу № 2-2-24/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nkwnhsIK62V4/?ysclid=mu8ucnwmmf403099167> (дата обращения: 18.08.2026).

² Предназначена для антидопингового администрирования и управления, сбора, хранения и обработки данных, необходимых для эффективного антидопингового контроля.

³ CAS 2026/A/8281 (Akimenko v. RUSADA/WADA) // РУСАДА. URL: https://rusada.ru/en/news/sanktsiya/legkaya-atletika_08/ (дата обращения: 17.08.2026).

⁴ CAS 2025/A/11915 Russian Ski Association (RSF) et al. v. International Ski and Snowboard Federation (FIS) // Court of Arbitration for Sport (CAS). URL:

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ АНТИДОПИНГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ФИЗКУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
И СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

спорта России и др. против Международной федерации санного спорта¹.

Вместе с тем национальное антидопинговое агентство приемлет и успешно реализует строгие правила ВАДА в отношении сугубо «допинговых дел». Ключевые тенденции практики – внимание к тщательности расследования и установлению обстоятельств нарушения, ужесточение санкций, применяемых к персоналу спортсмена, а также при нарушении обеспечительных норм антидопинговых правил (в части предоставления оправдательной медицинской документации, предоставления спортсменом информации о местонахождении).

Принимая и поддерживая избранный подход, нельзя не учитывать и актуальные проблемы, требующие разрешения. К их числу относятся противоречия в толковании разноуровневых норм антидопингового регулирования, вызванные задержками при имплементации международных требований; неравенство доказательственных возможностей при определении источника поступления запрещенной субстанции в организм спортсмена; попытки применения к персоналу спортсмена дисциплинарной ответственности в виде увольнения при отсутствии необходимых условий для реализации такой санкции. Решение изложенных проблем, на наш взгляд, требует комплексного подхода.

В целях обеспечения неукоснительного соблюдения принципа строгой ответственности особое внимание необходимо уделять образовательной составляющей антидопингового контроля, выстраиваемой на принципах дифференциации подходов и усиления практической составляющей. Реализуемые образовательные программы должны учитывать различие таких категорий, как спортсмены высокого уровня, юниоры, тренеры, врачи, родители, спортивные менеджеры, организаторы соревнований, сотрудники федераций и представители массового спорта. Целесообразно принимать адресные меры по отработке навыков практического применения норм антидопингового регулирования для таких тем, как проверка биологически

[https://www.tas-cas.org/generated/assets/lists/feb900ba-1137-4b78-a9ff-d68af7869087/11915%20Award%20FINAL%20\(for%20publ.\).pdf](https://www.tas-cas.org/generated/assets/lists/feb900ba-1137-4b78-a9ff-d68af7869087/11915%20Award%20FINAL%20(for%20publ.).pdf) (дата обращения: 17.08.2026).

¹ CAS 2025/A/11887 Russian Luge Federation (RLF) et al. v. International Luge Federation (FIL) // Internationale Luge Federation (FIL). URL: <https://www.fil-luge.org/en/news/cas-press-release-on-the-case-of-the-russian-luge-federation-and-athletes-v-fil> (дата обращения: 17.08.2026).

активных добавок (БАД) и лекарств на запрещенные субстанции, самостоятельная оценка рисков использования БАД, получение и продление разрешения на терапевтическое использование, соблюдение норм антидопингового регулирования при прохождении тестирования, передаче информации о местонахождении, реализация прав спортсмена в ходе разбирательства о нарушении.

Значимым направлением развития национального законодательства видится уточнение трудовых последствий антидопинговых нарушений. В особенности, может быть рассмотрен вопрос о возможности отнесения отдельных случаев (в их числе – наличие запрещенной субстанции, ее метаболитов или маркеров в пробе спортсмена; использование и попытка использования запрещенной субстанции или метода; назначение или попытка назначения спортсмену запрещенной субстанции или метода) в качестве грубых нарушений трудовой дисциплины, влекущих за собой увольнение. При этом для спортивных организаций следует разработать типовые положения трудовых договоров, должностных инструкций и локальных актов, корректно закрепляющие антидопинговые обязанности спортсменов, тренеров и медицинского персонала.

Библиографический список

1. *Васильев И. А., Сидорова Н. А., Лукьянова Е. Г.* Стандарты доказывания юрисдикционных органов общероссийских спортивных федераций в дисциплинарных спорах // *Правоприменение*. 2026. Т. 10. № 1. С. 84–93.
 2. *Верецагин А. М.* Допинг в спорте: разграничение ответственности спортсмена и тренера // *Теория и практика общественного развития*. 2025. № 6. С. 240–246.
 3. *Громова Е. А., Кумар А. Н., Брантес Ф. Д., Конева Н. С., Джиованнини К. Д.* Антидопинговое регулирование в странах БРИКС // *Человек. Спорт. Медицина*. 2024. Т. 24. № 1. С. 121–126.
 4. *Иванов В. Д.* Допинг в спорте: отношение допингу во всемирном сообществе // *Актуальные проблемы педагогики и психологии*. 2025. Т. 6. № 11. С. 13–18.
 5. *Камышанский В. П.* Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // *Власть Закона*. 2024. № 4. С. 23–41.
 6. *Мамметмырадова Д.* Методы тестирования для обнаружения допинга в спорте // *Наука и мировоззрение*. 2026. Т. 1. № 66. С. 50–59.
-

7. Орлов А. А. Влияние Всемирной антидопинговой программы на национальное антидопинговое регулирование // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 10. С. 108–113.

8. Пискарев И. А. Принцип сочетания государственного правового регулирования и саморегулирования отношений в спорте: анализ, коллизии // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 10. С. 320–327.

9. Питулько К. В., Сергеева А. А., Горбатова М. А. Правовые проблемы противодействия использованию в спорте запрещенных субстанций и методов // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21. № S1. С. 130–135.

10. Чибисов Г. Г. Становление и развитие системы антидопингового управления // Наука и искусство управления. 2026. № 2. С. 85–97.

О. В. Колесниченко

профессор

кафедры противодействия преступлениям
в сфере информационно-телекоммуникационных технологий

Московского университета МВД России

имени В. Я. Кикотя,

доктор юридических наук, доцент

Россия г. Москва

olja_korn@mail.ru

**ДОКТРИНА ДОБРОСОВЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
(FAIR USE) КАК ИНСТРУМЕНТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ
СВОБОДНОГО ОБОРОТА АВТОРСКОГО КОНТЕНТА В
ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ**

**FAIR USE DOCTRINE AS A TOOL FOR DEFINING THE LIMITS
OF THE FREE CIRCUIT OF COPYRIGHTED CONTENT IN THE
DIGITAL ENVIRONMENT**

В статье раскрывается актуальная проблема определения пределов свободного использования авторского контента в цифровой среде ввиду массовых нарушений авторских прав при использовании охраняемых объектов в социальных сетях, на видеохостингах, маркетплейсах и иных цифровых платформах. Исследована доктрина добросовестного использования (fair use), базирующаяся на критериях трансформативности, характера

использования, объема заимствования и влияния на рынок оригинального произведения. Обосновано утверждение о том, что данная концепция в континентальном правовом порядке может быть применена как система доктринальных представлений, опосредующих решение на законодательном уровне проблемы отграничения свободного использования от неправомерного вмешательства в область реализации исключительных прав автора. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства (изменения в ст. 1235, 1253.1 и 1274 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Ключевые слова: авторское право, исключительное право, добросовестное использование, свободное использование, fair use, цифровая среда, пользовательский контент, цитирование, трансформативность, цифровые платформы, репост, искусственный интеллект.

The article addresses the pressing issue of defining the limits of the free use of copyrighted content in the digital environment, given the widespread copyright infringements occurring on social networks, video hosting sites, marketplaces, and other digital platforms. It examines the doctrine of "fair use," which is based on criteria such as transformativeness, the nature of the use, the extent of the borrowing, and the impact on the market for the original work. The article substantiates the argument that, within civil law jurisdictions, this concept can be applied as a system of doctrinal principles that facilitate a legislative solution to the problem of distinguishing between free use and unlawful interference with the exercise of an author's exclusive rights. Proposals for legislative improvement are formulated (specifically, amendments to Articles 1235, 1253.1, and 1274 of the Civil Code of the Russian Federation).

Keywords: copyright, exclusive right, fair dealing, free use, fair use, digital environment, user content, citation, transformativeness, digital platforms, repost, artificial intelligence.

Активно формирующаяся цифровая среда качественным образом изменяет привычные коммуникации между участниками правоотношений, способствуя не только появлению специфических прав и обязанностей, но и адаптации к ней традиционных правовых режимов и отдельных правовых конструкций. Не является исключением область реализации личных неимущественных и исключительных прав

автора. Будучи основанной на предварительном разрешении правообладателя на каждое использование произведения, традиционная модель авторско-правовой охраны сталкивается с качественно новыми условиями ее существования.

В частности, применение информационно-телекоммуникационных технологий изменяет процесс копирования произведения, делая его технически простым, быстрым и практически бесплатным. В результате любой пользователь получает доступ к опциям по воспроизведению текста, изображения, составного произведения, программного кода, способен организовывать доступ к этим и иным подобным объектам посредством размещения ссылки (репоста) на отдельном сайте, в социальной сети, облачном хранилище и т. п. Ситуация, в которой совершение за короткий период микроскопических актов использования является одним из типичных признаков цифровой среды, позволяет по-иному взглянуть на пределы и возможности применения классической запретительной модели осуществления личных неимущественных и исключительных прав автора.

Становится очевидным, что массовый характер интернет-коммуникации делает невозможным индивидуальное лицензирование всех случаев цитирования, ремикса, аналитической обработки информации (в том числе с применением сервисов искусственного интеллекта). Строгие ограничения не оправдывают себя также в контексте актуальных тенденций развития науки, технических инноваций, форм выражения независимого мнения. Вместе с тем специфика развития цифровых коммуникаций¹ не может служить поводом для лишения стимулов к творчеству, нивелирования доступных инструментов защиты прав авторов по отношению к недобросовестным пользователям, представляющим чужой контент как собственный.

Российская правовая действительность уверенно демонстрирует мировой тренд на совершение масштабных нарушений авторских прав в цифровой среде, преследование которых в правовом поле не отличается аналогичной массовостью.

¹ См.: Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском законодательстве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 3. С. 13; Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14; Камышанский В. П. О финансовых сделках с использованием финансовой платформы (колонка редактора) // Власть Закона. 2021. № 1. С. 12.

Вызвано это разными причинами, в первую очередь малозначительностью и труднодоказуемостью факта совершения, характера и размера наступивших неблагоприятных последствий.

Например, распространенным нарушением, ежедневно совершаемым в цифровой среде, является копирование чужих постов, статей, подборок фото и иного авторского контента в социальных сетях, мессенджерах и на видеохостингах без указания источника и (или) в объеме, не оправдываемом целями цитирования. В судебной практике такое деяние однозначно квалифицируют как воспроизведение и доведение до всеобщего сведения произведения без согласия правообладателя, нарушающее ст. 1229, 1270 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). При этом в литературе обоснованно утверждается, что возможность распространения на возникающие отношения ст. 1274 ГК РФ о свободном использовании произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях¹ блокируется ввиду отсутствия указания на автора и источник заимствования и (или) размещения произведения на соответствующем ресурсе в полном объеме: каждое из этих действий исключает квалификацию содеянного в качестве добросовестного цитирования². Вместе с тем в суд редко обращаются с исками о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав в подобных случаях. Видимо, по причине несоразмерности возможных издержек с назначаемой компенсацией (в особенности, если речь идет об одном-двух постах), экономической нецелесообразности обращения подобных требований к частным лицам, осуществляющим репосты в некоммерческих целях.

¹ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 618; Гражданское право: учебник: в 3 ч. Ч. 3 / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М.: Эксмо, 2009. С. 109.

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 июля 2020 г. № 09АП-27388/2020-ГК по делу № А40-150262/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Решение Миасского городского суда Челябинской области от 15 сентября 2023 г. по делу № 2-1551/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cLwuGR7P7bHv/> (дата обращения: 15.04.2026); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 9 октября 2024 г. по делу № 8Г-17771/2024[88-18591/2024]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В связи с аналогичными причинами не приобретают масштабного характера судебные разбирательства по фактам незаконного использования музыкальных фрагментов в коротких видео (рилс), которые размещают на своих персональных страницах активные пользователи социальных сетей и видеохостингов. Правовая квалификация этих деяний предполагает оценку с позиции нарушения ст. 1263, 1270 ГК РФ. В случае вставки музыкального произведения (в том числе фрагмента) в содержание собственного аудиовизуального контента речь идет о таких (несанкционированных в установленном порядке правообладателем) действиях, как воспроизведение и переработка, а при публикации полученного результата в социальной сети – также о доведении произведения до всеобщего сведения. Судебная практика, однако, показывает, что требования о привлечении к ответственности за нарушение исключительных прав по ст. 1301 ГК РФ ограничены случаями использования музыкальных произведений в коммерческих целях (например, при создании рекламных и промороликов)¹. В ходе судебного разбирательства основное внимание ожидается уделять именно целям использования соответствующего произведения или его фрагмента (коммерческим или некоммерческим)².

На доктринальном уровне прослеживаемые тенденции нередко объясняют тем, что контроль за использованием охраняемого музыкального контента в составе пользовательских рилс проще и эффективнее осуществлять с помощью лицензионных соглашений, заключаемых правообладателями с цифровыми платформами³. Нельзя не обратить внимания на то, что популярные социальные сети и видеохостинги не стремятся к строгим ограничениям для частных лиц. Так, в популярной

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 декабря 2022 г. № 5-КГ22-117-К2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Калмыкия от 1 апреля 2026 г. по делу № 33-306/2026. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Богдан В. В.* Право социальных сетей (частноправовой аспект) // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 133; *Деряева Е. П.* Авторское право в социальных сетях (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Актуальные исследования. 2025. № 25 (260). Ч. 2. С. 40; *Павлова Т. В., Мурашова С. В.* Актуальные проблемы трансформации охраны авторского права в современных условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 5. С. 181.

социальной сети «ВКонтакте» при создании вертикальных видео (рилс) пользователю предлагается использовать музыку из категорий «Сейчас в тренде» (музыкальные композиции, часто используемые в рилс других пользователей), «Новинки», «Популярное» (вторая и третья категория формируются из числа ранее размещенных на сайте музыкальных композиций) и «Свободная лицензия» (только эти треки изначально предназначены для использования в коммерческих целях).

Иные массовые нарушения исключительных прав в цифровой среде, в отношении которых практически не инициируют судебные разбирательства, связаны с использованием чужих фотографий на сайтах и в карточках товаров, представленных на популярных маркетплейсах (нарушение ст. 1270 ГК РФ, ст. 1259 ГК РФ применительно к фотографическим произведениям); встраиванием видеороликов с YouTube и иных видеохостингов на сторонние сайты (iframe) (нарушение ст. 1270 ГК РФ – доступ признают способом использования произведения независимо от того, хранится ли файл на сервере пользователя); несанкционированным распространением учебных материалов (подборок лекций, презентаций, научных статей) через каналы в мессенджерах и файлообменники (нарушение ст. 1260 ГК РФ о составных произведениях). Судебные разбирательства в таких случаях ограничены по разным причинам, в частности ввиду наличия значительного количества мелких карточек товаров и необходимости доказывания нарушения по каждому из них, по причине особой сложности установления администратора канала или папки в файлообменнике, а также ввиду большей эффективности профилактического использования механизмов идентификации контента на конкретной платформе (Content ID) и др.¹

¹ Имеющаяся судебная практика однозначно оценивает такие действия как нарушающие исключительные права автора. См., напр.: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17 марта 2021 г. № C01-188/2021 по делу № A41-83732/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 13 августа 2025 г. по делу № 33-10206/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Решение Московского городского суда от 3 июня 2022 г. по делу № 3-0005/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Эти и многие другие примеры дают возможность отдельным исследователям критиковать положения ст. 1274 ГК РФ, устанавливающие закрытый перечень способов и условий свободного использования произведения иными лицами без выплаты вознаграждения автору. Речь идет о том, что существующее регулирование не позволяет адекватно реагировать на вызовы цифровой эпохи и нуждается в уточнении, то есть введении общей оценочной нормы, позволяющей судам признавать несанкционированный оборот авторского контента правомерным, если таковой осуществляется добросовестно, не наносит неоправданного ущерба правообладателю и преследует социально значимые цели¹. Такой подход преподносится как необходимое в условиях активного развития цифровой среды средство отграничения правомерных технических и трансформационных процессов от реального «пиратства», инструмент, помогающий решить проблему неэффективного, а в некоторой степени даже абсурдного, правового регулирования реализации и защиты авторских прав².

Вместе с тем праву интеллектуальной собственности известны попытки создания доктрины, обосновывающей возможность признания тех или иных форм использования произведения правомерными без согласия правообладателя и без выплаты ему вознаграждения, при соблюдении параметров добросовестности поведения участников гражданских правоотношений. Речь идет о доктрине fair use (в переводе с англ. «свободного использования»), родиной которой принято считать США, а первым в истории нормативным правовым актом, подарившим ей право на существование, – Copyright Act 1976 (§ 107)³. Несмотря на то, что доктрину fair use признают

¹ Кожемякин Д. В. Трансформация института свободного использования произведений в цифровую эпоху // Правоведение. 2019. Т. 63. № 1. С. 99; Матвеев А. Г. Типологизация теорий авторских прав и их современное значение // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2025. Т. 20. № 1. С. 89; Пасканный М. Р. Особенности способов свободного использования авторских прав в медиасфере в Российской Федерации и за рубежом // Закон и право. 2026. № 6. С. 110.

² Калятин В. О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24.

³ Copyright Act 1976 // WIPO Lex. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21458> (дата обращения: 10.06.2026).

порожденной иностранным правовым порядком и относимым к англо-американской правовой системе, актуальность обращения к ее основным постулатам применительно к России предопределена необходимостью поиска открытых и гибких оценочных конструкций, позволяющих сохранить регулирующий потенциал авторского права в условиях стремительных технологических и социально-экономических изменений.

Концепция fair use сформировалась в первоначальном варианте под влиянием кейса *Campbell v. Acuff-Rose Music, Inc.*¹ Группа 2 Live Crew использовала элементы песни «Oh, Pretty Woman» Роя Орбисона для создания пародийной композиции. Правообладатель утверждал, что коммерческий характер этого использования исключает возможность свободного обращения созданного им контента, а следовательно, ответчик обязан выплатить компенсацию за нарушение исключительных прав. Верховный суд США не согласился с данным подходом и указал, что коммерческое использование не является автоматически недобросовестным, акцентируя внимание на значении критерия трансформативности: если новое произведение привносит новый смысл, транслирует на аудиторию качественно новое сообщение или выражение мнения, то права автора не следует считать нарушенными.

В дальнейшем концепция fair use развивалась под влиянием актуальных тенденций судебной практики. В результате в ее содержании сформировалось четыре основных критерия, применяемые для оценки допустимости использования произведения без согласия правообладателя, а именно: цель и характер использования (коммерческий/некоммерческий), природа спорного произведения (дублирует или оно исходный контент или представляет собой нечто новое), объем и существенность заимствованной части, степень влияния на конкуренцию на рынке оригинала. Значительный интерес в современных условиях представляют имеющиеся трактовки выработанных критериев, ввиду которых та или иная характеристика оборота произведений в цифровой среде приобретает решающее значение для принятия судом решения о

¹ *Campbell v. Acuff-Rose Music, Inc.* (510 U.S. 569, 1994) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/510/569/> (дата обращения: 14.07.2026).

правомерности или неправомерности несанкционированного использования.

Так, преобладающий в теории трансформативный подход проистекает из потребности в защите новой цифровой культуры (remix culture в переводе с англ. означает «культура ремиксов»), в рамках которой новые произведения создают путем диалога с уже существующими культурными объектами. В этих условиях fair use определяет пределы исключительного права и препятствует превращению охраны произведений в чрезмерную информационную монополию. Ключевая характеристика трансформативности подразумевает, что новое произведение представляет собой не замену оригиналу, а материал для создания нового смысла или новой функции. Именно по этой причине концепция свободного использования предполагает добросовестным (а значит, и правомерным) создание на основе оригинальных произведений таких объектов, как репосты, видеореакции, фанатские произведения, обзоры, мемы, ремиксы, пародии, поисковое индексирование и т. п.¹

Наиболее значимый повод для критики изложенного подхода составляет определение пределов контекстуального понимания нового смысла или функции, универсального для множества случаев. Например, цифровая платформа, аккумулирующая без согласия правообладателя литературные произведения, может ссылаться на трансформативность в части создания новой формы доступа к знаниям; сервис, организующий без согласия правообладателей доступ к аудиовизуальным произведениям (фильмам), – в части предложения пользователям новой системы поиска и рекомендации соответствующего контента; платформа, внедряющая сервис искусственного интеллекта для генерации изображений и текста на основе охраняемых произведений, – в части применения новой технологической функции и т. д.

Такого рода замечания служат поводом для уточнения критерия новизны в контексте экономической ценности полученного нового контента или технологического решения.

¹ Cohen J. E. *Configuring the Networked Self: Law, Code, and the Play of Everyday Practice*. Yale: Yale University Press, 2012. P. 234; Lessig L. *Free Culture: How Big Media Uses Technology and the Law to Lock Down Culture and Control Creativity*. New York: Penguin Press, 2004. P. 112; Samuelson P. The Quest for a Sound Conception of Copyright's Derivative Work Right // *Georgetown Law Journal*. 2013. Vol. 101. P. 1505.

Трансформационный подход при этом преобразуется в рыночно-трансформационный, в рамках которого наличие нового смысла или художественного сообщения имеет значение не само по себе (как достаточное условие правомерности оборота авторского контента), а в совокупности с характеристикой влияния на рынок оригинала. При заданных предпосылках несанкционированное использование произведения признают свободным (добросовестным), если спорный объект не конкурирует на рынке с оригиналом¹. Он может приобретать и некоторую экономическую ценность, формировать собственный рынок, не нанося существенного вреда коммерческой эксплуатации произведения².

Экономическая ценность в совокупности с некоторой новизной не дают полноценного ответа на вопрос о том, где надлежит провести границу между массовым «цифровым творчеством» и неправомерным вмешательством в сферу исключительных прав автора. Изложенное видится особенно актуальным в контексте активного развития блогерской деятельности, экономический эффект которой зачастую не определен на дату размещения спорного контента. Пользователь, который в настоящее время использует чужое произведение для наполнения своей персональной страницы, может сохранить статус владельца мини-блога «по интересам». В динамично изменяющейся цифровой среде он также в состоянии обрести популярность, необходимую для успешного ведения экономической деятельности в различных формах (таких как платное обучение, коучинг-консультации и т. п.), высокооплачиваемой рекламы товаров, работ и услуг, предлагаемых иными лицами.

В американской доктрине fair use это противоречие предлагается разрешать с помощью альтернативного подхода,

¹ *Lape L. G. Transforming fair use: The productive use factor in Fair Use Doctrine* // Albany Law Review. 1995. Vol. 58. P. 689; *Fromer J. C. Market effects bearing on fair use* // Washington Law Review. 2015. Vol. 90. P. 636; *Henderson P., Li X., Jurafsky D. et al. Foundation models and fair use* // Journal of Machine Learning Research. 2023. Vol. 24. No. 400. P. 54.

² Приведенный подход отражен в судебной практике. См., напр.: *Harper & Row v. Nation Enterprises* (471 U.S. 539, 1985) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/471/539/> (дата обращения: 14.07.2026); *Andy Warhol Foundation for Visual Arts, Inc. v. Goldsmith* (598 U.S., 2023) // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/598/21-869/> (дата обращения: 14.07.2026).

оценивающего факт создания производного или размещения чужого контента с позиции оправданности такого решения для целей реализации свободы выражения мнений в глобальной сети. Иными словами, новизна или трансформативность в данном случае обусловлены тем, насколько предлагаемый контент обеспечивает возможность критики, комментирования, выстраивания культурного и научного диалога¹. К тому же утверждается, что авторское право априори не предназначено для защиты автора и его произведения (в случае его обнародования в установленном порядке) от оценки со стороны общественности. Напротив, дихотомия авторского замысла и его выражения в объективированной форме открывает путь одновременно и к тому, и к другому, то есть к правовой охране личных неимущественных и исключительных прав автора и выражению третьими лицами свободного мнения по поводу произведения. Таким образом, внутри авторского права как будто «законсервированы» гарантии свободы слова².

Представляется, однако, что при таком прочтении критически важную роль в определении правомерности свободного использования произведения иным лицом выполняет опять-таки некоммерческий характер использования. Иное не соответствует целям критики или комментирования. Стоит учитывать и то, что природа спорного произведения не должна подвергаться преобразующему влиянию пользователя, реализующего право на свободу выражения мнения. Трансформативность может быть связана лишь с «сопровождением» исходного произведения неким субъективным мнением, а значит, с использованием данного произведения в объеме, допустимом и обоснованном целями цитирования. Другой вопрос заключается в том, что цифровая среда не располагает к применению традиционных правил цитирования, выработанных в области литературного и художественного творчества,

¹ *Goodyear M. P.* Culture and Fair Use // *Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal*. 2021. Vol. 32. P. 334; *Rosenblatt E. L.* Fair use as resistance // *UC Irvine Law Review*. 2019. Vol. 9. P. 389; *Tan D., Wilson A.* Copyright fair use and digital carnivalesque: towards a new lexicon of transformative internet memes // *Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal*. 2020. Vol. 31. P. 899.

² *Eldred v. Ashcroft* (537 U.S. 186, 2003) // *Justia U.S. Supreme Court Center*. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/537/186/case.pdf> (дата обращения: 14.07.2026).

объективизируемого на материальном носителе. Пользователю гораздо проще скопировать ссылку на материал в целом, сделать репост записи «на стене» и т. п.

Наконец, существует еще одна трактовка условий правомерности свободного использования произведения в рамках доктрины fair use – технологическая. Технологический подход исходит из тезиса о том, что применение большинства современных цифровых технологий неизбежно предполагает копирование, а следовательно, и несанкционированное использование созданных иными лицами произведений (например, поисковые системы создают временные копии страниц, архивы сохраняют цифровые материалы, системы распознавания обучаются на больших наборах данных)¹. Требование о представлении индивидуальных разрешений на каждую такую операцию существенно осложняет процесс технологического развития, а потому не может быть оправданным².

Следует полагать, что применение этой аргументации с практических позиций неизбежно сталкивается с контраргументом о балансе между технологическими инновациями и свободой творчества, а также неприкосновенностью частной жизни. Обременительность или затратность тех или иных процедур сама по себе не может быть рассмотрена в качестве достаточного аргумента для отказа от предоставления правовой защиты. Такой довод применим и к воззрениям, оправдывающим несанкционированное использование произведений иными лицами потребностью в снижении нагрузки на судебную систему³.

¹ *Pham T.* Ethical and legal considerations in healthcare AI: innovation and policy for safe and fair use // *Royal Society Open Science*. 2025. Vol. 12. No. 5. P. 241873; *Sag M.* Fairness and Fair Use in Generative AI // *Fordham Law Review*. 2024. Vol. 92. No. 5. P. 1889.

² *Authors Guild v. Google, Inc.* (804 F.3d 202, 2015) // *Justia Law*. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca2/13-4829/13-4829-2015-10-16.html> (дата обращения: 14.07.2026); *Authors Guild v. HathiTrust* (755 F.3d 87, 2014) // *U.S. Copyright Office*. URL: <https://www.copyright.gov/fair-use/summaries/authorsguild-hathitrust-2dcir2014.pdf> (дата обращения: 14.07.2026); *Google LLC v. Oracle America, Inc.* (593 U.S., 2021) // *Justia U.S. Supreme Court Center*. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/593/18-956/> (дата обращения: 14.07.2026).

³ *Alhadeff J., Cuene C., Del Real M.* Limits of algorithmic fair use // *Washington Journal of Law, Technology & Arts*. 2024. Vol. 19. No. 1. P. 24; *Gorab L.* A Fair Use to

Принятая в США вариация концепции fair use не может быть автоматически распространена на континентальный правовой порядок, так как прежде всего представляет собой не совокупность нормативных правил, а развернутую систему условий, оцениваемых судами в каждом случае несанкционированного использования произведения третьими лицами. Поскольку, как можно было убедиться, единой трактовки таких условий не существует, нельзя говорить и о достижении необходимого уровня правовой определенности в решении центрального вопроса о допустимых пределах свободного оборота авторского контента в цифровой среде. По указанному основанию доктрина добросовестного использования подвергается обоснованной критике в трудах отечественных специалистов в области права интеллектуальной собственности¹. Хотя используемые без привязки к конкретным формам воплощения в источниках права базовые постулаты данной концепции все-таки имеют, на наш взгляд, потенциал в качестве доктринального фундамента для совершенствования действующего законодательства с учетом вызовов, характерных для цифровой эпохи.

В этом контексте нельзя не обратить внимания на пример Европейского союза, в котором, как и в России, действует закрытый перечень специальных исключений и ограничений в области несанкционированного использования произведения (к исключениям отнесены цитирование, использование в целях критики и обзора, карикатура, пародия, пастиш, использование в образовательных целях, и ряд иных случаев)². Европейский подход

Remember: Restoring Application of the Fair Use Doctrine to Strengthen Copyright Law and Disarm Abusive Copyright Litigation // *Fordham Law Review*. 2018. Vol. 87. No. 2. P. 727.

¹ Волкова К. Ю. Концепции добросовестного использования (fair use) и честного использования (fair dealing) в законодательстве по авторскому праву и их значение для библиотек // *Научные и технические библиотеки*. 2021. № 10. С. 15; Дюжакова А. В. Применение доктрины FairUse к случаям обучения генеративных нейросетей // *Ленинградский юридический журнал*. 2024. № 1 (75). С. 18; Луткова О. В. Доктрина добросовестного использования произведений в современном авторском праве США // *Право. Журнал высшей школы экономики*. 2016. № 2. С. 192.

² О гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе: директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2001/29/ЕС от 22 мая 2001 г. // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL:

в течение последних лет постепенно сближается с функциональной логикой доктрины fair use через расширение обязательных исключений для цифровой среды. В частности, свободное использование признают правомерным для интеллектуального анализа текста и данных, цифрового образования и сохранения культурного наследия¹. В судебной практике обращено внимание на то, что массовая цифровая обработка произведений не всегда должна быть рассмотрена как нарушение. Администраторам цифровых платформ рекомендовано воздерживаться от необоснованной блокировки законного контента, в том числе если использование охраняемых объектов авторского права осуществляется иным лицом в допустимых без согласия правообладателя случаях².

Анализ доктринальных подходов к условиям применения концепции fair use позволяет утверждать, что их трактуют через призму трансформативности, свободы выражения мнения и технологических инноваций, а также рыночных параметров, но роль и значение каждого из параметров неодинаковы. В частности, коммерческий характер несанкционированного использования не всегда является однозначным препятствием для применения доктрины, хотя и трансформативность сама по себе не гарантирует правомерности. Объем заимствования, взятый обособленно, подлежит оценке с позиции универсальных правил правомерного цитирования. Однако даже при его малозначительности создание контента или решения, конкурирующих с исходным произведением, по общему правилу, препятствует реализации концепции в каждом случае.

<https://base.garant.ru/2568231/?ysclid=mu62hn66sg864945706> (дата обращения: 14.07.2026).

¹ Об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке, а также об изменении Директив 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС: директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/790/EU от 17 апреля 2019 г. // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/73164300/?ysclid=mu62lk7n2f118110792> (дата обращения: 14.07.2026).

² Case C-401/19 Republic of Poland v. European Parliament and Council of the European Union // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62019CN0401:EN:PDF> (дата обращения: 14.07.2026); Case C-201/13 Deckmyn v. Vandersteen // IPcuria.eu. URL: <https://ipcuria.eu/case?reference=C-201/13> (дата обращения: 14.07.2026); Case C-476/17 Pelham GmbH v. Hütter // IPcuria.eu. URL: <https://ipcuria.eu/case?reference=C-476/17> (дата обращения: 14.07.2026).

Российские суды так или иначе применяют схожие критерии, трактуя закрытый перечень случаев свободного использования произведения без согласия правообладателя. Вовлечение спорного объекта в коммерческий оборот практически не допускает возможность ссылки на исключения, предусмотренные ст. 1274 ГК РФ. Факторы влияния на рынок и конкуренцию также исследуют в числе наиболее значимых, оказывая воздействие и на правовую квалификацию содеянного, и на размер компенсации при установлении нарушения. Только комплексное применение этих критериев позволяет установить пределы свободного оборота авторского контента в цифровой среде. Концепция добросовестного использования, полагаем, должна быть рассмотрена как система доктринальных представлений, опосредующих решение на законодательном уровне проблемы отграничения свободного использования от неправомерного вмешательства в область реализации исключительных прав автора, не оправдываемого современными технологическими и трансформационными процессами. Рассматриваемая в данном значении, она позволяет обосновать внесение ряда значимых изменений в действующее законодательство, таких как:

1) дополнение ст. 1274 ГК РФ положением о возможности свободного использования (без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения) правомерно обнародованного произведения или его части пользователем цифровой платформы в составе пользовательского контента, при условии, если такое использование осуществляется в личных (некоммерческих) целях, сопровождается указанием имени автора и источника заимствования, не подменяет собой оригинальное произведение и не причиняет необоснованного ущерба обычному использованию произведения; последующая монетизация полученного контента допускается только с согласия правообладателя. Реализация предложения позволяет закрепить в законодательстве необходимую общую норму о возможности свободного использования авторского контента в цифровой среде, оправдываемого форматом взаимодействия субъектов цифровой коммуникации. Речь идет об интеграции трех базовых критериев концепции добросовестного использования (это некоммерческий характер использования, несущественность заимствования (отсутствие подмены оригинала), отсутствие значимого влияния на

рыночную стоимость и конкуренции с основным произведением), которые уже учитывают в судебной практике;

2) дополнение ст. 1253.1 ГК РФ указанием на обязанность владельцев цифровых платформ, обеспечивающих массовое размещение пользовательского контента, применять единые технические средства идентификации охраняемых произведений и предусматривать механизм оперативного указания авторства, направления возражений пользователем и досудебного урегулирования требований правообладателя до блокировки спорного материала, за исключением случаев очевидного незаконного размещения произведения в полном объеме. Приведенное в этой части положение опирается на современную технологическую трактовку условий правомерности свободного использования в рамках доктрины fair use. Баланс между защитой авторских прав и свободой выражения мнений в цифровой среде обеспечивается через обязательное внедрение механизмов учета мнения пользователя и предотвращение необоснованной автоматической блокировки законного контента;

3) дополнение ст. 1235 ГК РФ положением о ничтожности условий пользовательских соглашений, устанавливающих запрет на совершение пользователями действий, прямо разрешенных законом в рамках свободного использования произведений (ст. 1273–1280 ГК РФ). Следует закрепить то, что условия соглашений цифровых площадок не могут лишать пользователя права на критику, комментирование, создание пародий и карикатур, а также на использование материалов в образовательных и иных некоммерческих целях, предусмотренных законом, даже если технический функционал платформы позволяет ограничить такие действия. С точки зрения концепции добросовестного использования это изменение направлено на то, чтобы исключения из авторского права сохраняли практическое значение в цифровой среде и не были нейтрализованы формальными условиями пользовательского соглашения. Таким образом, как и предполагает рассмотренная концепция, оценке должны быть подвергнуты и факт заимствования, и цель, и характер, и последствия использования произведения.

Библиографический список

1. *Богдан В. В.* Право социальных сетей (частноправовой аспект) // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 133–147.
 2. *Волкова К. Ю.* Концепции добросовестного использования (fair use) и честного использования (fair dealing) в законодательстве по авторскому праву и их значение для библиотек // Научные и технические библиотеки. 2021. № 10. С. 15–28.
 3. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 895 с.
 4. Гражданское право: учебник: в 3 ч. Ч. 3 / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М.: Эксмо, 2009. 480 с.
 5. *Деряева Е. П.* Авторское право в социальных сетях (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Актуальные исследования. 2025. № 25 (260). Ч. 2. С. 40–43.
 6. *Дюжакова А. В.* Применение доктрины FairUse к случаям обучения генеративных нейросетей // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 1 (75). С. 8–27.
 7. *Кожемякин Д. В.* Трансформация института свободного использования произведений в цифровую эпоху // Правоведение. 2019. Т. 63. № 1. С. 97–111.
 8. *Калятин В. О.* Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24–50.
 9. *Камышанский В. П.* Цифровые права в российском гражданском законодательстве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 3. С. 13–16.
 10. *Камышанский В. П.* О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14–18.
 11. *Камышанский В. П.* О финансовых сделках с использованием финансовой платформы (колонка редактора) // Власть Закона. 2021. № 1. С. 12–18.
 12. *Луткова О. В.* Доктрина добросовестного использования произведений в современном авторском праве США // Право. Журнал высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 186–199.
 13. *Матвеев А. Г.* Типологизация теорий авторских прав и их современное значение // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2025. Т. 20. № 1. С. 82–109.
-

14. Павлова Т. В., Мурашова С. В. Актуальные проблемы трансформации охраны авторского права в современных условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 5. С. 181–185.

15. Пасканный М. Р. Особенности способов свободного использования авторских прав в медиасфере в Российской Федерации и за рубежом // Закон и право. 2026. № 6. С. 109–113.

16. *Alhadeff J., Cuene C., Del Real M.* Limits of algorithmic fair use // *Washington Journal of Law, Technology & Arts*. 2024. Vol. 19. No. 1. P. 1–48.

17. *Cohen J. E.* Configuring the Networked Self: Law, Code, and the Play of Everyday Practice. Yale: Yale University Press, 2012. 337 p.

18. *Fromer J. C.* Market effects bearing on fair use // *Washington Law Review*. 2015. Vol. 90. P. 615–676.

19. *Goodyear M. P.* Culture and Fair Use // *Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal*. 2021. Vol. 32. P. 334–390.

20. *Gorab L.* A Fair Use to Remember: Restoring Application of the Fair Use Doctrine to Strengthen Copyright Law and Disarm Abusive Copyright Litigation // *Fordham Law Review*. 2018. Vol. 87. No. 2. P. 703–754.

21. *Henderson P., Li X., Jurafsky D. et al.* Foundation models and fair use // *Journal of Machine Learning Research*. 2023. Vol. 24. No. 400. P. 1–79.

22. *Lape L. G.* Transforming fair use: The productive use factor in Fair Use Doctrine // *Albany Law Review*. 1995. Vol. 58. P. 677–724.

23. *Lessig L.* Free Culture: How Big Media Uses Technology and the Law to Lock Down Culture and Control Creativity. New York: Penguin Press, 2004. 345 p.

24. *Pham T.* Ethical and legal considerations in healthcare AI: innovation and policy for safe and fair use // *Royal Society Open Science*. 2025. Vol. 12. No. 5. P. 241873.

25. *Rosenblatt E. L.* Fair use as resistance // *UC Irvine Law Review*. 2019. Vol. 9. P. 377–436.

26. *Sag M.* Fairness and Fair Use in Generative AI // *Fordham Law Review*. 2024. Vol. 92. No. 5. P. 1887–1921.

27. *Samuelson P.* The Quest for a Sound Conception of Copyright's Derivative Work Right // *Georgetown Law Journal*. 2013. Vol. 101. P. 1505–1566.

28. *Tan D., Wilson A.* Copyright fair use and digital carnivalesque: towards a new lexicon of transformative internet memes // *Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal*. 2020. Vol. 31. P. 864–924.

В. К. Дмитриев

заведующий кафедрой конституционного
и административного права
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Санкт-Петербург
vl-dmitriev@mail.ru

Е. П. Бородина

помощник судьи Арбитражного суда
города Санкт-Петербурга и Ленинградской области,
советник юстиции 3 класса
Россия, г. Санкт-Петербург
vl-dmitriev@mail.ru

**РАЗУМНЫЙ БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ
КАК СВОЙСТВО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА:
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ**

**A REASONABLE BALANCE BETWEEN PRIVATE AND PUBLIC
INTERESTS AS A CHARACTERISTIC OF THE RULE-OF-LAW
STATE: CONSTITUTIONAL AND LEGAL JUSTIFICATION**

В статье рассмотрены понятия «частный интерес» и «публичный интерес», вопросы их соотношения в теории и практике конституционного строительства, правового

регулирования, в правоприменительной практике. Сделан вывод о необходимости более четкого определения ряда правовых категорий в доктрине и нормативном правовом регулировании, а также совершенствования законодательства в контексте этих вопросов. Для правового государства, наравне с его известными принципами, особенно важным является наличие развитого гражданского общества. Утверждается, что в правовом государстве частный интерес и его защита – это не только личный вопрос отдельного лица, но и неотъемлемое условие функционирования гражданского общества. Привлечение к любому виду юридической ответственности должно быть воплощено в условиях четкости правового регулирования, поскольку иное порождает за собой нарушение прав и свобод частного лица. Баланс публичного и частного интереса – это выполнение государством возложенных на него конституционных функций по охране законности, конституционного строя в целом и публичного правопорядка в частности.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, права и свободы, конституционно-правовая норма, публичный интерес, частный интерес, ограничения конституционных прав и свобод, Конституционный Суд Российской Федерации, частноправовые нормы, юридическая ответственность, Верховный Суд Российской Федерации.

The article examines the concepts of "private interest" and "public interest," as well as the relationship between them in the theory and practice of constitutional development, legal regulation, and law enforcement. It concludes that there is a need to more clearly define certain legal categories within legal doctrine and regulatory frameworks, and to improve legislation regarding these issues. For a state governed by the rule of law, the existence of a developed civil society is of particular importance, alongside established legal principles. The article argues that in such a state, private interest and its protection are not merely personal matters for the individual but are also essential conditions for the functioning of civil society. The imposition of any form of legal liability must be grounded in clear legal regulations, as a lack of clarity leads to violations of an individual's rights and freedoms. Balancing public and private interests entails the state fulfilling its constitutional functions of upholding the rule of law, the constitutional order as a whole, and public legal order in particular.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, rights and freedoms, constitutional and legal norm, public interest, private interest, restrictions on constitutional rights and freedoms, Constitutional Court of the Russian Federation, private law norms, legal responsibility, Supreme Court of the Russian Federation.

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации (РФ) человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства¹. Эти положения основ конституционного строя РФ для специалистов в области конституционного права и правозащитников, юристов в целом за прошедшие три десятилетия с момента принятия Конституции РФ стали эталонными, даже привычными.

Нормы Конституции РФ 1993 г. сами по себе представляют собой огромное достижение на пути формирования в России правового государства, гражданского общества, активной общественной позиции. Тем не менее нужно осознавать, что ни одна правовая норма, включая конституционно-правовые, не имеет смысла без нескольких составляющих, из которых в качестве наиболее принципиальных можно указать следующие:

- адекватный механизм реализации соответствующей нормы;
- детализация, раскрытие существа общей конституционно-правовой нормы в нормах иных актов конституционного и органического законодательства (особенно с учетом того, что Конституция РФ относится к числу кратких конституций, и ее нормы носят общий характер);
- наличие работающих в рамках правоприменительной практики правовых гарантий, позволяющих воплощать эти нормы в правовой практике;
- наконец, понимание в контексте вопроса, отраженного в названии статьи, того, где проходит граница публичного и частного интереса; в каких случаях государство вправе и обязано с учетом его обязанности по защите прав человека и основных

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=mu4hm6afnw981169948> (дата обращения: 14.07.2020).

свобод ограничивать те или иные права и свободы, в каких условиях и на каких основаниях, какими средствами и инструментами.

Если речь идет о правовом государстве, то в таком государстве не только права и свободы человека должны выступать высшей ценностью, а их защита – обязанностью государства, но и в действительности должна функционировать конституционно обусловленная система ограничения прав и свобод в рамках публичного интереса или, иными словами, публичного правопорядка. Эти ограничения, при условии их разумности, соразмерности, обоснованности, а также, что принципиально, с нашей точки зрения, правовой определенности, детализированности их и процедуры введения и отмены в нормах федерального законодательства, не могут быть рассмотрены как необоснованные, произвольные ограничения прав и свобод¹.

Однако, если речь идет о возможности и пределах ограничения конституционных прав и свобод, то подразумеваются естественные права и свободы, обладающие свойством абсолютности, которые не могут быть ограничены. Например, право на жизнь в части коррелирующего ему права на оказание медицинской помощи предполагает, что никому не может быть отказано в экстренной медицинской помощи, если поставлен вопрос об устранении угрозы для жизни и здоровья. Никому не может быть отказано в праве на благоприятную окружающую среду; в праве на справедливое судебное разбирательство и на возмещение ущерба, причиненного преступлением, в порядке, установленном федеральным законом, и т. д. Вместе с тем ограничения могут возникать, к тому же реализуются сегодня и в законодательстве, и в рамках правоприменительной практики, если речь идет об иных правах и свободах, за исключением естественных, особенно о предпринимательской деятельности.

Все эти тезисы подтверждают актуальность вопроса поиска баланса частного и публичного интереса в его конституционно-правовой детерминации. Тем более, как утверждал судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев в своем Особом мнении

¹ Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. 2004. № 5. С. 5; Камышанский В. П. Ограничения права собственности и других вещных прав по действующему гражданскому законодательству современной России // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 37; Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 56.

к определению Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О, «обращаясь в Конституционный Суд Российской Федерации, гражданин не только стремится защитить свое нарушенное право, т.е. преследует частный интерес, он реализует и свое конституционное право на участие в управлении делами государства (статья 32, часть 2, Конституции Российской Федерации), т.е. преследует публичный интерес, который состоит в том, чтобы устранить возникшую неопределенность в вопросе о том, соответствует ли примененная (или подлежащая применению) норма закона Конституции России»¹.

Соглашаясь с приведенной точкой зрения, дополним, что нам представляется принципиально важной именно (а, возможно, и в первую очередь) практическая значимость установления, отыскания баланса публичного и частного интереса, а также того факта, что защита частного (в конкретном деле) интереса в действительности может выходить за рамки частного интереса, как в случае реализации гражданином права на обращение с жалобой в Конституционный Суд РФ, так и при иных обстоятельствах.

Чтобы говорить о концепции баланса публичного и частного интереса, попытаемся сначала сформулировать ключевые понятия, категории, которые в нее входят. Существует точка зрения о том, что частный интерес и его защита – это в первую очередь то, что урегулировано нормами собственно частного права (гражданского, семейного и т. д.)². Не можем согласиться с данной точкой зрения; она представляется чрезмерным упрощением³ и, по сути, давно устоявшимся шаблоном.

С позиции норм конституционного права и ввиду современного состояния правового регулирования необходимо признать, что понятие «частный интерес» и механизм его защиты гораздо шире собственно частноправовых норм. Нельзя сводить частный интерес к условно нормам гражданского и семейного

1 Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г. А. Гаджиева к определению Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” по жалобе гражданки И. Г. Черновой» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 34. Ст. 4368.

2 *Першин М. В.* Частно-правовой интерес: понятие, правообразование, реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 22.

3 См.: *Курносенкова Е. Ю.* Интерес в публичном и частном праве // Человек: преступление и наказание. 2009. № 1. С. 110.

законодательства, особенно если речь идет о практическом значении этого понятия в его конституционно-правовой интерпретации в системе управления правового государства¹.

Для правового государства, наравне с рядом известных его принципов, особенно важным является наличие развитого гражданского общества и сформированного правового сознания граждан. Исходя из этого, можно предположить, что в таком государстве частный интерес и его защита – это не только личный вопрос отдельного лица, но и неотъемлемое условие функционирования гражданского общества, а значит, частный интерес выходит за рамки привычного его понимания.

Поясним наш тезис на примере конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду. Конституционное право – отрасль публичного права. Но нельзя отрицать, что каждое лицо при необходимости (в случае нарушения такого права) может воспользоваться установленными законодательством РФ способами его защиты. Обращаясь в уполномоченный орган (не имеет значения, в административном или в судебном порядке реализуется защита права этого частного лица), конкретный субъект, преследуя частный интерес (в отношении именно себя), де-факто вносит вклад в защиту прав иных лиц (по сути, неопределенного круга лиц).

В действительности, если по результатам рассмотрения обращения или дела в суде требования такого лица будут удовлетворены и будет устранена причина нарушения экологического законодательства РФ, устранены его последствия и т. д., то это позитивно повлияет и на иных лиц, которые сами по себе за защитой своего права по тем или иным причинам не обращались, но их соответствующее право тоже нарушено. Кроме того, будет реализован, полагаем, и публичный интерес, поскольку таким образом обеспечена защита окружающей среды, предприняты соответствующие меры, то есть реализован интерес государства и гражданского общества в фактической реализации права на благоприятную окружающую среду.

Подобных примеров можно привести много, и далеко не только из конституционного права. Так что не стоит жестко разделять категории «частный интерес» и «публичный интерес». В свою очередь, если мы говорим о публичном интересе в правовом государстве, он должен быть направлен прежде всего на

¹ Першин М. В. Указ. соч. С. 28.

реализацию функции государства по защите человека, его основных прав и свобод.

Публичный интерес – категория, в рамках которой правовое государство реализует властные полномочия, но таким образом, чтобы они соотносились как с духом и буквой Конституции¹ (общее содержание публичного интереса), так и с нормами конкретных правовых актов (формальное выражение публичного интереса и механизм его реализации). Именно в процессе реализации публичного интереса государства при таких условиях можно говорить о том, что те или иные права и свободы ограничиваются, но в конституционно определенных рамках. Сразу возникает вопрос об определенности правового регулирования, правовых норм, что имеет принципиальное значение для применения категории «публичный интерес» в части относительно возможности ограничения прав и свобод лиц, привлечения их к ответственности того или иного вида. Очевидным становится то, что в правовом государстве, например, привлечение к любому виду юридической ответственности (одна из практических мер по реализации публичного интереса – восстановление законности и поддержание правопорядка) должно быть воплощено в условиях четкости правового регулирования, поскольку иное порождает за собой нарушение прав и свобод частного лица вместо собственно достижения цели публичного интереса государства по привлечению к ответственности, как меры восстановления правозаконности.

При рассмотрении этого вопроса (если пытаемся определить, что именно есть баланс частного и публичного интереса, в чем он заключается) представляется уместным привести в качестве примера случай из юридической практики В. К. Дмитриева, одного из авторов настоящего исследования. Фабула дела заключалась в следующем. К индивидуальному предпринимателю подано исковое заявление в арбитражный суд о взыскании компенсации за нарушенное право на товарный знак. Это выражено, с точки зрения истца, в том, что он реализовал в своей торговой точке товар, в частности автодеталь стоимостью

¹ См.: *Ливеровский А. А.* Развитие понятийного аппарата конституционного права // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. № 2. С. 229; *Ливеровский А. А.* Рациональная модель конституционного регулирования // *Lex Russica*. 2019. № 1 (146). С. 78.

около 800 руб., на упаковку которой нанесен товарный знак изготовителя. Товар, с точки зрения истца, был контрафактным.

Дело рассмотрено в порядке упрощенного производства во всех инстанциях. Арбитражный суд первой инстанции исковое заявление удовлетворил полностью, арбитражные суды апелляционной и кассационной инстанций (Суд по интеллектуальным правам) в удовлетворении апелляционной и кассационной жалоб отказали, оставили решение суда первой инстанции без изменения. В. К. Дмитриевым, как представителем ответчика, на указанные решение и постановления подана кассационная жалоба в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Кассационная жалоба расписана для рассмотрения конкретному судье Верховного Суда РФ.

В ответ через несколько дней получен документ, изготовленный на цветном гербовом бланке Верховного Суда РФ, но подписанный консультантом Верховного Суда РФ, о возвращении кассационной жалобы без рассмотрения как не соответствующей требованиям ч. 3 ст. 291.1 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ. Оставим за скобками (для отдельного исследования) вопрос о том, имело ли право это должностное лицо (консультант Верховного Суда РФ), а тем более при наличии конкретного судьи Верховного Суда РФ, которому расписано рассмотрение дела, подписывать документ на гербовом бланке (и имеет ли документ в связи с этим юридическую силу), на основании которого рассмотрение кассационной жалобы прекращалось по существу. Иными словами, должностное лицо, не имеющее статуса судьи и соответствующей квалификации, фактически приняло решение по делу по существу, определило судьбу кассационной жалобы, реализовало де-факто акт отправления правосудия. Между тем правосудие в России, согласно ч. 1 ст. 118 Конституции РФ, осуществляется только судом.

В соответствии с ч. 3 ст. 291.1 АПК РФ постановления арбитражных судов округов, которыми не отменены судебные приказы, отменены или изменены судебные акты, принятые в порядке упрощенного производства, не подлежат обжалованию в Судебную коллегия Верховного Суда РФ¹. Однако в

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 15.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

рассмотренном деле существуют два принципиальных обстоятельства:

– оспариваемое решение арбитражного суда кассационной инстанции принято не арбитражным судом округа, а Судом по интеллектуальным правам;

– указание на невозможность обжалования постановлений Суда по интеллектуальным правам, которыми не отменены судебные приказы, отменены или изменены судебные акты, принятые в порядке упрощенного производства, в ст. 291.1 АПК РФ отсутствовало на момент подачи кассационной жалобы и отсутствует сегодня (редакция соответствующей нормы АПК РФ до сих пор не изменена).

Полагаем, что Суд по интеллектуальным правам по своему правовому статусу не является арбитражным судом округа, поскольку его компетенция по проверке судебных актов не ограничена пределами какого-либо округа. Исходя из изложенного и с учетом буквального толкования соответствующих норм АПК РФ постановление по данному делу, как нам представляется, может быть обжаловано в Судебную коллегия Верховного Суда РФ.

Кассационная жалоба ответчика рассмотрена арбитражным судом кассационной инстанции в незаконном составе суда (при рассмотрении дела в порядке упрощенного производства участвовали три судьи вместо одного). Тем самым нарушен принцип законности, и это в соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 291 АПК РФ является безусловным основанием для отмены решения суда.

Несмотря на то, что ограничение количества инстанций обжалования судебных решений соотносится с практикой и правовыми позициями Конституционного Суда РФ (для необходимости обеспечения стабильности правоприменения и единообразия судебной практики), в рассмотренном деле именно неопределенность правового регулирования конкретной нормы АПК РФ грубо нарушила права частного лица вместо их правовой защиты как формы реализации публичного интереса государства, направленного в правовом государстве на защиту в конечном итоге человека, его прав и свобод.

Вышеизложенное подтверждает принципиальную значимость определенности правовых норм в рамках реализации государством публичного интереса в любой форме¹.

Таким образом, если мы говорим о категориях «публичный интерес» и «частный интерес», то в правовом государстве, с развитым гражданским обществом, как нам представляется, они так или иначе пересекаются и не могут быть отделены друг от друга жесткими рамками (в одном случае – только публичный интерес, в другом – только частный). Баланс публичного и частного интереса – это, с одной стороны, выполнение государством возложенных на него конституционных функций по охране законности, конституционного строя в целом, публичного правопорядка, то есть правового явления, которое не выступает воплощением волюнтаризма государства и его аппарата, а представляет собой стремление обеспечить функционирование гражданского общества (при необходимости – и введением конституционно детерминированных запретов, и привлечением к ответственности); с другой стороны – это активная работа гражданского общества в целом и каждого члена гражданского общества по проведению такой политики «в жизнь», в функционирование общества, законодательство и правоприменительную практику.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.

2. Дмитриев В. К., Бородина Е. П. Конституционные права сторон упрощенного производства в арбитражном суде и принцип равенства перед законом и судом // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 3 (73). С. 31–44.

¹ Дмитриев В. К., Бородина Е. П. Конституционные права сторон упрощенного производства в арбитражном суде и принцип равенства перед законом и судом // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 3 (73). С. 31; Камышанская Д. В. Конституционные принципы права собственности // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых исследователей (Краснодар, 23 ноября 2022 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2023. С. 164.

3. Камышанская Д. В. Конституционные принципы права собственности // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых исследователей (Краснодар, 23 ноября 2022 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2023. С. 164–167.

4. Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. 2004. № 5. С. 5–7.

5. Камышанский В. П. Ограничения права собственности и других вещных прав по действующему гражданскому законодательству современной России // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 37–45.

6. Курносенкова Е. Ю. Интерес в публичном и частном праве // Человек: преступление и наказание. 2009. № 1. С. 110–113.

7. Ливеровский А. А. Развитие понятийного аппарата конституционного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 229–247.

8. Ливеровский А. А. Рациональная модель конституционного регулирования // Lex Russica. 2019. № 1 (146). С. 70–82.

9. Першин М. В. Частно-правовой интерес: понятие, правообразование, реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 35 с.

К. А. Чевтаев

специалист по обработке
научной информации 1-й
категории отдела
по организации научной
и редакционно-издательской
деятельности
Ростовского филиала
Российского государственного
университета правосудия
имени В. М. Лебедева
Россия, г. Ростов-на-Дону
overlorrdd@gmail.com

В. К. Цечоев

профессор кафедры теории и
истории права и государства
Ростовского филиала
Российского государственного
университета правосудия
имени В. М. Лебедева,
доктор юридических наук
Россия, г. Ростов-на-Дону
cechvk53@mail.ru

**ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЧИСТОГО
УЧЕНИЯ О ПРАВЕ Г. КЕЛЬЗЕНА**

**THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM THROUGH THE PRISM OF
HANS KELZEN'S PURE THEORY OF LAW**

В статье рассмотрены ключевые положения чистого учения о праве Г. Кельзена с целью выявления их применимости к анализу российской правовой системы. Проведен системный разбор нормативистской концепции, ее философских оснований, отличий от иных позитивистских и естественно-правовых теорий, а также влияния на институциональные и нормативные элементы отечественного правопорядка. Авторы приходят к выводу о том,

что нормативизм Г. Кельзена предоставляет ценные инструменты для дескриптивного анализа правопорядка. Вместе с тем утверждается, что, хотя нормативизм расширил позитивистское понимание права, обоснованно включив в категорию нормативной системы судебные прецеденты и даже юридические акты частных лиц, однако при попытке практического применения учения в контексте совершенствования правового регулирования и правоприменения возникает ряд ограничений, связанных с отказом от ценностного анализа и прогностической функции юриспруденции. Согласно авторской позиции, чистое учение о праве является эффективным как методология описания и интерпретации нормативной структуры действующего права, но требует дополнения в части оценки правовых явлений, их этического измерения и способности к разрешению правовых коллизий.

Ключевые слова: правовая система, система права, чистое учение о праве, нормативизм, позитивизм, юснатурализм, норма, ценности.

The article examines the key tenets of Hans Kelsen's "Pure Theory of Law" to assess their applicability to the analysis of the Russian legal system. A systematic review is conducted of the normative theory's conceptual foundations, its philosophical underpinnings, its distinctions from other positivist and natural law approaches, as well as its influence on the institutional and normative elements of the Russian legal order. The author concludes that H. Kelsen's normative theory offers valuable tools for the descriptive analysis of a legal order. However, the authors argue that while normativism broadened the positivist understanding of law—by validly including judicial precedents and even the legal acts of private individuals within the category of a normative system—its practical application for improving legal regulation and law enforcement faces limitations stemming from the rejection of value-based analysis and the predictive function of jurisprudence. The authors maintain that, while the Pure Theory of Law serves as an effective methodology for describing and interpreting the normative structure of positive law, it requires supplementation regarding the evaluation of legal phenomena, their ethical dimensions, and the resolution of legal conflicts.

Keywords: legal system, system of law, pure theory of law, normativism, positivism, usnaturalism, norm, values.

Вопрос о сущности правовой системы России, внутренних закономерностях ее становления и развития, отнесения к определенной классификационной группе (так называемой правовой семье) остается и широко обсуждаемым в юридической литературе, и дискуссионным. С учетом комплексности, многофакторности этого явления иначе быть и не может. Однако для лучшего понимания и усвоения указанных закономерностей необходимо проникнуть в суть господствующих теорий, посвященных исследованию и объяснению такого сложного явления, как право.

Традиционно в этой связи выделяют два основных направления: естественно-правовое (юснатурализм) и позитивистское (юспозитивизм). Каждое из направлений ставит перед собой разные задачи и пользуется разными средствами для их выполнения, хотя и оба нацелены на изучение одного и того же явления.

В контексте анализа отечественной правовой системы, как нам представляется, важное место занимает чистое учение о праве. Его основоположником считают австрийского правоведа Ганса Кельзена. В доктрине¹ это учение также называют «нормативизмом».

Нормативизм, вооружившись идеями логического позитивизма и неокантианства, предлагает уникальный взгляд на право и его элементы. Эта концепция оказала и оказывает значительное влияние на отечественную юриспруденцию и правовую систему в целом, что становится очевидным с учетом содержания Конституции Российской Федерации (РФ), наличия и функционирования Конституционного Суда РФ (у истоков института судебного конституционного контроля стоял именно Г. Кельзен²), построения позитивных норм по иерархическому принципу и многих других аспектов.

Тем не менее упрощенное понимание нормативизма, сведение его к простому формализму зачастую приводит к распространению в отечественном юридическом сообществе ошибочных и даже вредных воззрений. Например,

¹ Полсон С. Нормативизм Ганса Кельзена // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 6. С. 158.

² Котов О. Ю. Нормативистская теория Ганса Кельзена как основа для понимания правовой природы актов конституционного суда // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 8. С. 89.

распространенные суждения о недопустимости судебного правотворчества в системах «непрецедентного» права или о несовместимости права и этических ценностей не только не соответствуют чистому учению о праве, но и прямо противоречат ему.

Чтобы проанализировать российскую правовую систему с нормативистских позиций, следует в первую очередь охарактеризовать основные положения рассматриваемого учения и оценить их применимость к отечественным реалиям.

Главным достижением чистого учения о праве представляется попытка взглянуть на него как на сугубо нормативное явление, без использования методов «каузальных» наук, которые направлены на исследование фактической действительности посредством выявления причинно-следственных связей между реально существующими (бытийными) явлениями. Г. Кельзен противопоставляет каузальным естественным и социальным наукам, основанным на принципе причинности, науки нормативные, в частности юриспруденцию и этику¹. Для этого он выделяет принцип вменения² как отличный от принципа причинности, позволяющий описывать не бытийное человеческое поведение в обществе, но должное поведение, определенное позитивными нормами, предусмотренными «человеческими» актами. При таком понимании предметом юриспруденции выступает социум не как физическое явление, но как нормативный порядок поведения людей по отношению друг к другу.

Из этого понимания права нормативизму удалось сделать ряд важных выводов.

1. Правопорядок состоит из нормативных актов воли / повелений (как правило, государства, но не обязательно), которые обладают не только субъективным, вкладываемым субъектом воления, но и общеобязательным (объективным) смыслом, и этим отличаются от остальных актов воли. Объективность содержания правовых норм проявляется и в общеобязательности, и в том, что он не зависит от воли того, кто принял соответствующий акт. Последнее четко прослеживается на примере долговечных законов, действующих на протяжении десятков, а то и сотен лет,

¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 114.

² Там же. С. 118.

хотя принимавших их законодателей (непосредственных субъектов воли) давно нет в живых.

2. Главным признаком права признан его принудительный характер¹, то есть применение неблагоприятных последствий за нарушение норм-правил. Принудительный порядок права означает, что нормы устанавливают акты принуждения и содержат санкции за неповиновение. Принуждение исходит исключительно от государства, как организации власти, обладающей монополией на легальное насилие.

3. Проведено четкое разделение между реальностью бытийных фактов, которую в науке принято воспринимать как каузально детерминированную, и нормативной реальностью.

Из этого следует понимание норм не как нормативных актов, относящихся к фактической действительности, а как смысла таких актов. Иными словами, норма понимается как идея, нечто, противоположное фактической реальности, находящееся в области долженствования. Соответственно, право мыслится и характеризуется как совокупность таких норм-идей. Однако подобную совокупность или систему нельзя считать идеологией в привычном смысле этого слова. Г. Кельзен отдельно предостерегает² относительно того, что в контексте его учения называть право идеологией можно лишь в случае, если иметь в виду ценностную «стерильность» нормативизма и понимать под идеологией не ценностные установки, а обозначенную систему идей, представляющих собой содержание общеобязательных актов воления.

4. Наука о праве призвана описывать не нормативные акты в их причинной связи с иными фактами действительности (например, то, как и когда принимали законы, в каком составе законодательного органа, при каком количестве проголосовавших против и т. п.), а только смысловое содержание таких актов, то есть норм.

5. Из дуализма бытия и долженствования, а также свойственного неокантианцам релятивистского подхода³, отвергавшего возможность абсолютных ценностей, при изучении

¹ Кельзен Г. Указ. соч. С. 48.

² Там же. С. 138.

³ Антонов М. В. Осмысление справедливости в учении Ганса Кельзена и его значение для дискуссий в постсоветской теории права // Справедливость в постсоветском правовом порядке: понятие, принцип, цель: сб. ст. науч. конф. (Москва, 6–7 ноября 2020 г.). М.: Юрлитинформ, 2021. С. 33.

правопорядка «как есть», нормативизм выводит тезис о том, что ценности не относятся к содержанию правопорядка и не подлежат анализу правоведением, нацеленным на описание «чистого» права. Право с нормативистской точки зрения не воплощает некую ценность, например справедливость, если только мы не имеем в виду абсолютной, божественной ценности, научную обоснованность которой Г. Кельзен отвергает, поскольку научное познание не может допускать трансцендентное, внеопытное содержание своего предмета¹. Если признать относительность ценностей, даже противоречащих друг другу, их принципиальный плюрализм, то действительность позитивного права не может быть поставлена в зависимость от его соответствия или несоответствия настолько разнообразным этическим представлениям. Иными словами, если бы действительность правопорядка зависела от соответствия этическим нормам, то ни один правопорядок нельзя было бы считать действительным, поскольку невозможно соответствовать всем этическим нормам одновременно. Изложенное выражено в максиме: «Никакому позитивному правопорядку не может быть отказано из-за содержания его норм».

6. Необходимо различать содержание норм и их действительность. Первое выражает правило, регулирующее поведение человека определенным образом, второе – обязательность подчиняться объективному смыслу нормативного акта, который распространяется на общество в целом.

7. Содержание и действительность норм находятся в иерархичной «ступенчатой» зависимости, то есть одна норма вытекает из другой более общего характера, более высокого уровня. С точки зрения содержания каждая последующая норма выводится из предыдущей путем конкретизации². В этом прослеживается свойственная неокантианству идея об универсальных формах правового мышления, которые с течением времени наполняются различным изменчивым содержанием.

8. Содержание и действительность норм невозможно выводить из факторов бытийной реальности, они должны определяться в сфере должного. В частности, основанием действительности нормы может быть только действительность другой нормы.

¹ Кельзен Г. Указ. соч. С. 486.

² Котов О. Ю. Указ. соч. С. 89.

Но неизбежно возникает вопрос. Если действительность каждой из норм обусловлена действительностью нормы более высокого порядка, то какая норма определяет действительность первой нормы, находящейся на вершине этой интеллигибельной пирамиды? Для ответа на поставленный вопрос без привлечения сторонних «ненормативных» факторов, как, например, молчаливая воля большинства в обществе, или божественное происхождение власти, Г. Кельзен вводит понятие «основная норма». Такая «grundnorma», в отличие от остальных норм, в иерархии не является позитивно установленной, то есть отраженной в каком-либо наличествующем в реальности акте, но представляет собой трансцендентально-логическое условие нормативного истолкования¹.

Становится понятным, что ответить на поставленный вопрос без привлечения ненормативных факторов невозможно. Поэтому во избежание смешения сущего и должного необходимо ввести в изучение права умозрительную гипотетическую «предпосылаемую» категорию, наподобие переменной в уравнении, которую подставляют для получения решения и которая только мыслится, но не наличествует в бытии. Таким образом, основная норма призвана решать сугубо эпистемологические задачи, и потому она выполняет не ценностную этическую или политическую функцию, а познавательную².

9. Действительность норм следует отличать от их действенности, то есть эффективности применения на практике, степени использования норм, а также их соблюдения. Два этих свойства взаимосвязаны. С одной стороны, отсутствие действенности нормы не влечет автоматически ее недействительность, с другой – длительная действенность каких-либо правил в определенном сообществе и их постоянное применение при наличии других признаков нормативного порядка может стать условием для действительности соответствующих норм.

В качестве примера Г. Кельзен приводит правила поведения в организованной преступной группе. Эти правила, по его мнению, могут быть признаны действительным правопорядком, если он становится действенным до такой

¹ Кельзен Г. Указ. соч. С. 250.

² Кельзен Г. Указ. соч. С. 275.

степени, что вытесняет иные принудительные порядки на конкретной ограниченной территории¹.

И наоборот, тотальное отсутствие действенности приводит к прекращению действительности правопорядка и возникновению на его месте нового. Это особенно четко проявляется в ходе революционных событий и смены политических режимов, влекущих полный и основательный демонтаж ранее действовавшей системы норм.

Примером соотношения действительности, основной нормы и действенности, предложенной Г. Кельзеном, служит аналогия с рождением и приемом пищи, как условия жизни. Чтобы правопорядок не прекратил существование, ему нужна пища в виде правоприменения, то есть действительности, но оно не является тождественным рождению (установлением в соответствии с основной нормой) и жизни (действительности)².

10. Дихотомия содержания и действительности норм позволяет выделить в праве статический и динамический аспекты, а также соответствующие им статическую и динамическую системы. Первый аспект проявляется в случае, если не только основание действительности, но и содержание нижестоящих норм выводится из вышестоящих. Второй – если вышестоящие нормы предусматривают лишь основание действительности нижестоящих норм, то есть содержат некий процедурный формат, описывающий правила создания новых норм более низкого порядка, уполномочивают органы власти либо должностных лиц на установление норм, или, как пишет Г. Кельзен, «нормотворческий фактор». При этом динамический и статический элементы зачастую в праве переплетены и взаимозависимы.

11. Из предыдущего вывода следует такой признак нормативного порядка, как его самовоспроизведение³. Новые нормы принимают в порядке, установленном другими нормами, и без соблюдения этого порядка могут утратить свою действительность. Более того, на каждом этапе применения абстрактных вышестоящих норм через конкретизацию формируются нижестоящие общие и индивидуальные нормы. В

¹ Там же. С. 65.

² Кельзен Г. Указ. соч. С. 267.

³ Антонов М. В. Об основных элементах чистого учения Г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 169.

итоге, согласно такой круговой модели, право обладает автономностью, не требуя внешних факторов воздействия для создания новых норм.

12. Нормы делятся на общие и индивидуальные. Первые адресованы неопределенному кругу лиц, вторые – конкретным адресатам (например, участникам судебного дела, сторонам договора). Ярким примером последних выступают нормативные смыслы, которые содержатся в судебных решениях. Последние, хотя и ограничены рамками конкретного казуса, но, подобно общим нормам, обладают субъективным и объективным смыслом. Первый – это содержание правил, которое вкладывает в норму судья, второй – обязательность исполнения судебного решения после вступления его в силу. Индивидуальные нормы содержатся также в договорах (сделках) частных лиц, если они регулируют поведение сторон, и при нарушении допустимым становится применение государством силы принуждения в форме той или иной санкции.

В этом контексте особый интерес представляет отношение нормативизма к судебным решениям. Утверждается¹, что чаще всего индивидуальная норма судебного акта детерминирована общими нормами. Но допустимы случаи, в которых суд не может выявить подходящей общей нормы, и он уполномочен создать индивидуальную норму, не предопределенную общими, содержащимися в законах или обычаях. Тем самым прямо признана допустимость судебного правотворчества, что не свойственно позитивизму, особенно в его радикальных формах. Вместе с тем, признавая отсутствие содержательной связи между созданной судом в рассмотренном случае нормой и иными нормами в системе, нормативизм все-таки требует наличия у судьи соответствующих полномочий, установленных общими нормами формального, а не материального права. Иными словами, должны существовать как минимум процессуальные связи между общими и вновь созданными судьей индивидуальными нормами. С точки зрения содержания такая «оторванная» от остальной системы норма основана на представлениях судьи о справедливости. Из них судья моделирует некую «непозитивированную» общую норму, которую мог бы создать, но не создал.

¹ Кельзен Г. Указ. соч. С. 301.

Более того, даже при обусловленности содержания индивидуальной нормы общей позитивной нормой учение признает неизбежность усмотрения суда, показывая общую норму в качестве некоей рамки, внутри которой создаются нормы индивидуального плана. Примеры подобных «рамочных» норм действительно можно встретить в законодательстве повсеместно. Например, принцип добросовестности в гражданском праве. Подобное проистекает из структуры норм, в частности их абстрактного характера, и вытекающей из него неспособности заранее определить потенциальные детали конкретных казусов.

Еще одним случаем, в котором проявляет себя в полной мере правотворческая функция суда, является создание им общих норм через прецеденты. Тем самым нормативизм рассматривает систему с прецедентными практиками как одну из возможных моделей, в которой правотворчество не централизовано и потому максимально гибко для покрытия максимального количества разномастных случаев, но зато отличается меньшей правовой определенностью, а значит, и большими рисками нарушений принципа равенства перед законом. Другая возможная модель, напротив, отличается большей степенью правовой определенности, но гораздо меньшей гибкостью при разрешении спорных случаев. К тому же представляется вполне мыслимым смешение этих двух моделей в одном правовом порядке.

Итак, чистое учение о праве очевидным образом основано на философском концепте разделения сущего и должного, который красной нитью проходит сквозь философские учения Нового времени, связан с именем шотландского философа Д. Юма (знаменитая гильотина) и находит отражение в трудах многих других выдающихся мыслителей. Так, Г. Кельзен ссылается на «Кантовую философию»¹, с ее выделением двух порядков: каузального, объясняющего природную необходимость, и нормативного, относящегося к необходимости долженствования на основе вменения. На этом различии основано деление научных суждений на дескриптивные, описывающие факты объективной действительности, которые подлежат проверке на истинность, и прескриптивные, выражающие отношение к долгу, но не к истине.

В нормативизме сделана попытка применить эту дихотомию при описании права: с одной стороны, как объективно существующего явления, с другой – как сугубо идеального явления,

¹ Кельзен Г. Указ. соч. С. 128.

расположенного в плоскости долженствования. Дополнительно характер объективности предмету исследования придает отказ от признания ценностей значимыми при научном описании действительного права.

Однако, как нам представляется, последовательное проведение воззрений наподобие гильотины чрезмерно упрощает реальность. Чистое учение о праве задумано как попытка ограничить правоведов в их прескриптивных суждениях, признав за правоведением исключительно описательную функцию. В чем-то это стремление напоминает известные философские проблемы демаркации наук о природе и наук о духе, а также свободы от оценок М. Вебера.

Между тем, несмотря на попытку отграничить нормативные науки, в основу учения положены в первую очередь подходы наук о природе, в частности попытка объективизации предмета познания, фокусировка лишь на позитивной стороне бытия. Однако науки о духе обладают своими методами, в первую очередь герменевтикой¹, которая при исключительно дескриптивном характере правоведения утрачивает ведущую роль.

Относительно освобождения от ценностей, несмотря на дискуссионность этого вопроса, нельзя не признать положительный эффект, который оказывает подобный принцип на любую науку. Но данный принцип направлен на освобождение от ценностей не объекта познания, а его субъекта. Ввиду этого «освободить» от ценностей следует не феномен права, но ученых, занимающихся юриспруденцией. Отказ от изучения ценностей как элементов правопорядка приведет лишь к обнищанию полученных результатов, не придав им достоверности.

Попытка создать учение, предметом которого было бы право, независимо от его соответствия или несоответствия этическим ценностям, не означает, что Г. Кельзен отвергал возможность оценки права на предмет соответствия морально-нравственным воззрениям. Он лишь предложил не путать такую оценку с научным описанием реальности.

Очевиден тот факт, что последовательное соблюдение принципа Юма при объяснении права приводит к существенным сложностям и необходимости прибегать к логическим

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. С. 292–293, 383–403.

допущениям, вроде «основной нормы». Возможно, эта гильотина применима лишь к содержанию нормативного порядка, но не объяснению его обязательности/действительности. Иными словами, понимать этот принцип в аспекте того, что из сущего не следует выводить то, как нужно регулировать отношения (например, несмотря на высокий уровень коррупции в обществе, не стоит ее легализовывать), но не то, почему регулирование обязательно. Представляется, что без сущего, то есть положения дел в обществе, действительность норм, необходимость им подчиняться без умозрительных конструкций не объяснить.

Наконец, чистое учение о праве лишает правоведение функций прогнозирования и решения прикладных задач, в частности правовых проблем на основе интерпретаций. Сугубо дескриптивная функция правоведения сводит на нет любые попытки науки помочь законодателям и судьям разобраться в сложных перипетиях общественных отношений, поиске наиболее оптимальной модели регулирования за счет выбора между теми или иными равнозначными ценностями и интересами, соизмерения содержания принимаемых норм со сложившимися в правопорядке принципами, включая и такие, которые не выражены позитивным образом в законе, но их можно вывести из практики и доктрины. Условно говоря, учение Г. Кельзена не дает ответ на важный вопрос любого должностования о том, как правильно (оптимально) урегулировать те или иные общественные отношения. Для ответа требуется включить ценностную ориентацию в предмет правоведения. В этой части противоположных взглядов придерживается Р. Дворкин¹. Его концепция целостности права предлагает учитывать и позитивно выраженные нормы, и прошлый политический опыт, отраженный в принципах индивидуальной и политической морали. При таком подходе функция прогнозирования правовой науки, ее умение предвидеть последствия принятия той или иной нормы выходит на первый план.

Между тем юриспруденции присуще ценностно-ориентированное мышление², методы которого активно разрабатывают правоведы и используют в правотворческом

¹ Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 241–353.

² Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции / пер. с нем. К. В. Нама. М.: М-Логос, 2024. С. 10.

процессе законодатели и судьи¹. Ни одна норма в процессе правоприменения и правотворчества не может обходиться без интерпретации, проверки на соответствие с правовой системой в целом, включая имплицитно содержащиеся в ней принципы нормативного понимания регулируемых общественных отношений, а также возникновения правовых проблем, связанных с ее толкованием и «правильным» применением. Если не признавать в качестве задачи юриспруденции решение подобных правовых проблем, ей останется лишь суммировать и описывать позитивно выраженные нормы, что вряд ли может претендовать на полноценную научность².

Таким образом, проведенный анализ показал, что чистое учение Г. Кельзена выработало важные идеи и научные положения относительно понимания и объяснения феномена права. Последовательное разграничение сущего и должного, а также признание релятивистского плюрализма ценностей позволило создать самодостаточную обособленную модель понимания позитивного права, намеренно отвергающую как чуждые ненормативные элементы, то есть элементы из сферы сущего. Нормативизм шагнул далеко вперед, по сравнению с примитивным позитивизмом, суть которого сводится к формальному пониманию права как системы норм, санкционированных государством; отрицающим судебное правотворчество в «непрецедентной» системе, не включающим договоры и иные сделки в нормативную систему. Все эти предрассудки преодолены нормативизмом. Однако чрезмерное желание обеспечить чистоту от чужеродных элементов, как нам представляется, получило обратный эффект, упростив учение и сделав его непригодным для полноценного использования в правоприменительных и правотворческих целях. В этой связи единственное непротиворечивое использование чистого учения видится в пределах исследования отечественной системы права. Для правовой системы³, как более широкой категории, требуются более масштабные инструменты.

¹ О важности ценностного измерения правосудия см.: *Стус Н. В.* Теория правосудия: некоторые общие заметки // *Право и государство: теория и практика.* 2023. № 11 (227). С. 21.

² *Ларенц К., Канарис К.-В.* Указ. соч. С. 80.

³ О различии категорий «система права» и «правовая система» см.: *Годованик Е. В.* Принципы и особенности функционирования современной системы права: теоретико-методологические подходы // *Власть Закона.* 2023. № 1 (53). С. 53.

Библиографический список

1. Антонов М. В. Об основных элементах чистого учения Г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 169–196.
2. Антонов М. В. Осмысление справедливости в учении Ганса Кельзена и его значение для дискуссий в постсоветской теории права // Справедливость в постсоветском правовом порядке: понятие, принцип, цель: сб. ст. науч. конф. (Москва, 6–7 ноября 2020 г.). М.: Юрлитинформ, 2021. С. 29–61.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
5. Годованик Е. В. Принципы и особенности функционирования современной системы права: теоретико-методологические подходы // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 53–60.
6. Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 592 с.
7. Котов О. Ю. Нормативистская теория Ганса Кельзена как основа для понимания правовой природы актов конституционного суда // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 8. С. 89–98.
8. Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции / пер. с нем. К. В. Нама. М.: М-Логос, 2024. 357 с.
9. Полсон С. Нормативизм Ганса Кельзена // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 6. С. 158–175.
10. Стус Н. В. Теория правосудия: некоторые общие заметки // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). С. 21–23.

Т. Р. Булатов

преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
кандидат юридических наук
Россия, г. Санкт-Петербург
bulatov_t64@mail.ru

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРАВОВЫЕ
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**DIGITALIZATION OF MIGRATION PROCESSES
IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE, LEGAL
ISSUES AND PROSPECTS**

В статье рассмотрены вопросы, связанные с цифровизацией миграционной сферы, в частности созданием и использованием государственного информационного ресурса под названием «Цифровой профиль иностранного гражданина» в Российской Федерации (РФ). Исследованы этапы внедрения и апробации цифровых средств при осуществлении миграционного учета иностранцев на территории РФ. Проанализированы нормативно-правовые акты, регламентирующие создание и использование указанного ресурса. Приведена характеристика разделов, содержащихся в цифровом профиле, и правовой основы хранения, использования персональных данных мигрантов. Акцентируется внимание на положительных аспектах функционирования исследуемой цифровой системы, которая способна обеспечить эффективное и своевременное решение задач в сфере государственной миграционной политики РФ, а также развитие миграционного законодательства в дальнейшем. Сформулированы потенциальные проблемы функционирования ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина», в том числе вопросы защиты персональных данных и неразработанности понятийного аппарата.

Ключевые слова: миграционная политика, иностранный гражданин, цифровизация, цифровой профиль иностранного

гражданина, цифровые технологии, трудовая миграция, миграционный учет, миграционное законодательство.

The article examines issues related to the digitalization of the migration sphere, specifically, the creation and use of the state information resource known as “Digital profile of a foreign citizen” in the Russian Federation. It investigates the stages of implementing and piloting digital tools for the migration registration of foreigners within the territory of the Russian Federation and analyzes the regulatory legal acts governing the creation and use of this resource. The article outlines the sections contained within the digital profile and the legal framework for the storage and use of migrants’ personal data. The article focuses on the benefits of the system which facilitate the effective and timely resolution of tasks related to Russian state migration policy and support the further development of migration legislation. Potential challenges associated with the “Digital profile of a foreign citizen” are formulated, including issues regarding personal data protection and the lack of a fully developed conceptual framework.

Keywords: migration policy, foreign citizen, digitalization, Digital profile of a foreign citizen, digital technologies, labor migration, migration registration, migration legislation.

С каждым годом проблемы в сфере миграции становятся все более актуальными и требуют соответствующих законодательных корректировок. Миграционное законодательство Российской Федерации (РФ) в достаточной степени «пластично» и постоянно подвержено изменениям. Так, в 2026 г. внесены существенные изменения в миграционное законодательство, связанные и с вопросами трудовой миграции, учета и регистрации иностранных граждан, борьбы с нелегальной миграцией и миграционной преступностью, в том числе путем цифровизации миграционной сферы.

Рассматривая цифровизацию более глобально (не только в миграционной сфере)¹, стоит акцентировать внимание на передовых позициях РФ в контексте этой темы. Так, заместитель

¹ Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14; Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском законодательстве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 3. С. 13; Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 174.

руководителя администрации Президента России М. С. Орешкин заявил о том, что наша страна удерживает передовые позиции в построении цифровой инфраструктуры, и это позволяет уже сегодня экономике РФ развиваться существенно быстрее¹. И дополнил, что развитие финансовых, городских и социальных сервисов в России находится на высоком уровне и что они продолжают совершенствоваться. Это имеет особое значение и для миграционной сферы, поскольку создаваемые цифровые решения служат базисом при создании единой миграционной цифровой системы.

Активные действия по внедрению цифровых технологий в миграционную политику России начались еще в 2024 г. Принято постановление Правительства РФ от 7 ноября 2024 г. № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»², которым утверждено проведение экспериментального проекта, предполагающего тестирование обновленного порядка пересечения российской границы иностранцами и лицами без гражданства. Главной задачей является формирование государственного ресурса под названием «Цифровой профиль иностранного гражданина». Такая система должна аккумулировать и персональные сведения, которые иностранец предоставляет добровольно, и информацию, собранную компетентными органами и структурами в рамках проводимого эксперимента. Некоторые ученые уже успели высказать мнение об этой системе в своих трудах³.

¹Орешкин заявил, что Россия удерживает передовые позиции в цифровых сервисах // ТАСС. 2026. 16 июля. URL: <https://tass.ru/ekonomika/27924069> (дата обращения: 10.08.2026).

² О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: постановление Правительства РФ от 7 ноября 2024 г. № 1510 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 47. Ст. 7114.

³ Рязанцева М. Н. Цифровой профиль мигранта как инструмент управления миграционными процессами в современной России // Криминологический журнал. 2025. № 2. С. 150; Саблина М. Д. Применение инновационных технологий в управлении миграцией в Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 4 (294). С. 416; Маранди Д. В. Цифровизация современных миграционных процессов в Российской Федерации (проблемы нормативно-правового регулирования) // Юридический мир. 2024. № 11. С. 35.

Реализация проекта началась 1 декабря 2024 г. Срок его окончания запланирован на 30 июня 2026 г., однако впоследствии продлен до 31 декабря 2027 г. Проект разделен на два этапа.

Первый этап (с 1 декабря 2024 г. по 30 июня 2026 г.) – предусматривает ряд объектов, такие как московские международные аэропорты Шереметьево, Домодедово и Внуково, аэропорт Жуковский в Подмоскowie, а также автомобильный пункт пропуска Маштаково, расположенный в Оренбургской области. Именно на этих площадках осуществляется процедура снятия биометрии, то есть фиксируют изображение лица человека и отпечатки пальцев.

Второй этап (с 30 июня 2025 г. по 30 июня 2026 г.) – распространяется на все пункты пропуска через государственную границу РФ. Сбор биометрии на этом этапе уже не предусмотрен.

Однако теперь иностранцам, пересекающим российскую границу без визы, придется выполнить ряд обязательных условий еще до начала поездки. В частности, необходимо заблаговременно подать электронное заявление с указанием целей визита, а также пройти регистрацию в системе идентификации и аутентификации (для этого используют мобильное приложение *ruID*, связанное с порталом «Госуслуги»). Стандартный срок подачи документов – не менее чем за трое суток до пересечения границы. Однако при наступлении форс-мажорных обстоятельств допускается исключение (в подобных ситуациях уведомить систему разрешается не позднее чем за четыре часа до въезда).

Как только человек пересекает государственную границу, в специальном приложении автоматически генерируется QR-код. Этот код необходимо использовать совместно с удостоверением личности при нахождении на российской территории.

Важным считаем закрепление в новой Концепции государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 гг.¹ таких целей и основных направлений реализации, как:

- развитие цифровой среды государственного управления и внедрение современных информационных технологий для обеспечения контроля в сфере миграции;
- расширение практики использования цифровых технологий в сфере миграции, в том числе для профилирования

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: указ Президента РФ от 15 октября 2025 г. № 738 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 42. Ст. 6143.

данных об иностранных гражданах, создания возможности регистрации в единой биометрической системе за пределами РФ с использованием специализированных программных средств, создания информационно-телекоммуникационного (электронного) механизма уведомления о планируемом въезде в Россию в порядке, не требующем получения визы, а также использование технологий искусственного интеллекта для обработки большого массива данных;

- формирование цифрового профиля иностранного гражданина для иностранных граждан, въезжающих в РФ, а также находящихся на ее территории;
- цифровизация процесса привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности на территории РФ;
- расширение использования современных цифровых технологий, в том числе обеспечивающих развитие межведомственных систем мониторинга и оценки миграционной ситуации.

Неоднократное упоминание важности цифровизации миграционных процессов в главном стратегическом документе, определяющем направления развития миграционной политики РФ, свидетельствует о приоритетности этой задачи для государства.

После успешного завершения первого этапа апробации цифровой системы миграционного учета В. В. Путин подписал Указ от 9 июля 2025 г. № 467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина»»¹, в котором закреплены сроки и ключевые особенности создания цифрового профиля иностранного гражданина. Можно констатировать, что с 30 июня 2026 г. в России официально запущен государственный информационный ресурс «Цифровой профиль иностранного гражданина». Принципиальным считаем тот факт, что речь идет не об отдельном интернет-портале, а о системе, функционирующей исключительно внутри существующей государственной инфраструктуры. В основе этого механизма находится сводная электронная карточка, аккумулирующая разрозненные данные об иностранцах и апатридах, пребывающих на территории страны. Формирование

¹ О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина»: указ Президента РФ от 9 июля 2025 г. № 467 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 28. Ст. 3955.

этой карточки становится возможным благодаря налаженному межведомственному электронному взаимодействию: сведения поступают одновременно из информационных систем четырнадцати федеральных органов исполнительной власти и объединяются в одну структурированную запись. Для каждой записи в профиле генерируется собственный уникальный идентификатор, а степень верификации сведений варьируется в зависимости от пройденных процедур подтверждения (базовый, подтвержденный, усиленный).

Передача сведений между различными ведомствами и структурами реализуется посредством двух ключевых инструментов: межведомственной платформы электронного взаимодействия (СМЭВ) либо государственной миграционно-регистрационной системы «МИР».

В состав цифрового профиля входит несколько категорий информации.

Сведения идентификационного и биометрического характера:

- полное имя гражданина, указанное и в русском, и в латинском написании;
- сведения о поле, гражданской принадлежности, а также дата и место рождения;
- биометрические параметры: дактилоскопические данные и фотоматериалы, получаемые, как правило, в момент въезда на территорию РФ.

Миграционный статус:

- учетные сведения о регистрации по адресу проживания и постановке на миграционный учет;
- имеющиеся документы, подтверждающие право на пребывание (визовые документы, разрешения на временное проживание, вид на жительство);
- история пересечения государственной границы РФ;
- продолжительность и периоды нахождения на территории РФ.

Профессиональная занятость:

- договорная документация, регулирующая трудовые отношения с работодателем;
 - разрешительные документы, дающие право на осуществление трудовой деятельности, включая патенты;
 - информация об исполнении налоговых обязательств и произведенных налоговых выплатах.
-

Сведения об образовательном уровне и профессиональной квалификации:

- данные о наличии образовательных документов и их легализации на территории РФ;
- итоги прохождения проверки владения русским языком;
- информация о получении образования в учебных заведениях.

Данные о медицинском страховании:

- реквизиты соглашения (страхового полиса) добровольного медицинского страхования;
- сведения о полисе в системе обязательного медицинского страхования;

- данные о наличии санитарной книжки;
- информация о заболеваниях, способных представлять угрозу для здоровья окружающих лиц.

Прочие данные:

- номер лицевого страхового счета физического лица (СНИЛС);
- зарегистрированные телефонные номера абонентов;
- профиль пользователя в системе ЕСИА;
- сведения из федерального реестра граждан;
- денежные транзакции.

Нарушения закона и введенные запреты:

- данные о совершенных административных проступках;
- актуальные запреты на пересечение границы РФ.

Собственность и средства передвижения:

- права на управление различными видами транспорта;
- объекты недвижимости, расположенные в пределах РФ;
- различные виды транспортных средств (наземные, воздушные, водные, а также самоходная техника).

Доступ работодателей к сведениям об иностранном сотруднике возможен исключительно при наличии его согласия и направлен на подтверждение законности нахождения в стране, наличия разрешения на работу. При этом государственные структуры и организации, наделенные соответствующими полномочиями, вправе обращаться к данным профиля строго в пределах своей компетенции, в большинстве случаев также с ведома гражданина. Вместе с тем законодательство предусматривает ряд исключений, в частности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Иностранец располагает неограниченным доступом к собственному профилю, как через

мобильное приложение *guID*, так и посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг.

Успешное внедрение в систему государственного управления такого ресурса, как «Цифровой профиль иностранного гражданина», вызвано необходимостью решения ключевых миграционных проблем. Среди них – борьба с нелегальной миграцией и миграционной преступностью; обеспечение контроля за трудовой миграцией; пресечение деятельности террористических и экстремистских иностранных организаций, а также привлечения мигрантов для совершения террористических актов; соблюдение иностранными гражданами, пребывающими в России, законодательства РФ; эффективное взаимодействие органов публичной власти для оперативного решения миграционных вопросов и др.¹

В ситуации, связанной с проведением специальной военной операции, когда в нашу страну проникают диверсионно-террористические группы противника, для которых мигранты являются привлекательной целью с позиции вербовки и использования в реализации поставленных задач по совершению диверсий и терактов на территории российского государства (в качестве примеров приведем террористический акт, совершенный 22 марта 2024 г. в Москве, в концертном зале «Крокус Сити Холл», или убийство генерала И. Кириллова, которое совершено в Москве 17 декабря 2024 г.), изложенные выше проблемы становятся еще более актуальными. И допустить обострения ситуации нельзя. Проблемы нужно решать в первую очередь при проведении тщательного контроля за расселением и пребыванием мигрантов на территории субъектов РФ, обеспечением их трудовой деятельностью, организацией быта и досуга. С учетом этого в том числе и создан, и действует механизм «Цифровой профиль иностранного гражданина».

Еще одно удачное сочетание работы введенной системы обусловлено синхронизацией с действующим реестром контролируемых лиц. Поскольку данные о миграционном учете иностранного гражданина автоматически попадают в его цифровой профиль, то в случае, если легальных оснований для нахождения у мигранта нет, он приобретает статус нелегального

¹ Попова С. М. Цифровизация миграционной сферы в России: состояние и перспективы // Право и политика. 2021. № 9. С. 122.

мигранта и автоматически оказывается в реестре контролируемых лиц¹.

В контексте положительного влияния ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина» дополним, что он предоставил возможность совершенствования миграционного законодательства РФ и повышения продуктивности пребывания мигрантов на территории нашей страны. Так, 26 июля 2026 г. принят Федеральный закон № 241-ФЗ², который вносит изменения в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». С 1 января 2027 г. работающий в России иностранец обязан содержать себя и каждого члена семьи, который находится в РФ на его иждивении, на уровне не ниже прожиточного минимума в регионе работы. Кроме того, Федеральная налоговая служба будет контролировать доходы иностранца путем автоматической ежеквартальной передачи в МВД этих сведений о его доходах. Важно, что срок временного пребывания несовершеннолетних детей привязан к сроку действия патента родителя. К тому же низкий доход в течение года может стать основанием для отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание или вида на жительство. С учетом цифрового профиля осуществляется контроль за трудовой деятельностью иностранцев, их доходом, транзакциями. Россия способна обеспечить и соблюдение ими действующего законодательства, и создать условия для наращивания экономического потенциала страны, решая проблемы, связанные с налогообложением доходов иностранных граждан, бесконтрольным выводом денежных средств за рубеж, а также выполнением требований миграционного учета.

Однако существует и ряд потенциальных проблем функционирования ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина». К наиболее острым можно отнести хранение и передачу персональных данных иностранных граждан. Как известно, цифровые системы несовершенны, и возможен риск хакерских атак, а в случае утраты персональных данных иностранцев мы рискуем создать международный конфликт, что

¹ Гарная-Иванова И. А., Воротилина Т. В., Кантария-Невретдинова Е. А. Миграционный контроль в период цифровой трансформации общества: правовой аспект // Вестник Академии права и управления. 2023. № 2 (72). С. 27.

² О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: федер. закон от 26 июля 2026 г. № 241-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2026. № 30. Ст. 4087.

спровоцирует массовый отток мигрантов из России. К тому же актуальна и проблема технологической оснащенности мигрантов. Не каждый приезжий способен понять, как функционирует цифровой профиль, а тем более постичь правовые основы использования этого цифрового продукта, что будет препятствовать его эффективному применению.

В научном сообществе многие ученые ставят вопрос о том, что собой представляет понятие «цифровой профиль иностранного гражданина». К примеру, А. В. Минбалева определяет этот термин как «совокупность актуальных, достоверных данных об иностранном гражданине, формируемых в единой системе»¹. Т. Г. Кахохо предлагает более общее определение: «это совокупность цифровых данных (записей), содержащихся в той или иной информационной системе, размещенной в цифровом пространстве»². К. В. Ковалишина и Е. В. Евсикова выделяют тот факт, что для успешного функционирования цифрового профиля необходимо создание специальной электронной платформы³. К тому же Е. В. Евсикова в другой научной статье утверждает, что цифровой профиль служит альтернативным способом ведения миграционного учета⁴.

По нашему мнению, «Цифровой профиль иностранного гражданина» – это государственный информационный ресурс, направленный на аккумуляцию актуальных и достоверных данных о пребывающих на территории РФ иностранцах и апатридах, обеспечение их всесторонней систематизации и структурирования в интересах государственного регулирования миграционной сферы.

Таким образом, цифровизация миграционной сферы является прогрессивным и эффективным решением миграционных проблем, стимулирует рост экономического потенциала миграции. Дальнейшее развитие ресурса «Цифровой

¹ Минбалева А. В. Понятие и правовая природа цифрового профиля человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 112.

² Кахохо Т. Г. Правовые основы единого цифрового профиля гражданина // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11. № 3 (43). С. 81.

³ Ковалишина К. В., Евсикова Е. В. Цифровой профиль мигранта: особенности и перспективы развития // Аграрное и земельное право. 2024. № 8 (236). С. 111.

⁴ Евсикова Е. В. Миграционный учет (контроль): современные реалии и перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 1. С. 141.

профиль иностранного гражданина», а также создание иных цифровых решений в сфере миграции можно считать ключевой задачей государства в процессе совершенствования миграционной политики РФ.

Библиографический список

1. Гарная-Иванова И. А., Воротилина Т. В., Кантария-Невретдинова Е. А. Миграционный контроль в период цифровой трансформации общества: правовой аспект // Вестник Академии права и управления. 2023. № 2 (72). С. 27–31.

2. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.

3. Евсикова Е. В. Миграционный учет (контроль): современные реалии и перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 1. С. 136–150.

4. Какохо Т. Г. Правовые основы единого цифрового профиля гражданина // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11. № 3 (43). С. 80–90.

5. Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14–18.

6. Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском законодательстве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 3. С. 13–16.

7. Ковалишина К. В., Евсикова Е. В. Цифровой профиль мигранта: особенности и перспективы развития // Аграрное и земельное право. 2024. № 8 (236). С. 110–112.

8. Маранди Д. В. Цифровизация современных миграционных процессов в Российской Федерации (проблемы нормативно-правового регулирования) // Юридический мир. 2024. № 11. С. 35–38.

9. Минбалеев А. В. Понятие и правовая природа цифрового профиля человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 110–116.

10. Орешкин заявил, что Россия удерживает передовые позиции в цифровых сервисах // ТАСС. 2026. 16 июля. URL: <https://tass.ru/ekonomika/27924069> (дата обращения: 10.08.2026).

11. *Попова С. М.* Цифровизация миграционной сферы в России: состояние и перспективы // *Право и политика.* 2021. № 9. С. 118–131.

12. *Рязанцева М. Н.* Цифровой профиль мигранта как инструмент управления миграционными процессами в современной России // *Криминологический журнал.* 2025. № 2. С. 150–154.

13. *Саблина М. Д.* Применение инновационных технологий в управлении миграцией в Российской Федерации // *Молодой ученый.* 2020. № 4 (294). С. 416–417.

А. М. Гаврилова

доцент кафедры гражданского права
Российского государственного университета правосудия имени
В. М. Лебедева,
кандидат юридических наук
Россия, г. Москва
am.gavrilova@mail.ru

**НЕУСТОЙКА КАК МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НЕУПЛАТУ АЛИМЕНТОВ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

**PENALTY AS A MEASURE OF LIABILITY FOR NON-PAYMENT
OF ALIMONY: LEGAL REGULATION AND ENFORCEMENT ISSUES**

В статье раскрываются вопросы о взыскании неустойки за неисполнение либо ненадлежащее исполнение алиментных обязательств: законодательства, доктринальных позиций и актуальной судебной практики. Автор анализирует условия и порядок установления ответственности за несвоевременную уплату алиментов по соглашению сторон и решению суда; правовую природу неустойки за неуплату алиментов и ее соотношение с такой мерой ответственности, как взыскание убытков; размер неустойки; возможность взыскания упущенной выгоды и процентов по ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации в случае несвоевременной уплаты алиментов. На основании проведенного исследования автором сделаны выводы и сформулированы предложения по совершенствованию норм Семейного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: алименты, получатель алиментов, плательщик алиментов, уплата алиментов, соглашение об уплате алиментов, гражданско-правовая ответственность, семейно-правовая ответственность, вина, неустойка, убытки, реальный ущерб, упущенная выгода.

The article is devoted to the examination of issues related to the recovery of a penalty for the non-performance or improper performance of alimony obligations, covering relevant legislation, doctrinal perspectives, and current judicial practice. The author

analyzes the conditions and procedures for establishing liability for the overdue payment of alimony, whether based on an agreement between parties or a court decision, as well as the legal nature of the penalty for non-payment of alimony and its correlation with other liability measures such as the recovery of damages. The article also addresses the amount of the penalty and the possibility of recovering lost profits and interest under Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation in cases of overdue alimony payments. Based on the conducted research, the author draws conclusions and proposes amendments to improve the provisions of the Family Code of the Russian Federation.

Keywords: alimony, alimony recipient, alimony payer, payment of alimony, alimony payment agreement, civil liability, family-law liability, guilt, penalty, damages, actual damage, lost profits.

Проблема неуплаты алиментов относится к числу важнейших и трудноразрешимых¹ в семейном праве. Ежегодно суды рассматривают множество дел об алиментных обязательствах. Так, только в первом полугодии 2025 г. в суды общей юрисдикции поступило 98 750 дел о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей, 2 777 дел – о взыскании алиментов на содержание совершеннолетнего нетрудоспособного члена семьи, 1 610 дел – об определении размера задолженности по алиментам, 14 028 дел – об изменении размера или формы взыскания алиментов².

Институт алиментных обязательств направлен на предоставление содержания несовершеннолетним детям и нуждающимся в материальном обеспечении иным членам семьи, а политика Российской Федерации (РФ), как правового и социального государства (ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 7 Конституции РФ³),

¹ См.: Смак Т. Алименты и их (не)плательщики // ВЦИОМ. 2026. 17 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/alimenty-i-ikh-neplatelshchiki?ysclid=mu2c4bj1fb320899736> (дата обращения: 10.06.2026).

² См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2025 г. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/?id=5> (дата обращения: 10.06.2026).

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=mu2ckl5573130745471> (дата обращения: 06.10.2022).

нацелена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, которые невозможны без средств к существованию. Согласно Основному закону страны, защита материнства, детства и семьи находятся под защитой государства (ч. 1 ст. 38), а дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России (ч. 4 ст. 67.1).

Провозглашенные в Конституции РФ гарантии в области семейных отношений получили закрепление и развитие в нормах Семейного кодекса (СК) РФ¹, который выступает основополагающим нормативно-правовым актом, регулирующим алиментные обязательства как между родителями и детьми, так и между другими членами семьи. За тридцатилетний период действия СК РФ законодатель неоднократно совершенствовал нормы института алиментных обязательств, включая нормы об ответственности за несвоевременную уплату алиментов. Однако, как пишет профессор Ю. Ф. Беспалов, «существующий перечень мер ответственности участников семейных отношений не удовлетворяет требованиям обеспечения эффективности реализации семейных прав»². Важным видится то, что Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р³, в числе приоритетных указывает принятие дополнительных мер, направленных на повышение эффективности исполнения алиментных обязательств. Концепцией государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р⁴, в решение задачи по развитию системы государственной поддержки семей включена разработка мер по обеспечению регулярности выплат

¹ Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

² Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав // Журнал российского права. 2014. № 2 (206). С. 51.

³ Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года: распоряжение Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 13. Ст. 1505.

⁴ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 35. Ст. 4811.

алиментов, в том числе мер по усилению ответственности должников.

Согласно действующему семейному законодательству, алименты могут быть уплачены на основании имеющего силу исполнительного листа *соглашения об уплате алиментов* или *решения суда*, за неисполнение или ненадлежащее исполнение которых предусмотрена *уголовная, административная, гражданско-правовая и семейно-правовая ответственность*. В юридической литературе дискуссионными остаются вопросы о существовании семейно-правовой ответственности, правовой природе и перечне мер ответственности за несвоевременную уплату алиментов.

Сторонниками точки зрения о самостоятельности семейно-правовой ответственности как вида юридической ответственности выступают, в частности, Д. В. Ананина, Н. В. Данилова¹, Ю. Ф. Беспалов², С. А. Закирова³. Противоположной позиции придерживается, например, Д. А. Липинский, отрицающий наличие семейно-правовой ответственности⁴. Некоторые авторы признают самостоятельность семейно-правовой ответственности, но разграничивают ее с ответственностью за нарушение норм семейного права, которая носит, по их мнению, межотраслевой⁵, разноотраслевой⁶ характер. Так, А. Е. Чичерова доказывает межотраслевой, комплексный характер института ответственности в семейном праве, но не

¹ См.: Ананина Д. В., Данилова Н. В. Семейно-правовая ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности // Концепт: науч.-метод. электрон. журнал. 2019. № 3. С. 113–118. URL: <http://e-koncept.ru/2019/193014.htm> (дата обращения: 14.06.2026).

² Беспалов Ю. Ф. Указ. соч. С. 46.

³ См.: Закирова С. А. Меры ответственности в семейно-брачных отношениях // Власть Закона. 2022. № 1 (49). С. 147, 152.

⁴ См.: Липинский Д. А. О системе права и видах юридической ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 36.

⁵ См.: Турусова О. С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 6–7.

⁶ См.: Аникина А. С. Семейно-правовая ответственность как механизм защиты прав ребенка // 30 лет Конвенции о правах ребенка: современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 ноября 2020 г.) / ред. А. И. Лыжин, М. Б. Ларионова, М. В. Ожиганова, М. В. Снегирева. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2020. С. 194.

относит к числу мер семейно-правовой ответственности ответственность за несвоевременную уплату алиментов¹. Д. С. Ксенофонтова к мерам семейно-правовой ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение алиментного обязательства относит «лишение родительских прав, отмену усыновления, лишение права на получение алиментов, взыскание неустойки и возмещение убытков»². По мнению Ю. Ф. Беспалова, «семейно-правовая ответственность действует лишь в рамках отношений родителей и детей»³. Отсутствие в СК РФ положений о понятии, видах и мерах семейно-правовой ответственности приводит к дискуссии в правовой доктрине и ошибкам в правоприменительной практике.

Статья 115 СК РФ регулирует ответственность за несвоевременное исполнение всех видов алиментных обязательств: родителей и детей, супругов и бывших супругов, а также других членов семьи. При этом законодателем дифференцирован порядок установления ответственности за нарушение этих обязательств в зависимости от *добровольной* (на основании соглашения об уплате алиментов) или *принудительной* (на основании решения суда) *форм реализации алиментных обязательств*. Так, при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по соглашению об уплате алиментов, оно несет ответственность в порядке, предусмотренном этим соглашением (п. 1). Если задолженность возникла по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, последнее уплачивает законную неустойку в размере одной десятой процента от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки; получатель алиментов вправе также взыскать с алиментобязанного лица, виновного в несвоевременной уплате алиментов, все причиненные просрочкой исполнения алиментных обязательств убытки в части, не покрытой неустойкой (п. 2)⁴.

¹ См.: Чичерова А. Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 7–8.

² Семейное право: учебник / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М.: Проспект, 2026. С. 365.

³ Беспалов Ю. Ф. Указ. статья. С. 50.

⁴ В правовой доктрине обоснована необходимость применения компенсации морального вреда при неисполнении алиментных обязательств. См.: Яфизова Э. Н. Частноправовая защита семейных прав по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020. С. 15.

Следовательно, стороны алиментного соглашения вправе предусмотреть в нем как неустойку, ее вид и размер, в том числе ниже или выше установленного п. 2 ст. 115 СК РФ размера законной неустойки, так и любую иную меру гражданско-правовой ответственности. Однако анализ судебной практики показывает, что соглашение об уплате алиментов не всегда содержит условия об ответственности за несвоевременную уплату алиментов. Возникает вопрос о том, возможно ли в этом случае применение предусмотренной п. 2 ст. 115 СК РФ законной неустойки. Согласно одному из подходов, нормы о законной неустойке неприменимы и следует руководствоваться нормами гражданского законодательства¹. Как указал Конституционный Суд РФ, предусмотренные законодателем различные правила к определению порядка установления ответственности за нарушение алиментных обязательств не нарушают закрепляющую принцип равенства ст. 19 Конституции РФ, поскольку, заключая соглашение об уплате алиментов и имея возможность на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения алиментного обязательства предусмотреть в этом соглашении соответствующие меры ответственности, в том числе неустойку, и определить ее размер, стороны алиментного обязательства добровольно соглашались подчиниться правилам, установленным их соглашением, а на случай отсутствия таких правил – подчиниться нормам Гражданского кодекса (ГК) РФ об ответственности за нарушение договорных обязательств².

Согласно позиции Верховного Суда РФ, изложенной в Обзоре судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей, утвержденной Президиумом Верховного Суда РФ 13 мая 2015 г.³ (далее – Обзор

¹ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 386–388.

² См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шуклиной Элеоноры Сергеевны на нарушение ее конституционных прав статьей 115 Семейного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 1452-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 мая 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 7.

2015), предусмотренная п. 2 ст. 115 СК РФ неустойка является *специальной мерой семейно-правовой ответственности*. Так, Верховный Суд РФ направил дело на новое рассмотрение, указав, что у судов не было оснований для расчета неустойки за несвоевременную уплату алиментов по правилам п. 2 ст. 115 СК РФ, поскольку заключенное сторонами нотариальное соглашение об уплате алиментов не содержало условий об ответственности алиментобязанного лица; в случае, если меры ответственности не предусмотрены соглашением об уплате алиментов, должны быть применены нормы гражданского (в частности, ст. 395 ГК РФ)¹, а не семейного законодательства².

Изложенный подход в применении по аналогии закона норм главы 25 ГК РФ на основании положений ст. 5, п. 1 ст. 101 СК РФ, в случае отсутствия в алиментном соглашении условий об ответственности лица, виновного в образовании задолженности по алиментам, разделяют не все специалисты. В юридической литературе речь идет о том, что предусмотренная п. 2 ст. 115 СК РФ законная неустойка должна быть применена по аналогии закона и в случаях, если алиментным соглашением не предусмотрена ответственность за аналогичные правонарушения³. На наш взгляд, заслуживают одобрения позиции Д. С. Ксенофонтовой (первичностью должна обладать аналогия семейного, а не гражданского закона)⁴ и О. Ю. Косовой (для определения ответственности за просрочку уплаты алиментов необходим одинаковый подход законодателя)⁵. Однако, полагая, что содержащаяся в ст. 5 СК РФ формулировка «применяются нормы семейного и (или) гражданского права» не позволяет сделать вывод о приоритете аналогии семейного закона. В целях обеспечения справедливого правового регулирования путем установления единых правил ответственности плательщика

¹ Камышанский В. П. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024. № 4. С. 23.

² См.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 октября 2024 г. № 5-КГ24-96-К2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Косова О. Ю. Семейное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. С. 377; Семейное право: учебник / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М.: Проспект, 2026. С. 363.

⁴ Семейное право: учебник / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М.: Проспект, 2026. С. 363.

⁵ Косова О. Ю. Указ. соч. С. 377.

алиментов за нарушение алиментных обязательств, независимо от основания уплаты алиментов и обеспечения единообразия в правоприменении, представляется целесообразным дополнить п. 1 ст. 115 СК РФ предложением о применении положений п. 2 ст. 115 СК РФ в случае, если меры ответственности не предусмотрены соглашением об уплате алиментов. Возможно и иное решение проблемы: закрепление в ст. 5 СК РФ приоритета применения аналогии семейного закона над аналогией гражданского закона.

По сложившейся судебной практике, начисление предусмотренных ст. 395 ГК РФ процентов на сумму судебной неустойки не допускается (п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7)¹. Поэтому суды отказывают во взыскании процентов за неисполнение решения суда, которым взыскана неустойка за несвоевременную уплату алиментов².

Согласно содержащимся в п. 64 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов»³ (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ № 56) разъяснениям, предусмотренную п. 2 ст. 115 СК РФ неустойку необходимо определять по каждому просроченному месячному платежу, исходя из суммы этого платежа и количества дней его просрочки, определяемого на день вынесения решения суда о взыскании неустойки. Такая же правовая позиция изложена в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2012 г., утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2012 г.⁴ (далее – Обзор 2012). Однако, как показывает анализ судебной практики,

¹ См.: О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 (в ред. от 22.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

² См., напр.: определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17 января 2024 г. № 88-962/2024; определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22 апреля 2025 г. № 88-10626/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2012 г.: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 4 (извлечение).

некоторые суды допускают ошибки в правоприменении, удовлетворяя иски о взыскании неустойки за просрочку уплаты алиментов, размер которой рассчитан путем умножения общей суммы алиментной задолженности на установленный размер неустойки и на общее количество дней просрочки. Такие судебные акты обоснованно отменены вышестоящими судами¹.

Неустойка подлежит, согласно требованию истца, присуждению по день фактического исполнения обязательства². *Размер неустойки*, установленной в абз. 1 п. 2 ст. 115 СК РФ, неоднократно был изменен законодателем. В первоначальной редакции нормы, действовавшей с 1 марта 1996 г. по 2 июля 2008 г., размер неустойки составлял одну десятую процента, с 3 июля 2008 г.³ по 9 августа 2018 г. – одну вторую процента. Согласно действующей с 10 августа 2018 г. редакции, размер неустойки вновь составляет одну десятую процента от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки. Поскольку положения Федерального закона от 30 июня 2008 г. № 106-ФЗ⁴ и Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 224-ФЗ⁵, которыми внесены изменения в п. 2 ст. 115 СК РФ, не содержат указаний на возможность их применения к ранее возникшим отношениям, неустойку по указанному пункту нужно рассчитывать исходя из нормы закона, действующей на период действия просрочки задолженности. Так, Верховный Суд РФ, направляя дело на новое рассмотрение в апелляционный суд, напомнил о том, что общим принципом действия норм семейного права во времени служит

¹ См., напр.: определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 января 2025 г. по делу № 88-477/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Перетолчина Евгения Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации, абзацем вторым статьи 211 и частью третьей статьи 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 25 октября 2018 г. № 2595-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Президиума Челябинского областного суда от 27 июля 2011 г. по делу № 44Г-87/2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О внесении изменений в статью 115 Семейного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30 июня 2008 г. № 106-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 27. Ст. 3124.

⁵ О внесении изменений в статьи 114 и 115 Семейного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 29 июля 2018 г. № 224-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 31. Ст. 4813.

принцип прямого действия во времени, и только законодатель вправе придать закону обратную силу. Следовательно, законная неустойка за несвоевременную уплату алиментов по делу подлежала расчету в период просрочки с 8 августа 2016 г. до 10 августа 2018 г. в размере одной второй процента, с 10 августа 2018 г. – в размере одной десятой процента¹.

Предусмотренная в п. 2 ст. 115 СК РФ неустойка является *зачетной*, поскольку, как указано, убытки могут быть взысканы только в части, не покрытой неустойкой. Анализируемая статья не содержит ни понятия убытков, ни ее видов, предусмотренных в ст. 15 ГК РФ, что порождает дискуссии о законности взыскания упущенной выгоды. Ряд авторов считают, что возможность взыскания упущенной выгоды противоречит природе и существу алиментных обязательств², лично-доверительному характеру семейных правоотношений, поскольку алиментные платежи не предназначены для извлечения прибыли³. Однако нормы семейного законодательства не содержат ограничений на взыскание упущенной выгоды. Поэтому представляется более обоснованной позиция авторов о том, что взысканию подлежат и реальный ущерб, и упущенная выгода⁴. Приведенный подход отражен в определении Конституционного Суда РФ, согласно которому абз. 3 п. 2 ст. 115 СК РФ предусматривает возможность взыскать с виновного в несвоевременной уплате алиментнообязанного лица все причиненные просрочкой исполнения алиментных обязательств убытки в части, не покрытой неустойкой⁵. К реальному ущербу, причиненному

¹ См.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 июня 2023 г. № 81-КГ23-2-К8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Каменецкая М. С.* Семейное право России: учеб.-практ. пособие. М.: ЕАОИ, 2007. С. 87; Семейное право: учебник / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М.: Проспект, 2026. С. 362.

³ *Каймакова Е. В.* Защита семейных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2011. С. 23; *Ксенофонтова Д. С.* Основные направления модернизации правового института алиментирования // Государство и право. 2022. № 11. С. 200.

⁴ *Авдеева Т. В., Басалай Е. И.* Неустойка за несвоевременную уплату алиментов // Семейное право: современные проблемы теории и практики: материалы Международн. круглого стола (Минск, 16–17 октября 2020 г.) / гл. ред. В. Н. Годунов. Мн.: Белорусский государственный университет, 2020. С. 14; *Пчелинцева Л. М.* Семейное право России: учебник. М.: Норма, 2009. С. 473.

⁵ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Новиковой Натальи Николаевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, пунктом 3 статьи 113, абзацем

несвоевременной уплатой алиментов, относят проценты за пользование займом, если вследствие невыплаты алиментов их получатель был вынужден заключить возмездный договор займа на сумму, соответствующую размеру причитающихся алиментов¹.

Полагаем, что к упущенной выгоде можно отнести неполученные проценты, исходя из следующего. Абзац 2 п. 2 ст. 84 СК РФ позволяет организациям, в которых находятся оставшиеся без попечения родителей дети, помещать поступившие на их содержание алименты в банки и получать доход от их обращения. При оставлении ребенком такой организации пятьдесят процентов дохода от их обращения зачисляются на счета, открытые на его имя в банках. Кроме того, абз. 2 п. 2 ст. 60 СК РФ наделяет суд полномочиями вынести решение о перечислении не более пятидесяти процентов сумм алиментов, подлежащих выплате несовершеннолетним детям, на счета, открытые на их имя в банках, а ввиду диспозитивной нормы абзаца 1 п. 1 ст. 852 ГК РФ банк уплачивает проценты за пользование денежными средствами, находящимися на банковском счете клиента. Представляется, что в случае несвоевременного зачисления алиментов на счета указанных организаций и последующего помещения их на счета в банках или несвоевременного перечисления сумм алиментов на открытые на имя несовершеннолетних детей счета в банках по вине лица, обязанного уплачивать алименты, могут быть причинены убытки в виде упущенной выгоды.

Положения о праве получателя алиментов взыскать убытки с алиментобязанного лица содержатся в п. 2 ст. 115 СК РФ и применимы к законной неустойке. Возможности их распространения на соглашение об уплате алиментов упомянутая статья не предусматривает. Поэтому Л. Е. Чичерова предлагает закрепить в ней «возможность взыскания убытков и при уплате содержания по алиментному соглашению»², что представляется целесообразным.

третьим пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и рядом положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2022 г. № 406-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ См.: Семейное право: учебник / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Эксмо, 2026. С. 277.

² Чичерова Л. Е. Указ. соч. С. 10.

НЕУСТОЙКА КАК МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НЕУПЛАТУ АЛИМЕНТОВ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Вина – неперенное условие ответственности алиментобязанного лица за несвоевременную уплату алиментов по алиментному соглашению (п. 1 ст. 115 СК РФ) и решению суда (п. 2 ст. 115 СК РФ, п. 63 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 56). В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2021 г. № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей»¹ содержится *неисчерпывающий* перечень уважительных и неуважительных причин неуплаты алиментов.

Уважительными причинами неуплаты алиментов могут быть признаны только обстоятельства неуплаты алиментов, которые не зависят от воли плательщика алиментов, в частности его болезнь или нетрудоспособность; образование задолженности по вине третьих лиц, то есть вследствие несвоевременной выплаты заработной платы работодателем, несвоевременного или неправильного перечисления банком сумм по алиментам. Задолженность по уплате алиментов может возникать и вследствие неисполнения обязанности по их удержанию администрацией организации, в которой работает лицо, обязанное уплачивать алименты. Так, кассационный суд отменил постановление мирового судьи о привлечении плательщика алиментов к административной ответственности и прекратил производство по делу, поскольку задержка выплаты алиментов произошла по вине работника организации-работодателя, потерявшего заявление алиментобязанного лица, а алиментобязанное лицо не уклонялось от явки к судебному приставу-исполнителю, добровольно погасило задолженность по алиментам после получения сообщения об отсутствии перечисления алиментов от работодателя².

В правоприменительной практике в качестве уважительной причины неуплаты алиментов не рассматривают несогласие лица,

¹ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2021 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 6.

² См., напр.: постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2022 г. № 16-9545/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обязанного уплачивать алименты, с размером подлежащих уплате алиментов; сам по себе факт совместного проживания лица, обязанного уплачивать алименты, с получателем алиментов¹; неуплату алиментов в период отбывания лицом, обязанным уплачивать алименты, наказания в местах лишения свободы без уважительных причин².

С учетом изложенного можно сделать следующие выводы. Несвоевременная уплата алиментов влечет за собой меры ответственности в форме *уплаты неустойки и возмещения убытков*. Предусмотренная п. 1 ст. 115 СК РФ ответственность за неуплату алиментов по нотариально удостоверенному соглашению является *гражданско-правовой*, а установленная п. 2 ст. 115 СК РФ ответственность за неуплату алиментов по судебному акту – *семейно-правовой*.

Получатель алиментов вправе взыскать с виновного в несвоевременной уплате алиментов лица, обязанного уплачивать алименты, *реальный ущерб и упущенную выгоду* в части, не покрытой неустойкой. Установленная ст. 115 СК РФ ответственность может возникнуть только *при наличии вины* алиментобязанного лица. Неустойку за неуплату алиментов, предусмотренную п. 2 ст. 115 СК РФ, определяют по каждому просроченному месячному платежу, исходя из суммы этого платежа и количества дней его просрочки, определяемого на день вынесения решения суда о взыскании неустойки. Целесообразным видится дополнение п. 1 ст. 115 СК РФ предложением о применении положений п. 2 ст. 115 СК РФ в случае, если меры ответственности не предусмотрены соглашением об уплате алиментов, либо закрепление в ст. 5 СК РФ приоритета применения аналогии семейного закона над аналогией гражданского закона.

Библиографический список

1. Авдеева Т. В., Басалай Е. И. Неустойка за несвоевременную уплату алиментов // Семейное право: современные проблемы теории и практики: материалы Междунар.

¹ Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2025 г. № 16-1173/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., напр.: постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2026 г. № 88-7366/2026. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

круглого стола (Минск, 16–17 октября 2020 г.) / гл. ред. В. Н. Годунов. Мн.: Белорусский государственный университет, 2020. С. 7–20.

2. *Ананина Д. В., Данилова Н. В.* Семейно-правовая ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности // Концепт: науч.-метод. электрон. журнал. 2019. № 3. С. 113–118. URL: <http://e-koncept.ru/2019/193014.htm> (дата обращения: 14.06.2026).

3. *Аникина А. С.* Семейно-правовая ответственность как механизм защиты прав ребенка // 30 лет Конвенции о правах ребенка: современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17 ноября 2020 г.) / ред. А. И. Лыжин, М. Б. Ларионова, М. В. Ожиганова, М. В. Снегирева. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2020. С. 191–196.

4. *Беспалов Ю. Ф.* Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав // Журнал российского права. 2014. № 2 (206). С. 45–52.

5. *Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1* / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.

6. *Закирова С. А.* Меры ответственности в семейно-брачных отношениях // Власть Закона. 2022. № 1 (49). С. 147–157.

7. *Каймакова Е. В.* Защита семейных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2011. 26 с.

8. *Каменецкая М. С.* Семейное право России: учеб.-практ. пособие. М.: ЕАОИ, 2007. 387 с.

9. *Камышанский В. П.* Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024. № 4. С. 23–41.

10. *Косова О. Ю.* Семейное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. 559 с.

11. *Ксенофонтова Д. С.* Основные направления модернизации правового института алиментирования // Государство и право. 2022. № 11. С. 197–201.

12. *Липинский Д. А.* О системе права и видах юридической ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 27–37.

13. *Пчелинцева Л. М.* Семейное право России: учебник. М.: Норма, 2009. 719 с.

14. Семейное право: учебник / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М.: Проспект, 2026. 440 с.
15. Семейное право: учебник / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Эксмо, 2026. 416 с.
16. Смак Т. Алименты и их (не)плательщики // ВЦИОМ. 2026. 17 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/alimenty-i-ikh-neplatelshchiki?ysclid=mu2c4bj1fb320899736> (дата обращения: 10.06.2026).
17. Турусова О. С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 30 с.
18. Чичерова Л. Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 28 с.
19. Яфизова Э. Н. Частноправовая защита семейных прав по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020. 29 с.

Т. М. Медведева

заместитель начальника отдела законодательства
о юридических лицах
Исследовательского центра частного права
имени С. С. Алексеева при Президенте РФ,
кандидат юридических наук,
заслуженный юрист Российской Федерации
Россия, г. Москва
snow100@mail.ru

А.-М. Н. Гудиева

консультант отдела законодательства
о юридических лицах
Исследовательского центра частного права
имени С. С. Алексеева при Президенте РФ
Россия, г. Москва
gamn100@yandex.ru

**АКЦИИ С РАЗНЫМ ОБЪЕМОМ ПРАВ КАК ИНСТРУМЕНТ
КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ (ЧАСТЬ 1)**

**SHARES WITH DIFFERENTIATED RIGHTS
AS AN INSTRUMENT OF CORPORATE CONTROL (PART 1)**

В статье исследована правовая природа акций с разным объемом прав как инструмента перераспределения корпоративного контроля¹. В первой части исследования авторы подвергают критическому анализу догматическое восприятие принципа пропорциональности («одна акция – один голос»), доказывая, что он не является абсолютным, а представляет собой подвижную категорию, эволюция которой обусловлена комплексом правовых, экономических и социокультурных

¹ Статья написана в рамках выполнения государственного задания, утвержденного Исследовательскому центру частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ, на подготовку научно-исследовательской работы по теме «Правовой режим акций с разным объемом прав» (номер в ЕГИСУ НИОКТР: 126021016949-3).

факторов. На основе историко-правового и экономико-правового анализа рассмотрены генезис этого принципа, а также методологические пределы оценки влияния от принципа пропорциональности на стоимость компании. Обоснован тезис о том, что акции с разным объемом прав, будучи наиболее прозрачным механизмом концентрации контроля, не противоречат интересам инвесторов при наличии адекватных защитных механизмов. Сделан вывод, в соответствии с которым отклонение от принципа пропорциональности является инструментально нейтральным, а его оценка зависит от конструкции прав и институциональной среды. Авторы предлагают разграничивать пропорциональность голосования и пропорциональность корпоративных прав в целом, что позволяет точнее оценивать баланс интересов участников корпорации. Обращено внимание на необходимость анализа структур с разным объемом прав в контексте конкретного правопорядка, с учетом исторических и экономических особенностей.

Ключевые слова: акции с разным объемом прав, многоголосые акции, принцип пропорциональности, корпоративный контроль, агентские издержки, историческая эволюция корпоративного права, экономический анализ права.

The article examines the legal nature of shares with differentiated rights as an instrument for the reallocation of corporate control¹. In the first part of the study, the authors critically analyze the doctrinal understanding of the proportionality principle ("one stock, one vote"), arguing that it is not absolute but rather a dynamic concept whose evolution is driven by a complex interplay of legal, economic, and socio-cultural factors. Drawing on historical-legal and economic-legal analysis, the study explores the origins of this principle and the methodological limitations involved in assessing how such structures impact company value. The authors substantiate the argument that shares with differentiated rights – representing the most transparent mechanism for concentrating control – do not conflict with investor interests, provided adequate safeguards are in place. The study concludes that deviating from the proportionality

¹ This article was prepared as part of the state assignment approved for the S. S. Alekseev Research Centre for Private Law under the President of the Russian Federation regarding the research project titled "Legal Regime of Shares with Differentiated Rights" (EGISU NIOKTR (Unified State Information System for Accounting of Research, Development and Technological Work Results) registration number: 126021016949-3).

principle is instrumentally neutral, with its assessment depending on the specific design of rights and the institutional environment. The authors propose distinguishing between voting proportionality and the proportionality of corporate rights as a whole, an approach that allows for a more precise evaluation of the balance of interests among corporate stakeholders. Finally, the article highlights the necessity of analyzing structures with differentiated rights within the context of a specific legal system, considering relevant historical and economic characteristics.

Keywords: shares with differentiated rights, multiple-voting shares, proportionality principle, corporate control, agency costs, historical evolution of corporate law, law and economics analysis.

Проблема перераспределения корпоративного контроля и допустимого отступления от принципа пропорциональности, выражаемого классической формулой «одна акция – один голос», является одной из центральных в современном корпоративном праве¹. С одной стороны, этот принцип связывает объем корпоративного влияния с объемом участия в капитале, тем самым защищая экономический интерес акционера. С другой – быстрорастущие инновационные компании остро нуждаются в масштабном финансировании, и основатели должны иметь возможность реализовывать долгосрочную стратегию без угрозы враждебного поглощения или давления со стороны краткосрочно ориентированных институциональных инвесторов. Одним из способов решения этой задачи выступают акции с разным объемом прав, позволяющие отделить долю корпоративного контроля от доли экономического участия.

В настоящей статье в качестве основного мы используем термин «акции с разным объемом прав», предусматривающий любые случаи отступления от принципа пропорциональности в части «голосовых» прав, включая выпуск обыкновенных акций с множественным правом голоса (multiple-voting shares); выпуск акций, наделенных правом голоса лишь по отдельным вопросам; выпуск акций с ограниченным числом голосов; выпуск

¹ Медведева Т. М., Терновая О. А., Гудиева А.-М. Н. и др. Частное и публичное в правовом регулировании корпоративных отношений: отчет о НИР. М.: Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2022. С. 35.

неголосующих акций и др. В зарубежной доктрине и практике для обозначения такого круга явлений применяют понятия *dual-class shares*, *multi-class share structures*, *weighted voting rights*, *shares with differentiated rights*. Термины «многоголосые акции», «акции с множественным правом голоса», «структуры с несколькими классами акций», «двойная капитализация» упоминаются в работе как синонимы родового понятия «акции с разным объемом прав» в случаях, если речь идет об акциях с повышенным числом голосов. Указанные конструкции имеют разную правовую природу, что учтено при их разграничении.

Активное научное осмысление проблематики пропорциональности началось в конце XIX в. ввиду процессов концентрации капитала и зарождения антимонопольных норм. Эти процессы стимулировали развитие таких инструментов сохранения или перераспределения корпоративного контроля, как трасты с правом голоса (*voting trusts*), холдинги, пирамидальные структуры, акционерные соглашения и структуры капитала с несколькими классами акций¹. Многие из этих инструментов известны российскому праву. Однако акции с разным объемом прав, включая «классические» обыкновенные акции с множественностью голосов, большинству российских хозяйственных обществ не доступны. Исключение составляют международные компании, зарегистрированные в специальных административных районах (САР) в порядке редомициляции или инкорпорации в соответствии с Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах».

Стремительное развитие инновационной экономики, конкуренция финансовых центров за первичные публичные размещения и поиски законодателем гибких форм привлечения корпоративного финансирования обострили дискуссии, усилив разногласия между портфельными инвесторами и защитниками крупных собственников. Повсеместно ведущие мировые финансовые центры демонстрируют тенденцию к легализации акций с разным объемом прав для публичных компаний и смягчению правил их выпуска. В Европейском союзе Директива (ЕС) 2024/2810 установила минимальные требования к допуску, с

¹ Поскольку упомянутые конструкции в той или иной мере создают диспропорцию между капиталом и контролем, их различия в деталях для целей настоящей работы не являются существенными.

множественным правом голоса к торговле на многосторонних торговых площадках¹. В связи с этим многие европейские юрисдикции реформировали законодательство и либерализовали правила выпуска акций с разным объемом прав. Аналогичные процессы происходят в Азии и Латинской Америке.

Востребованность данного инструмента обусловлена устойчивым запросом со стороны участников рынка (в первую очередь учредителей инновационных и быстрорастущих компаний, венчурных инвесторов), а также интересом части научного сообщества. Однако попытки легализации этого института для нужд российских акционерных обществ пока не увенчались успехом. Идея их широкого внедрения по-прежнему вызывает опасения у регулятора и ряда представителей правовой доктрины. Подобный скепсис традиционно коренится в идеях акционерной демократии, сформировавшихся в уникальных исторических условиях американского федерализма и лишь впоследствии перенесенных на европейскую почву. Между тем в современных экономических и политических реалиях такой осторожный подход требует переосмысления. Насколько оправданы консервативные опасения в контексте вызовов «новой экономики» и глобальной конкуренции правопорядков?

Зарубежные исследования, посвященные феномену акций с множеством голосов, сфокусированы преимущественно на публичных компаниях, от условий их допуска к листингу до возможности сохранения или выпуска акций с разным объемом прав после IPO². Они отражают фундаментальные противоречия, расколовшие академическое и деловое сообщества на два противоборствующих лагеря. В одних исследованиях речь идет о том, что распыленная структура собственности значительно повышает издержки на контроль за менеджментом, в других – о том, что концентрация капитала порождает еще более значительные агентские издержки³.

¹ Directive (EU) 2024/2810 on multiple-vote share structures // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2810/oj/eng> (дата обращения: 07.08.2026).

² Выпуск акций нескольких классов для американских непубличных компаний, как преимущественно и для европейских, ввиду диспозитивности правил не был запрещен. Проблему искажения пропорциональности зарубежные эксперты рассматривают исключительно в отношении публичных компаний.

³ Winden A. W. Sunrise, Sunset: An Empirical and Theoretical Assessment of Dual-Class Stock Structures // Columbia Business Law Review. 2018. Vol. 120. No. 3. P. 909–937.

Риски недобросовестного использования акций с разным объемом прав существуют. Но аналогичные риски имманентно присущи и другим механизмам усиления корпоративного контроля, используемым в корпоративной практике на протяжении многих десятилетий, в том числе холдингам, пирамидальным структурам, перекрестному владению, акционерным соглашениям. При этом акции с дифференцированным объемом прав фиксируют диспропорцию открыто, в уставе публичной компании, что делает их наиболее прозрачным инструментом. Указанные риски могут быть как нивелированы или сглажены, так и усугублены положениями устава корпорации и (или) нормами применимого законодательства.

Все это закономерно приводит к выводу о том, что отклонение от принципа пропорциональности, будучи по природе инструментально нейтральным, не является ни безусловным благом, ни безусловным злом. Его оценка зависит от конструкции прав и институциональной среды. Поэтому апелляция к формальному «нарушению» пропорциональности в качестве основания для запрета акций с разным объемом прав и структур капитала с разными классами акций представляется несостоятельной, демонстрирующей избирательный подход к правовому регулированию. Для формирования объективных критериев оценки различных вариантов структурирования капитала необходимо исходить из реальных экономических мотивов сторон и качества институциональной среды. Вопрос заключается не в том, запрещать или разрешать данный инструмент, а в том, при каких условиях он будет служить интересам участников корпорации, обеспечивая прозрачность и адекватное ценообразование рисков. Чтобы понять, почему этот принцип не является незыблемой догмой, а представляет собой подвижную категорию, рассмотрим далее его исторический генезис и теоретические основания.

Генезис принципа пропорциональности: от «разумного компромисса» к рыночной адаптации. Принцип пропорциональности принято считать основополагающим началом функционирования любой корпорации и основой реализации ее участниками своих прав. В доктрине корпоративного права данный принцип определяет пропорциональную зависимость между объемом правомочий участников и размером их экономического участия в уставном

капитале (количество принадлежащих акций или долей)¹. Он «выступает гарантом справедливости с точки зрения политики акционерной демократии и защиты прав мелких акционеров»². Любые отклонения от этого принципа рассматривают как потенциальную угрозу, поскольку они приводят к ухудшению защиты³ и создают предпосылки для извлечения контролирующими лицами непропорциональных выгод.

Между тем исторический анализ показывает, что исследуемый принцип не является чем-то абсолютным, универсальным и неизменным, а представляет собой подвижную категорию, содержание и степень реализации которой определена комплексом правовых, экономических, политических и социокультурных факторов. К началу новейшей истории правило «одна акция – один голос» «едва ли являлось нормой»⁴ и не считалось демократичным. Чистая демократия при голосовании подразумевала бы наличие у одного акционера одного голоса, независимо от количества акций. Сегодня это может показаться странным, но два столетия назад в англо-американском общем праве и странах континентальной Европы подобное правило презумировалось, если в уставе компании не указывалось иного способа реализации права голоса. Наиболее распространенными были схемы, представляющие собой нечто среднее между формулами «один акционер – один голос» и «одна акция – один голос»⁵, что позволяло ограничивать влияние крупных акционеров. Лишь к 30-м гг. XX в. принцип пропорциональности начал

¹ Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 15–18.

² Ценов Г. В. О некоторых проблемах применения принципа справедливости во внутренней деятельности хозяйственных обществ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 1 (15). С. 29–32.

³ La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. Corporate Ownership around the World // Journal of Finance. 1999. Vol. 54. No. 2. P. 473.

⁴ В иностранных учебниках корпоративного права обычно приводят исторический пример с участием А. Гамильтона, создателя Национального банка США. В 1790 г. Гамильтон отверг схему «одна акция – один голос» в проекте устава банка как несправедливую и предложил Конгрессу США правило prudent-mean voting rights, которое стало общепринятым для американских корпораций до 50-х гг. XIX в.

⁵ Такие непропорциональные схемы начали применять в США значительно позднее, чем в Европе, ввиду исторических и политических особенностей, несмотря на то, что именно США стали в гораздо большей степени, чем европейские страны, развивать корпорации как форму конкурентного предпринимательства.

постепенно вытеснять или ограничивать альтернативные подходы.

Ключевой фигурой в теоретическом обосновании альтернативных подходов стал А. Гамильтон. Профессор К. Данлэви, исследуя раннюю историю американских корпораций, называет такие схемы «разумным компромиссом». Термин заимствован у Гамильтона, который использовал его для описания многоступенчатой шкалы голосования, ограничивающей влияние крупных акционеров, предложенной им в 1790 г. для Банка США¹. Его подход, противопоставленный плутократической модели «одна акция – один голос», носил гораздо более «демократический» характер², будучи прообразом уставных положений многих американских корпораций XIX в. и одной из ранних форм акционерной демократии³.

В континентальной Европе ситуация развивалась параллельно, но со своими национальными особенностями и правовыми традициями, основанными на торговом (гражданском) праве и свободе договора. В уставе Прусско-Рейнской железной дороги 1836 г. была установлена градация «количество акций – количество голосов» в 14 ступеней⁴. Уже к 1858 г. подобная практика многоступенчатых шкал получила широкое распространение среди железнодорожных и других компаний. Во второй половине XIX в. европейские правопорядки предоставляли

¹ *Dunlavy C. A. Corporate Governance in Nineteenth-Century Europe and the USA: The Case of Shareholder Voting Rights* // ResearchGate. May. 1997. URL: https://www.researchgate.net/publication/228264473_Corporate_Governance_in_Nineteenth-Century_Europe_and_the_USA_The_Case_of_Shareholder_Voting_Rights (дата обращения: 25.06.2026); *Dunlavy C. A. The plutocratic turn in 19th-century shareholder voting rights: Why the U.S. but not Britain, France, or Germany?* Paper presented at seminar at Harvard University Charles Warren Center for Studies in American History (April 19, 2004, Cambridge, Massachusetts) // *From Citizens to Plutocrats: 19th-Century Shareholder Voting Rights and Theories of the Corporation* // *Constructing Corporate America: History, Politics, Culture* / ed. by K. Lipartito, D. Sicilia. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 68.

² *Ibid.*

³ До начала процессов распыления собственности принцип пропорциональности подвергался критике как социально несправедливый и опасный для мелких акционеров.

⁴ 3 акции – 1 голос, 6 акций – 2 голоса, 10 акций – 3 голоса, 15 акций – 4 голоса, 20 акций – 5 голосов, 25 акций – 6 голосов; через несколько ступеней 100 акций – 15 голосов, 150 акций – 18 голосов, 250 акций – 22 голоса и т. д. Последней ступенью было владение тысячей акций, которое давало 40 голосов. Больше количество акций не давало дополнительных голосов, а покупка менее трех акций не давала права голоса.

право выбора, вплоть до периода возникновения в XX в. тенденции к отказу от градационных систем.

Во Франции Закон 1867 г. позволял акционеру иметь не более десяти голосов¹. В Германии право включать принцип пропорциональности в уставы появилось в 1884 г., хотя законодатель не ставил целью его закрепление. До этого в первом немецком корпоративном законе – прусском Законе «Об акционерных обществах» 1843 г. – данный вопрос отдавался на усмотрение составителей устава, а закон лишь предписывал публиковать информацию об объеме прав акционеров² и предусматривал, что любая акция должна наделять акционера правом голоса. На практике немецкие компании начали использовать указанное правило несколько позднее, с начала XX в.³

В дореволюционной России Сводный устав акционерных коммерческих банков (параграф 56) допускал существенные отклонения, позволяя устанавливать разные категории акций с неодинаковым объемом права голоса⁴. Так, никто из акционеров не мог располагать числом голосов, превышающим 1/10 часть голосов, принадлежащих всем акционерам, или «наличным членам собрания»⁵. Это отражало устоявшуюся практику по созданию многоступенчатых шкал: количество голосов, которыми располагал акционер, зависело не только от количества принадлежащих ему акций, но и от порогов владения. От классического принципа «одна акция – один голос» отходили не только банки.

¹ Закон от 24 июля 1867 г. о коммерческих обществах (фр. Loi du 24 juillet 1867 sur les sociétés commerciales) во Франции заложил основы для массового появления акционерных обществ, оставляя вопрос о правах голоса акционеров на усмотрение устава общества и позволяя акционеру иметь не более десяти голосов при принятии решений по вопросам назначения первых директоров и проверки внесения вклада в капитал в натуре.

² См.: *Hammen H. Reform des Rechts der Mehrstimmrechtsaktien*. Working Paper Series No. 170/2023 // Institute for Law and Finance (ILF). June. 2023. URL: https://www.ilf-frankfurt.de/fileadmin/user_upload/ILF_WP170.pdf (дата обращения: 25.06.2026).

³ Сама по себе возможность устанавливать градации и потолки голосов существовала до современного корпоративного законодательства Германии, но только для непубличных обществ. Лишь в 2024 г. такая возможность, хотя и с рядом ограничений, появилась и у публичных компаний.

⁴ Подробнее об этом см.: Сводный устав акционерных коммерческих банков / сост. Ю. П. Голицын. М.: КнигИздат, 2019. С. 208.

⁵ Там же.

Подобная гибкость в регулировании не была случайностью для континентальной Европы, поскольку отражала специфические потребности в целом финансового рынка исследуемого периода и банковского сектора в частности, то есть высокую концентрацию капитала, значимость репутации основателей и потребность в стратегической и управленческой стабильности, механизмом сохранения которой и выступали акции разных категорий. Если в первой половине XIX в. европейские правовые порядки ревностно придерживались такой градационной системы, то во второй половине – стали постепенно предоставлять право выбора, пока в XX веке не появилась очевидная тенденция к отказу от этих систем.

Поворот от гамильтоновой демократии акционеров к плутократической модели «одна акция – один голос», начавшийся во второй половине XIX в., стал результатом адаптации корпоративного права к реалиям быстрорастущего рынка капитала. Наиболее отчетливо этот процесс прослеживался в США: уникальная глубина национального рынка, обусловленная более интенсивным экономическим ростом и значительным притоком капитала¹, создавала беспрецедентные условия для отделения собственности от контроля и «демократизации» системы корпоративного управления². Развитый рынок капитала позволял учредителям и «трест-промоутерам» выгодно продавать крупные пакеты акций широкому кругу инвесторов, делая

¹ Более высокие процентные ставки и доходность облигаций в США, по сравнению с Европой, позволяют предположить, что в Америке конкуренция за капитал была выше.

² Процесс рассредоточения собственности и передачи власти наемному менеджменту начинается в Америке в начале XX в. и даже раньше, в 70-х гг. XIX в. Как сообщают М. Бехт и Дж. Б. Делонг, этому способствовали «укрепление доверия, антимонопольная политика и способность инвестиционных банкиров, таких как Дж. П. Морган, успешно продавать крупные пакеты акций широкой публике. Так, в 1879 г. Морган успешно реализовал на рынке контрольный пакет акций У. Г. Вандербильта Нью-Йоркской центральной железной дороги. В сфере сталелитейной промышленности Э. Карнеги продал свой контрольный пакет акций Carnegie Steel Corporation в 1901 г. В области добычи и переработки Гутенхаймы продали свой контрольный пакет акций Американской Smelting and Refining Company (ASARCO) в 1908–1909 гг. Подробнее об этом см.: *Becht M., DeLong J. B. Why Has There Been So Little Block Holding in America? // A History of Corporate Governance around the World / ed. by R. K. Morck. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 646–653.*

диверсификацию активов привлекательной, даже ценой потери контроля¹.

Теоретической основой для осмысления этих изменений в США послужила работа А. Берле и Г. Минса «Современная корпорация и частная собственность», в которой показаны феномен отделения собственности от контроля² и причины его возникновения. Авторы связывали причины с объективными экономическими процессами, то есть масштабами производства и колоссальными капитальными затратами³. Однако известны и другие причины. По мнению М. Роу, отделение собственности от контроля было следствием не столько экономической эволюции, сколько целенаправленной политической борьбы, движимой желанием ослабить могущество промышленных и финансовых династий⁴. Последовательные законодательные инициативы (антитрестовские законы, закон о холдинговых компаниях) и строгая листинговая политика Нью-Йоркской фондовой биржи (NYSE) против многоголосых акций систематически разрушали механизмы сохранения контроля⁵. Популистско-прогрессистская идеология, направленная против концентрации экономической власти, создавала неблагоприятную среду для блокирующих участия.

Ограничению концентрации способствовало разделение банковских и инвестиционных функций, которое создавало пространство для развития независимых инвестиционных фондов

¹ *Becht M., DeLong J. B. Op. cit.*

² *Berle A. A., Means G. C. The Modern Corporation and Private Property. New York: Macmillan, 1932. P. 17.*

³ В большинстве случаев акционерный капитал был настолько рассредоточен, что ни один из акционеров не обладал пакетом акций, достаточным для реального влияния на управление. К концу 1929 г. только 11 % из 200 крупнейших корпораций в США все еще контролировали крупные держатели пакетов акций; в 44 % случаев менеджмент брал на себя контроль и утверждался как «самовоспроизводящийся орган». По мнению Г. Минса, эта структура в большей степени напоминала организационную структуру Католической церкви, в которой «папа выбирает кардиналов, а Коллегия кардиналов, в свою очередь, выбирает следующего папу». См.: *Means G. C. The Separation of Ownership and Control in American Industry // Quarterly Journal of Economics. 1931. Vol. 46. P. 70.*

⁴ *Roe M. J. Strong Managers, Weak Owners: The Political Roots of American Corporate Finance. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 3–51; Roe M. J. Political Determinants of Corporate Governance. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 47–63.*

⁵ *Marco B., DeLong J. B. Op. cit.*

и бирж¹. Драматическую роль сыграли исторические события: «бум слияний» 1890-х гг., который привел к дроблению крупных состояний среди множества акционеров; высокие налоги военного времени с 1917 по 1921 г., биржевой крах 1929 г. и Великая депрессия. Значительное влияние на процессы распыления корпоративной собственности оказало формирование инвестиционной культуры. «Золотые двадцатые» породили культуру знаменитостей Уолл-стрит и беспрецедентный медийный ажиотаж вокруг биржевой торговли, что расширило пул инвесторов и увеличило ликвидность. Семьи-основатели и не осознавали, что передают контроль наемным менеджерам, пребывая в иллюзии сохранения влияния на советы директоров даже без блокирующего большинства. Хрестоматийным принято считать пример о том, как Дж. Д. Рокфеллеру в конце 20-х гг. XX в. трудно было уволить президента Standard Oil².

Таким образом, к середине XX века в США сложился уникальный по емкости рынок, в условиях которого основатель или мажоритарий мог конвертировать контроль в диверсифицированное благосостояние, продав значительный пакет без обрушения котировок. Это заложило основы современной модели публичной компании с распыленной собственностью.

В ответ на процессы фрагментации капитала и распространения принципа пропорциональности основатели все чаще прибегали к различным механизмам перераспределения контроля: уже в начале XX в. использовали трасты с правом голоса³, пирамидальные структуры⁴, холдинговые

¹ *Coffee J. C.* Dispersed Ownership: The Theories, the Evidence, and the Enduring Tension Between 'Lumpers' and 'Splitters'. Law Working Paper № 144/2010 // ECGI. February 2. 2010. URL: https://www.ecgi.global/sites/default/files/working_papers/documents/SSRN-id1532922.pdf (дата обращения: 07.08.2026).

² *Becht M., DeLong J. B.* Op. cit.

³ Standard Oil в 1879 и 1882 гг. использовала трастовые соглашения, по которым акции компаний вне штата Огайо передавали в доверительное управление назначенным лицам, а дивиденды распределяли между акционерами пропорционально их долям. Это позволяло сохранять централизованный контроль над межштатным бизнесом.

⁴ Особенно были распространены в секторе коммунальных услуг (например, империи Инсулла и Ван Сверингена), в котором компании на вершине пирамиды имели распыленное владение.

компаний¹, акции разных классов, включая безголосые и с ограниченным объемом прав. Но это только усиливало давление акционерных активистов, популистов, регуляторное и антимонопольное воздействие², а тем самым еще более ускоряло процесс разделения собственности и контроля³.

В европейских правовых порядках укоренение принципа пропорциональности происходило в иных политических, исторических и правовых условиях, нежели в США, что предопределило специфику траектории развития корпоративного управления. Если в Америке доминирующую роль выполняли рыночные механизмы и популистско-прогрессистская идеология, последовательно ограничивавшая инструменты концентрации контроля, то в континентальной Европе были сохранены значительная автономия частного усмотрения в рамках свободы договора, а также устойчивая роль банков и семейных групп как ключевых центров экономической власти. Изложенное отчасти объясняет то, почему европейские компании гораздо активнее, чем американские, прибегали к механизмам отклонения от принципа пропорциональности. Формальное закрепление принципа «одна акция – один голос» не приводило к демократизации корпоративного управления в действительности, поскольку, как нам представляется, фактическая концентрация капитала оставалась высокой, в том числе за счет внеуставных механизмов координации и перекрестных владений, позволявших

¹ После реформы корпоративного законодательства Нью-Джерси (1888–1893), разрешившей корпорациям владеть акциями компаний в других штатах, Standard Oil в 1898 г. преобразована в холдинговую компанию в Нью-Джерси. Данный инструмент широко применяли компании Eastman Kodak, U.S. Steel и DuPont.

² С 1926 г. NYSE придерживалась строгой политики против отклонения от принципа пропорциональности. Закон Шермана (Sherman Antitrust Act) 1890 г. и последующие судебные решения, такие как решение Верховного суда о роспуске Standard Oil в 1911 г., запрещали или ограничивали инструменты концентрации контроля. Раздел 7 Закона Клейтона (Clayton Act) 1914 г. запрещал корпорациям владеть контролирующими пакетами акций в компаниях, если это нарушало конкуренцию между ними или создавало тенденцию к монополии (эффект *substantially to lessen competition*). Приобретение акций могло нарушать закон даже при владении неконтролирующим пакетом, если вред конкуренции был доказан. Закон о холдинговых компаниях в сфере коммунальных услуг (Public Utility Holding Company Act) 1935 г. запретил пирамидальные структуры в этом секторе, которые оказались особенно уязвимыми во время Великой депрессии. Подробнее об этом см.: *Becht M., DeLong J. B. Op. cit.*

³ *Means G. C. Op. cit.*

контролирующим лицам удерживать корпоративный контроль даже при относительно умеренной доле голосующих акций.

Итак, история укоренения принципа пропорциональности свидетельствует о том, что он является не чем-то абсолютным, универсальным и неизменным, а представляет собой подвижную категорию, содержание и степень реализации которой определена комплексом правовых, экономических и социокультурных факторов. Различия в развитии англо-американской и континентально-европейской моделей корпоративного управления не имеют принципиального значения, отражая лишь альтернативные способы уравнивания интересов акционеров, менеджмента и контролирующих лиц, то есть способы, которые в каждом правовом порядке соответствуют национальным особенностям рынка капитала, институциональной среды и политической конъюнктуре.

Экономико-правовые подходы к оценке отклонений от принципа пропорциональности. В корпоративном праве принцип пропорциональности имеет по меньшей мере два взаимосвязанных значения. В узком смысле пропорциональность означает соответствие числа голосов количеству акций. Однако, как считает А. А. Кузнецов, она не сводится исключительно к правилу голосования, а учитывает пропорциональную зависимость между объемом прав участников (имущественных, управленческих, информационных и иных правомочий) и размером их вкладов в корпорацию¹. Поэтому необходимо различать пропорциональность голосования и пропорциональность корпоративных прав в целом: акция с разным объемом прав изменяет прежде всего первое соотношение, необязательно затрагивая дивиденды или ликвидационную квоту.

В доктрине выделяют три теоретических обоснования принципа пропорциональности. Экономическое (функциональное) обоснование исходит из того, что голоса должны соответствовать риску (капиталу), чтобы у владельцев капитала были стимулы к эффективному мониторингу. Право голоса связывается с экономическим интересом акционера. Политико-демократическое (эгалитарное) обоснование рассматривает принцип как аналог политической демократии, препятствующий «тирании меньшинства». Рыночное (институциональное) обоснование

¹ Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М.: Статут, 2017. С. 70.

связывает единообразие правил голосования со снижением транзакционных издержек, что способствует ликвидности рынка и упрощает оценку корпоративных прав. Как пишет Д. И. Степанов, нестандартные модели управления порождают «информационную асимметрию», создавая так называемый налог на сложность¹.

Каждое обоснование имеет пределы. Экономическая связь между капиталом и контролем становится слабее в результате отделения собственности от управления: значительную часть решений принимает не общее собрание, а совет директоров и исполнительные органы, в которых могут участвовать лица, не владеющие капиталом. Политическая аналогия между корпорацией и государством также условна. Корпорация является частноправовым объединением инвесторов, а корпоративная демократия всегда была демократией собственников. Единообразие голосования снижает сложность рынка, но не гарантирует фактического влияния мелкого акционера в условиях концентрированной собственности. Наконец, жесткая привязка прав к размеру доли может препятствовать привлечению венчурного капитала и стратегических инвесторов, зачастую требующих особых прав, не пропорциональных их доле.

Несмотря на фундаментальное значение, абсолютизация принципа пропорциональности вызывает обоснованную критику, поскольку отклонение от принципа пропорциональности не всегда приводит к нарушению прав акционеров. Его «применение к отношениям участия в хозяйственных обществах имеет естественные границы, обусловленные двуединой (статутной и контрактной) природой хозяйственного общества» и «не может в полной мере обеспечить справедливость во внутренней

¹ Нестандартные модели управления, выходящие за рамки формальной пропорциональности, порождают эффект «информационной асимметрии»: инвесторы вынуждены закладывать в цену акций риски, связанные с нестандартной структурой контроля; регулятор – тратить дополнительные ресурсы на анализ корпоративных структур; контрагенты – учитывать повышенную неопределенность при установлении полномочий органов управления. Подробнее об этом см.: *Степанов Д. И.* Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 105; *Степанов Д. И.* Проблемные вопросы корпоративного законодательства о группах компаний и холдингах // Закон. 2016. № 5. С. 68.

деятельности хозяйственных обществ»¹. Вопрос о допустимости отступления требует анализа не столько с позиций формальной справедливости, сколько с точки зрения эффективности корпоративного управления и баланса интересов различных групп участников. Зачастую большую угрозу представляет неограниченный дискреционный контроль менеджмента в системах с рассредоточенной собственностью².

Формальное равенство на практике может трансформироваться в инструмент подавления, а не защиты³. Миноритарный акционер в условиях концентрированной структуры капитала фактически лишен возможности влиять на ключевые решения, что создает лишь видимость участия. Миноритарий, как и мажоритарий, несет риски убытков пропорционально своей доле, но его влияние на управление этими рисками ничтожно, что создает системный перекос: бремя риска распределено пропорционально, а возможность им управлять – нет. В этой связи особое значение приобретает доктринальный подход, согласно которому в условиях модификации принципа пропорциональности миноритарные акционеры нуждаются в специальных, усиленных гарантиях защиты их прав⁴. Без таких гарантий диспропорция в голосовании неизбежно трансформируется в инструмент подавления, провоцируя корпоративные конфликты⁵. Вместе с тем жесткая привязка прав к размеру доли зачастую препятствует привлечению венчурного капитала, требующего особых прав защиты.

Обосновывая допустимость отклонений от принципа пропорциональности, следует учитывать природу корпоративных отношений. Как справедливо указано в литературе, корпоративные отношения, несмотря на сложность и смешанную правовую природу, опираются на начала равенства, автономии

¹ Цепов Г. В. Хозяйственное общество как субъект гражданского права и система организующих его корпоративных отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2025. С. 204–209.

² См., напр.: *Bebchuk L. A., Fried J. M. Executive Compensation as an Agency Problem* // *Journal of Economic Perspectives*. 2003. Vol. 17. No. 3. P. 74.

³ Цепов Г. В. Указ. соч.

⁴ Долинская В. В., Фалеев В. В. Миноритарные акционеры: понятие и общая характеристика положения // *Цивилист*. 2009. № 4. С. 77.

⁵ Долинская В. В. Понятие корпоративных конфликтов // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2010. № 6. С. 5–8.

воли и имущественной самостоятельности участников¹. Поэтому устав корпорации выступает не просто как внутренний документ, но как полноценный корпоративный акт, который служит источником корпоративного права и выражает согласованную волю участников по структурированию управления. Следовательно, закрепление в уставе (например, для непубличных обществ) структуры с несколькими классами акций является легитимной реализацией частноправовой автономии, а не отступлением от императивных начал корпоративного права.

В экономической литературе представлен широкий спектр аргументов в пользу и положительной, и отрицательной корреляции между концентрацией контроля и стоимостью компании². Гипотеза усиления стимулов (*incentive hypothesis*) исходит из того, что сосредоточение прав на экономические выгоды в руках менеджмента создает стимулы для максимизации стоимости компании³. Гипотеза окапывания (*entrenchment hypothesis*), напротив, постулирует, что чрезмерная концентрация контроля позволяет инсайдерам принимать решения в собственных интересах. Нелинейная модель Морка – Шляйфера – Вишны (1988) синтезирует обе концепции: увеличение концентрации капитала до определенного порога положительно влияет на стоимость, и после этого взаимосвязь становится отрицательной⁴. Модель предполагает существование оптимального уровня концентрации, при котором стимулирующий эффект доминирует, а эффект окапывания еще не проявляется в полной мере. По мнению некоторых исследователей (среди них –

¹ Лескова Ю. Г., Диденко А. А. Источники корпоративного права // Власть Закона. 2015. № 3. С. 50.

² См., напр.: *Core J. E., Guay W. R., Rusticus T. O.* Does Weak Governance Cause Weak Stock Returns? An Examination of Firm Operating Performance and Investors Expectations // *Journal of Finance*. 2006. Vol. 61. No. 2. P. 657; *Gompers P. A., Ishii J., Metrick A.* Extreme Governance: An Analysis of Dual-Class Firms in the United States // *The Review of Financial Studies*. 2010. Vol. 23. No. 3. P. 1051; *Cronqvist H., Nilsson M.* Agency Costs of Controlling Minority Shareholders // *Journal of Financial and Quantitative Analysis*. 2003. Vol. 38. No. 4. P. 696; *Giannetti M., Simonov A.* Which Investors Fear Expropriation? Evidence from Investors. *Portfolio Choices* // *Journal of Finance*. 2006. Vol. 61. No. 3. P. 1509.

³ Козлов Д. А., Чиркова Е. В. Сохранение контроля над публичной компанией через выпуск акций с разными правами голоса. «За» и «против» избыточных прав на контроль // Корпоративные финансы. 2009. № 2 (10). С. 89.

⁴ *Morck R., Shleifer A., Vishny R. W.* Management Ownership and Corporate Performance: An Empirical Analysis // *Journal of Financial Economics*. 1988. Vol. 20. No. 1–2. P. 295.

Креммерс, Лаутербах и Паюсте), компании, выпускающие обыкновенные акции с разным объемом прав, оцениваются выше, чем компании с одним классом акций лишь на момент выхода на IPO, со временем их ценность снижается¹. Авторы частично объясняют это потерей деловой хватки основателей, однако подобное объяснение видится чисто умозрительным². Указанные концепции имеют сильные стороны, но все они уязвимы, свидетельствуя об отсутствии убедительных доказательств прямой зависимости между механизмами перераспределения контроля и рыночной оценкой акций.

Усиление диспропорции между объемом корпоративного контроля и долей в экономических результатах в действительности может негативно влиять на рыночную стоимость акций. Однако эта взаимосвязь не является линейной. Как утверждается в литературе, «существует максимум избыточных прав на контроль, после которого стоимость компании начинает снижаться»³, и каждому случаю присущи уникальные условия.

При прочих равных взаимосвязь между концентрацией капитала и стоимостью компании будет зависеть от структуры акционерного капитала, отраслевой принадлежности, характера контролирующего собственника. Например, отрицательное влияние считают более сильным, если компания подконтрольна семейному клану, что связано с повышенными рисками принятия непрофессиональных решений, кумовства и извлечения частных выгод. Степень влияния также связывают со сферой деятельности компании. Например, в наукоемких и инновационных отраслях, в которых ключевая роль отведена высоким нематериальным активам (интеллектуальной собственности, человеческому капиталу), риски, присущие семейному или «инсайдерскому» контролю, значительно повышаются, увеличивая дисконт к стоимости акций.

На стоимость акций влияют совместно уровень правовой защиты акционеров и тип контролирующего собственника. Например, наличие крупного «внешнего» акционера, в частности стратегического инвестора или институционального фонда, может играть положительную роль, поскольку такой акционер выступает

¹ Cremers M., Lauterbach B., Pajuste A. The Life Cycle of Dual-Class Firm Valuation // The Review of Corporate Finance Studies. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 432.

² Bartlett R., Partnoy F. Op. cit.

³ Козлов Д. А., Чиркова Е. В. Указ. соч.

субститутом недостающих правовых механизмов, осуществляя прямой контроль за действиями менеджмента и тем самым повышая стоимость компании. В этом контексте увеличение концентрации капитала дает положительный эффект. Вместе с тем, если в такой компании управление передано профессиональным директорам, отрицательная зависимость будет снижаться¹. Перечисленные выше факторы и риски относятся к любым легально используемым механизмам перераспределения корпоративного контроля, будь то холдинги, пирамидальные структуры, перекрестное владение или акционерные соглашения.

Главной проблемой оценки влияния концентрации контроля на стоимость акций является эндогенность переменных, не позволяющая установить причинно-следственную связь². Невозможно с уверенностью утверждать, что акции с разным объемом прав «вызывают» снижение стоимости, поскольку компании, выбирающие такую структуру, могут изначально обладать характеристиками, влияющими на стоимость (в их числе – отраслевая принадлежность, волатильность, специфические активы, стадия жизненного цикла)³. Это классическая проблема обратной причинно-следственной связи. В случае диспропорции между контролем и владением более точным инструментом анализа служит соотношение количества голосов к капиталу (*control leverage*), чем простая концентрация (например, доля крупнейшего акционера), которая не учитывает диспропорцию между контролем и владением, являющуюся сутью многоголосых акций.

Сегодня нет однозначного понимания, какой из способов перераспределения контроля оказывает максимальное отрицательное влияние на стоимость компании. Сравнительный анализ разных концепций затруднен ввиду сложности оценки компаний с непрямым владением (пирамидальные структуры, холдинги, перекрестное владение, акционерные соглашения), в которых реальный контроль может существенно отличаться от

¹ Козлов Д. А., Чиркова Е. В. Указ. соч. С. 29.

² С точки зрения эконометрики эндогенность означает, что независимые переменные (в данном случае – структура собственности и распределение контрольных полномочий) коррелируют с ошибкой модели, что не позволяет установить причинно-следственную связь между структурой капитала и стоимостью компании.

³ Demsetz H., Lehn K. The Structure of Corporate Ownership: Causes and Consequences // Journal of Political Economy. 1985. Vol. 93. No. 6. P. 1157.

формального¹. В условиях развитой правовой системы, эффективного судебного контроля и высоких стандартов раскрытия информации риски злоупотреблений значительно снижаются. Между тем в юрисдикциях со слабой защитой прав инвесторов эти же инструменты могут создавать предпосылки для оппортунистического поведения контролирующих лиц.

Можно заключить, что влияние концентрации капитала на стоимость является производным от институциональной среды и корпоративной структуры, которые и определяют, будет ли отклонение от пропорциональности служить инструментом долгосрочного создания стоимости или механизмом извлечения частных выгод в ущерб интересам инвесторов. С экономической точки зрения многоголосые акции – это компромисс между защитой прав инвесторов и свободой договора. Искажение принципа не возникает произвольно, а происходит исключительно в условиях добровольного согласия инвестора в рамках, определяемых уставом, закрепляющим механизмы саморегулирования и отражающим согласованную волю участников корпорации². Если холдинговые и пирамидальные структуры, перекрестное владение, сложные офшорные конструкции создают непрозрачные цепочки, скрывая конечных бенефициаров, и повышают системные риски для рынка, то акции с разным объемом прав, напротив, фиксируют диспропорцию открыто, в уставе публичной компании, позволяя миноритарным акционерам и рынку в целом адекватно закладывать риски в цену акций (эффект дисконтирования)³ на этапе инвестирования. Это в итоге обеспечивает более высокий стандарт защиты, чем скрытые договорные конструкции. Главное преимущество таких акций – защита стратегического видения «созидательного основателя», что критически важно для технологических отраслей. Нобелевский лауреат О. Харт в своей теории контрактов указывал на важность распределения прав контроля в ситуациях, если

¹ Demsetz H., Lehn K. Op. cit. P. 1156, 1174, 1176.

² Лескова Ю. Г., Диденко А. А. Указ. соч. С. 59, 61.

³ Fama E. F., French K. R. The Capital Asset Pricing Model: Theory and Evidence // Journal of Economic Perspectives. 2003. Vol. 18. No. 3. P. 27; Berger D. J., Bochner S. E., Sonsini L. Dual-Class Stock and Private Ordering: A System that Works // Harvard Law School Forum on Corporate Governance. May 24. 2017. URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2017/05/24/dual-class-stock-and-private-ordering-a-system-that-works/> (дата обращения: 01.06.2026).

невозможно заранее предусмотреть все будущие обстоятельства¹. Ряд компаний, такие как Google (Alphabet), Amazon, Meta, показывают пример успешной работы этой модели.

Изложенные выше подходы при всей их ценности сопровождаются методологическим ограничением. Оценка корпоративных инструментов исключительно через призму экономической эффективности оставляет за скобками вопросы распределительной справедливости (distributive justice) и политической легитимности.

В основе экономического анализа права лежит допущение о том, что правовой институт является эффективным, если его совокупные выгоды превышают совокупные издержки, даже если выгоды и издержки распределены неравномерно между участниками отношений (критерий Калдора – Хикса)². Однако именно неравномерность распределения создает центральную проблему для оценки корпоративных институтов. В корпоративных отношениях, в которых миноритарные акционеры зачастую не являются стороной переговорного процесса при принятии решения о структуре капитала, вопрос о фактическом распределении выгод и издержек приобретает особую остроту. Модель, максимизирующая общее благосостояние, может быть эффективной в агрегированном смысле, но несправедливой по отношению к отдельным группам акционеров, если выгоды основателей от сохранения контроля перевешивают издержки миноритариев, но последние при этом не получают адекватной компенсации³.

Как пишет Д. И. Степанов, эффективность сама по себе не является достаточным критерием оценки корпоративно-правовых

¹ Hart O., Moore J. Incomplete contracts and renegotiation // *Econometrica*. 1988. Vol. 56. No. 4. P. 758.

² Данный критерий, используемый в экономике благосостояния, предполагает, что изменение эффективно, если выигравшие «в принципе» могут компенсировать проигравшим. Однако эта «потенциальная» компенсация далеко не всегда реализуется на практике, что особенно значимо в корпоративных отношениях, при которых миноритарии не являются стороной переговорного процесса.

³ В отличие от строгого критерия Парето-эффективности, требующего, чтобы никто не оказался в худшем положении, критерий Калдора – Хикса допускает ухудшение положения отдельных групп при условии, что общий «пирог» увеличивается. Подобное допущение и «потенциальность» компенсации затрудняют оценку справедливости корпоративных структур.

институтов¹. Не менее значимы вопросы процедурной справедливости (procedural justice), защиты разумных ожиданий и баланса сил между участниками корпоративных отношений. Кроме того, дихотомия «эффективно/неэффективно» может маскировать более сложную реальность: правовой институт может быть эффективным в краткосрочной перспективе, но подрывать долгосрочную легитимность корпоративного управления; он может создавать стоимость для одних групп акционеров, одновременно систематически ущемляя интересы других.

Вопрос о допустимости отклонений от принципа пропорциональности нуждается в комплексном анализе и не может ограничиваться прикладными и практическими соображениями. Как справедливо утверждает В. В. Долинская, ключевой задачей правового регулирования в этой сфере служит не просто формальное признание интересов различных субъектов, но и выработка эффективных механизмов их оформления и обеспечения баланса между акционерами (мажоритарными и миноритарными), акционерным обществом и третьими лицами². При этом требуется взвешенный подход, учитывающий и экономические аргументы, и соображения справедливости и правовой определенности, избегая крайностей экономического детерминизма и морализаторства.

Таким образом, проведенный в настоящей статье анализ демонстрирует инструментальную нейтральность акций с разным объемом прав. Для оценки возможности их имплементации необходимо обратиться к зарубежному регуляторному опыту и специфике российского правового порядка, что будет нами рассмотрено во второй части исследования.

Библиографический список

1. Долинская В. В. Понятие корпоративных конфликтов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 6. С. 4–11.

2. Долинская В. В. Интересы в гражданском обороте, их оформление и обеспечение их баланса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 2. С. 9–22.

¹ Степанов Д. И. Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 146–151.

² Долинская В. В. Интересы в гражданском обороте, их оформление и обеспечение их баланса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 2. С. 12.

3. Долинская В. В., Фалеев В. В. Миноритарные акционеры: понятие и общая характеристика положения // Цивилист. 2009. № 4. С. 77–87.

4. Козлов Д. А., Чиркова Е. В. Сохранение контроля над публичной компанией через выпуск акций с разными правами голоса. «За» и «против» избыточных прав на контроль // Корпоративные финансы. 2009. № 2 (10). С. 88–111.

5. Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М.: Статут, 2017. 158 с.

6. Лескова Ю. Г., Диденко А. А. Источники корпоративного права // Власть Закона. 2015. № 3. С. 49–65.

7. Медведева Т. М., Терновая О. А., Гудиева А.-М. Н. и др. Частное и публичное в правовом регулировании корпоративных отношений: отчет о НИР. М.: Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2022. 266 с.

8. Сводный устав акционерных коммерческих банков / сост. Ю. П. Голицын. М.: КнигИздат, 2019. 275 с.

9. Степанов Д. И. Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 104–167.

10. Степанов Д. И. Проблемные вопросы корпоративного законодательства о группах компаний и холдингах // Закон. 2016. № 5. С. 67–86.

11. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.

12. Цепов Г. В. О некоторых проблемах применения принципа справедливости во внутренней деятельности хозяйственных обществ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 1 (15). С. 28–35.

13. Цепов Г. В. Хозяйственное общество как субъект гражданского права и система организующих его корпоративных отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2025. 1362 с.

14. Bebchuk L. A., Fried J. M. Executive Compensation as an Agency Problem // Journal of Economic Perspectives. 2003. Vol. 17. No. 3. P. 71–92.

15. Becht M., DeLong J. B. Why Has There Been So Little Block Holding in America? // A History of Corporate Governance around the World / ed. by R. K. Morck. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 613–666.

16. Berger D. J., Bochner S. E., Sonsini L. Dual-Class Stock and Private Ordering: A System that Works // Harvard Law School Forum

on Corporate Governance. May 24. 2017. URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2017/05/24/dual-class-stock-and-private-ordering-a-system-that-works/> (дата обращения: 01.06.2026).

17. *Berle A. A., Means G. C.* The Modern Corporation and Private Property. New York: Macmillan, 1932. 396 p.

18. *Coffee J. C.* Dispersed Ownership: The Theories, the Evidence, and the Enduring Tension Between 'Lumpers' and 'Splitters'. Law Working Paper № 144/2010 // ECGI. February 2. 2010. URL: https://www.ecgi.global/sites/default/files/working_papers/documents/SSRN-id1532922.pdf (дата обращения: 07.08.2026).

19. *Core J. E., Guay W. R., Rusticus T. O.* Does Weak Governance Cause Weak Stock Returns? An Examination of Firm Operating Performance and Investors Expectations // Journal of Finance. 2006. Vol. 61. No. 2. P. 655–687.

20. *Cremers M., Lauterbach B., Pajuste A.* The Life Cycle of Dual-Class Firm Valuation // The Review of Corporate Finance Studies. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 459–493.

21. *Cronqvist H., Nilsson M.* Agency Costs of Controlling Minority Shareholders // Journal of Financial and Quantitative Analysis. 2003. Vol. 38. No. 4. P. 695–719.

22. *Demsetz H., Lehn K.* The Structure of Corporate Ownership: Causes and Consequences // Journal of Political Economy. 1985. Vol. 93. No. 6. P. 1155–1177.

23. *Dunlavy C. A.* Corporate Governance in Nineteenth-Century Europe and the USA: The Case of Shareholder Voting Rights // ResearchGate. May. 1997. URL: https://www.researchgate.net/publication/228264473_Corporate_Governance_in_Nineteenth-Century_Europe_and_the_USA_The_Case_of_Shareholder_Voting_Rights (дата обращения: 25.06.2026).

24. *Dunlavy C. A.* The Plutocratic Turn in 19th-Century Shareholder Voting Rights: Why the U.S. but not Britain, France, or Germany? // From Citizens to Plutocrats: 19th-Century Shareholder Voting Rights and Theories of the Corporation // Constructing Corporate America: History, Politics, Culture / ed. by K. Lipartito, D. Sicilia. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 66–87.

25. *Fama E. F., French K. R.* The Capital Asset Pricing Model: Theory and Evidence // Journal of Economic Perspectives. 2003. Vol. 18. No. 3. P. 25–46.

26. *Giannetti M., Simonov A.* Which Investors Fear Expropriation? Evidence from Investors' Portfolio Choices // *Journal of Finance*. 2006. Vol. 61. No. 3. P. 1507–1547.

27. *Gompers P. A., Ishii J., Metrick A.* Extreme Governance: An Analysis of Dual-Class Firms in the United States // *The Review of Financial Studies*. 2010. Vol. 23. No. 3. P. 1051–1088.

28. *Hammen H.* Reform des Rechts der Mehrstimmrechtsaktien. Working Paper Series No. 170/2023 // *Institute for Law and Finance (ILF)*. June. 2023. URL: https://www.ilf-frankfurt.de/fileadmin/user_upload/ILF_WP170.pdf (дата обращения: 25.06.2026).

29. *Hart O., Moore J.* Incomplete contracts and renegotiation // *Econometrica*. 1988. Vol. 56. No. 4. P. 755–785.

30. *La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A.* Corporate Ownership around the World // *Journal of Finance*. 1999. Vol. 54. No. 2. P. 471–517.

31. *Means G. C.* The Separation of Ownership and Control in American Industry // *Quarterly Journal of Economics*. 1931. Vol. 46. P. 68–100.

32. *Morck R., Shleifer A., Vishny R. W.* Management Ownership and Corporate Performance: An Empirical Analysis // *Journal of Financial Economics*. 1988. Vol. 20. No. 1–2. P. 293–315.

33. *Roe M. J.* Strong Managers, Weak Owners: The Political Roots of American Corporate Finance. Princeton: Princeton University Press, 1994. 340 p.

34. *Roe M. J.* Political Determinants of Corporate Governance. Oxford: Oxford University Press, 2003. 231 p.

35. *Winden A. W.* Sunrise, Sunset: An Empirical and Theoretical Assessment of Dual-Class Stock Structures // *Columbia Business Law Review*. 2018. Vol. 120. No. 3. P. 852–951.

Н. В. Рахманина

доцент кафедры правовых дисциплин Московского
экономического института

Россия, г. Москва,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волжского
института экономики, педагогики и права,

кандидат юридических наук

Россия, г. Волжский

nrakhmanina@rambler.ru

КАРТОЧКА ТОВАРА КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКОГО ПРАВА

PRODUCT CARD AS AN OBJECT OF COPYRIGHT

В статье рассмотрены основные элементы карточки товара, используемой на маркетплейсах. К главным ее составляющим отнесены текстовое описание; фотографическое изображение / видеоизображение; инфографика, то есть визуальная подача и расположение информации; дизайн; инструкции, схемы и презентации. Исследован процесс формирования карточек товара, который включает в себя создание и использование профессиональных фотографий в карточке; написание цепляющих заголовков; текстовое описание товара, раскрывающее его суть. В работе раскрывается ключевая правовая проблема, в частности защита прав на карточку товара. Кроме того, изучены способы защиты авторских прав, такие как признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; возмещение убытков; взыскание дохода, полученного нарушителем вследствие нарушения авторского права, и многие другие. Сделан вывод о том, что карточка товара представляет собой сложный составной объект авторского права, в отношении которого правообладателям предоставлен широкий спектр способов защиты прав.

Ключевые слова: торговля на маркетплейсах, карточка товара, составляющие элементы карточки товара, объект

авторского права, авторское право, способы защиты авторских прав, составное произведение, охрана права.

The article examines the key elements of a product card used on online marketplaces. Its primary components include text descriptions; photographs or videos; infographics (i.e., the visual presentation and layout of information); design; and instructions, diagrams, and presentations. The study analyzes the process of creating product cards, which encompasses the use of professional photography, the drafting of catchy headlines, and the writing of text descriptions that clearly convey the product's essence. The paper addresses a key legal issue: the protection of rights associated with the product card. Furthermore, it explores various methods of copyright protection, such as the formal recognition of rights; the restitution of the situation that existed prior to the infringement; the prevention of actions that infringe upon rights or threaten to do so; the recovery of damages; the disgorgement of profits gained by the infringer; and others. The article concludes that a product card constitutes a complex, composite object of copyright, for which rights holders are afforded a wide range of legal remedies.

Keywords: selling on marketplaces, product card, components of product card, copyright object, copyright, methods of copyright protection, composite work, protection of rights.

Современную жизнь невозможно представить без онлайн-покупок. Согласно статистическим данным, объем интернет-торговли в России неуклонно растёт. Так, в 2025 г. российский сегмент розничной торговли в сети Интернет увеличился на 19 %, по сравнению с 2024 г., и достиг 13,4 трлн руб.¹ При этом 80 % структуры рынка составляют продажи на маркетплейсах². Большая часть оборота (96,2 %) приходится на отечественные онлайн-площадки, а доля трансграничных покупок составляет лишь 3,8 %³.

¹ Маркетинговое исследование. Интернет-торговля в России 2026 // DataInsight. 2026. 31 марта. URL: https://datainsight.ru/DI_eCommerce_2026 (дата обращения: 15.06.2026).

² Рынок маркетплейсов: динамика и ориентиры на 2026 // DataInsight. 2026. 19 марта. URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_FV_sellers_and_marketplaces_2025.pdf (дата обращения: 17.06.2026).

³ Рост рынка интернет-торговли в 2025 году: статистика, тренды, способы оплаты // GateLine.Net. 2026. URL: <https://gateline.net/blog/rost-rynka-internet->

Исследования показывают, что универсальные маркетплейсы лидируют в российском сегменте e-commerce: на них приходится 81 % (+2 п.п. к 2024 г.) всех заказов и 62 % (+3 п.п. к 2024 г.) объема продаж¹. Высокие темпы роста не вызывают удивления, поскольку покупка товаров на маркетплейсах предоставляет покупателю множество преимуществ и возможностей. К ним отнесены следующие:

- экономия времени при совершении покупок, поскольку отсутствует необходимость посещать магазин;
- более широкий ассортимент товаров, так как продавцам не нужно арендовать торговые площади для их размещения;
- более низкие и привлекательные цены по сравнению с покупками в обычных магазинах;
- наличие отзывов, по которым можно составить собственное представление о товаре;
- возможность приобрести оригинальные товары, изделия ручной работы и т. д.;
- наличие скидок и акций, которые постоянно проводятся продавцами.

Указанные данные подтверждены статистикой. По результатам исследования, проведенного командой аналитиков агентства MRF, основным фактором, влияющим на совершение покупок на маркетплейсах, выступают привлекательная цена и скидки (54 %)². Примерно 40 % опрошенных россиян совершают покупки на маркетплейсах несколько раз в месяц, из них 23,4 % – раз в неделю, а 14,4 % – ежедневно³.

На совершение покупок посетителями маркетплейсов влияют различные составляющие, в том числе цены и скидки на необходимые товары, положительные отзывы покупателей,

torgovli-v-2025-godu-statistika-trendy-sposoby-oplaty/ (дата обращения: 17.06.2026).

¹ Рынок маркетплейсов и интернет-магазинов – 2025–2026: посещаемость, категории, продажи, прогноз: исследование // Oborot.ru. 2026. 3 апреля. URL: <https://oborot.ru/articles/issledovanie-ecommerce-rynok-18-i267132.html> (дата обращения: 17.06.2026).

² Карточки на маркетплейсах: тренды визуального контента // SBlogs. Sostav.ru. 2025. 2 апреля. URL: <https://www.sostav.ru/blogs/272428/58993> (дата обращения: 17.06.2026).

³ Алексеевских А. Россияне рассказали, как часто покупают на маркетплейсах // Газета.ru. 2025. 28 ноября. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2025/11/28/27281209.shtml> (дата обращения: 01.05.2026).

надежная репутация бренда, скорость доставки товара, а также информационные факторы, в частности наличие фото и видео товара от покупателей, привлекательно оформленная карточка товара (его фото и видео), подробное описание характеристик, наличие сертификатов, подтверждающих качество и оригинальность товара¹.

В настоящее время широко представлены исследования эффективности разных элементов карточек товаров. Из них наиболее эффективными считают наличие сертификата, подтверждающего безопасность товара; крупную инфографику; указание на страну-производителя; фото продукции; указание на способ применения; наличие фотографий людей. Это подтверждается и данными опроса. Так, для 72,3 % респондентов при выборе товара на маркетплейсе важным является наличие качественного и профессионального фото в карточке².

С учетом легального закрепления понятие «карточка товара» можно определить как предложение партнера о продаже товара, выполнении работы, об оказании услуги, адресованное пользователям посреднической цифровой платформы. Данное определение будет введено в действие с 1 октября 2026 г. Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации». Этим нормативным актом предусмотрен еще целый ряд новых терминов. В их числе – платформенная экономика, цифровая платформа, владелец цифровой платформы, партнер посреднической цифровой платформы, партнер-продавец, партнер-исполнитель, пользователь посреднической цифровой платформы и др.³ С введением Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ правовое регулирование получают не только маркетплейсы, такие как Wildberries и Ozon, но и другие площадки по предоставлению услуг и работ, в том числе «Делимобиль» и

¹ Как покупатели выбирают товары на маркетплейсах? // EcomCom. 2024. 8 мая. URL: https://ecomcom.io/selection_of_products_marketplaces/ (дата обращения: 01.05.2026).

² Как контент на маркетплейсах влияет на поведение покупателей // Т-Бизнес секреты. 2024. 18 января. URL: https://secrets.tbank.ru/blogi-kompanij/kontent-vliyaet-na-pokupatelej/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F&internal_source=copyraste (дата обращения: 01.05.2026).

³ Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 31. Ст. 4643.

Whoosh, классифайды «Авито»; платформы для рынка труда (SuperJob, YouDo и HeadHunter).

Карточка товара – это страница на маркетплейсе с подробной информацией о товаре, на основании которой принимают решение о покупке. Она включает в себя фотографии товара, подробное его описание, отзывы покупателей, рейтинг, видео о товаре, информацию о продавце и др.¹ Соответственно, основная цель карточки товара – выделиться среди остальных конкурентов и мгновенно привлечь внимание потенциального покупателя. Именно поэтому перед продавцами на маркетплейсах в качестве главной задачи выступает профессиональное ее оформление. Однако процесс визуального оформления карточек связан с проведением огромной работы со стороны владельца интернет-магазина. Такая работа состоит из ряда этапов, к которым отнесены:

1) создание и использование профессиональных фотографий в карточке – товар должен быть сфотографирован с наиболее выгодных ракурсов (общий вид, крупный план, детали);

2) написание цепляющих заголовков – простой, четкий заголовок позволяет покупателю быстрее сделать выбор;

3) текстовое описание товара в карточке, раскрывающее его суть. Описание должно отвечать ряду признаков, то есть быть кратким (желательно использовать простые предложения); четким, чтобы можно было легко прочитать шрифт; контрастным, то есть буквы не должны сливаться с фоном изображения; конкретным, в частности преимущества товара должны быть понятны конечному потребителю.

Чем качественнее оформлена карточка товара, тем выше она продвигается в поисковой выдаче на маркетплейсе. Дополним, что конкуренты могут «воровать» удачные дизайны карточек с целью продвижения своих товаров. В этой связи перед продавцами возникает острый вопрос охраны и защиты своих прав² на карточку товара.

¹ Словарь терминов по маркетплейсам: все, что нужно знать // КонтурЭльба. 2025. 10 июня. URL: <https://e-kontur.ru/enquiry/2416/slovar-terminov-po-marketpleysam> (дата обращения: 05.05.2026).

² *Мойса М. А.* Правовая природа и пределы ответственности маркетплейсов и агрегаторов за недостатки товара (работы, услуги) // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: сб. ст. XI Национальной науч.-практ. конф. (Краснодар, 16 апреля 2026 г.) / отв.

В качестве объектов авторских прав законом предусмотрены литературные произведения; драматические и музыкально-драматические произведения, сценарные произведения; хореографические произведения и пантомимы; музыкальные произведения с текстом или без текста; аудиовизуальные произведения; произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и другие произведения изобразительного искусства; произведения декоративно-прикладного и сценографического искусства; произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, в том числе в виде проектов, чертежей, изображений и макетов; фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии; географические и другие карты, планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к географии и иным наукам; другие произведения¹.

К критериям охраноспособности объектов авторского права относятся творческий характер деятельности по созданию объекта авторского права и объективная форма выражения². Любое творческое произведение характеризуется оригинальностью, новизной, неповторимостью и уникальностью³.

Объектами авторских прав, содержащимися в карточке товара и подлежащими правовой защите, являются прежде всего текстовое описание товара; фотографическое изображение / видеоизображение; инфографика, визуальная подача и расположение информации; дизайн карточки товара; инструкции, схемы и презентации. Таким образом, карточка товара может содержать в себе четыре-шесть самостоятельных произведений, в

ред. В. П. Камышанский. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, КубГАУ, 2026. С. 259.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 23.07.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

² См.: *Близнец И. А., Васильева Е. Н., Гринь Е. С. и др.* Право интеллектуальной собственности: учебник: в 2 т. Т. 2. Авторское право. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. С. 141.

³ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 631.

том числе фотографии, шрифты, тексты (постановление от 11 августа 2025 г. по делу № А71-2050/2025)¹.

Итак, карточка товара представляет собой сложное составное произведение, состоящее из разных объектов авторского права. Согласно ст. 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации в качестве сложного понимается объект, включающий в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности². С учетом его специфики в правовой литературе продолжается дискуссия относительно понятия «сложный объект». Установлен специальный режим создания, использования и распоряжения различными самостоятельными результатами интеллектуальной деятельности, созданными для достижения одной цели и входящими в состав такого объекта³.

Защита объектов, входящих в состав карточки товара как сложного объекта, осуществляется по-разному, что подтверждается и материалами судебной практики. Например, в постановлении от 2 июля 2025 г. № С01-656/2025 Судом по интеллектуальным правам разграничены понятия «единство намерений» и «единая экономическая цель». Использование пятнадцати разных фотографий в одной карточке товара рассмотрено судом как одно действие, нарушающее права на разные результаты интеллектуальной деятельности и образующее несколько нарушений⁴.

В другом деле суд пришел к противоположному выводу и обосновал свою позицию тем, что если все 15 изображений размещены в одной карточке товара, созданы в рамках одного творческого процесса и представляют собой элементы дизайна

¹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 августа 2025 г. по делу № А71-2050/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/aFQbiB7rB8ox/#2> (дата обращения: 09.09.2026).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 23.07.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

³ См.: Домовская Е. В. Способы создания сложных объектов авторского права и распоряжения правами на них // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 130.

⁴ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 июля 2025 г. № С01-656/2025 по делу № А07-26290/2023 // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/413021711/> (дата обращения: 07.09.2026).

одной карточки, то их использование направлено на одну экономическую цель и образует одно нарушение¹. Однако, несмотря на разнородную судебную практику, неизменной остается позиция судов, устанавливающая презумпцию творческого начала при создании объекта авторского права, в частности карточки товара².

В соответствии с законодательством автору принадлежат следующие права: исключительное право на произведение, право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения. Применительно к карточке товара магазин приобретает исключительные права на ее дизайн, фотографии, видео, шрифты и инфографику. Получение таких прав происходит на основании специальных договоров, в частности договора авторского заказа, договора об отчуждении исключительного права либо лицензионного договора, в зависимости от объекта, права на который передаются. После того как интернет-магазин становится правообладателем результата интеллектуальной деятельности (будь то дизайн карточки товара, фотографии, шрифты и др.), он может по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование такого объекта авторского права. К тому же отсутствие прямого запрета не считают согласием (разрешением).

Суды четко разграничивают права на дизайн карточки товара и права на фотографии. Так, заключение продавцом маркетплейса договора авторского заказа на создание дизайна карточки товара не означает передачу ему прав и на исходные фотографии, использованные в этом дизайне. Для правомерного использования фото требуются отдельный договор с автором снимков или доказательства перехода прав на них³.

Авторское право, по российскому законодательству, не подлежит государственной регистрации, в отличие от патентных

¹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 августа 2025 г. по делу № А71-2050/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/aFQbiB7rB8ox/#2> (дата обращения: 07.09.2026).

² Решение Арбитражного суда Свердловской области от 12 октября 2023 г. по делу № А60-24609/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/XY4yz6sOoSmN/#2> (дата обращения: 07.09.2026).

³ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 12 октября 2023 г. по делу № А60-24609/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/XY4yz6sOoSmN/#2> (дата обращения: 07.09.2026).

прав и прав на средства индивидуализации, которые регистрируют в Роспатенте. Это обстоятельство и приводит к проблемам, возникающим в процессе защиты нарушенных авторских либо исключительных прав.

На протяжении многих лет в правовой доктрине продолжается спор о соотношении понятий «охрана права» и «защита права». Исследователи высказывают разные точки зрения относительно понимания этих дефиниций. Например, З. В. Макарова понятие «охрана права» рассматривала как более широкое по сравнению с понятием «защита права». По ее мнению, защита прав предполагает недопущение и предупреждение их нарушения, а в случае нарушения прав – их восстановление и возмещение причиненного вреда. В свою очередь, В. А. Тархов полагал, что охрана каждого права существует постоянно и имеет целью обеспечить его осуществление, не допустить его нарушение¹. Охрана обеспечивается прежде всего государством, предусматривающим субъективные права и их защиту, а необходимость прибегнуть к защите права появляется лишь при его нарушении, оспаривании либо угрозе нарушения. Подобной точки зрения придерживался и Э. П. Гаврилов², рассматривая охрану как установление общего правового режима, а защиту – в качестве мер, которые предпринимают в случаях, если гражданские права нарушены или оспорены³. С последними подходами мы в большей степени согласны.

В юридической литературе многие авторы (Д. А. Братусь⁴, В. П. Камышанский⁵, А. С. Красюкова⁶, Е. А. Суханов⁷ и др.⁸)

¹ См.: Тархов В. А. Охрана имущественных прав трудящихся по советскому гражданскому законодательству: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1966. С. 17.

² См.: Гаврилов Э. П. Комментарий Закона об авторском праве и смежных правах. М.: Фонд «Правовая культура», 1996. С. 217.

³ См.: Смирнов А. П. Соотношение понятий «охрана прав» и защита прав // Вестник Томского государственного университета. 2010. Вып. 331. С. 124.

⁴ См.: Братусь Д. А. Защита авторских и смежных прав: монография. М.: Статут, 2024. С. 21.

⁵ См.: Камышанский В. П. О плагиате, самоплагиате и защите авторских прав на произведение науки // Власть Закона. 2025. № 1 (61). С. 34.

⁶ См.: Красюкова А. С. Защита авторских прав // Власть Закона. 2011. № 1 (5). С. 34.

⁷ См.: Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2 / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2023. С. 332.

⁸ См.: Щербак Н. В. Гражданско-правовое регулирование авторского права и смежных прав на современном этапе: монография. М.: Юстицинформ, 2022. С. 456.

исследовали вопросы защиты авторских прав на различные результаты интеллектуальной деятельности. В доктрине отражены две основные формы защиты авторских прав: юрисдикционная защита авторских прав с помощью государственных органов, в том числе судебных; неюрисдикционная, то есть самостоятельные действия граждан и организаций по защите авторских прав¹.

Укажем способы, к которым может прибегнуть правообладатель для охраны своих исключительных прав на карточку товара до момента их нарушения:

1) электронное депонирование – передача экземпляра произведения на хранение третьей стороне с фиксацией даты. Третьей стороной может выступать специализированный сервис, например РЦИС.РФ и n'RIS². Благодаря этой процедуре автор может подтвердить факт того, что он обладал произведением в определенном виде на конкретную дату;

2) нотариальное заверение скриншота интернет-страницы маркетплейса с размещенным на ней контентом – карточкой товара;

регистрация товарного знака в Роспатенте, если он использован в карточке товара.

Продавец маркетплейса (правообладатель) также имеет право на совершение самостоятельных действий, если его карточка товара скопирована. Он вправе:

1) обратиться в поддержку маркетплейса с описанием проблемы и требованием о прекращении нарушения;

2) обратиться в «Цифровой арбитраж» на Wildberries³ – специальный сервис, с помощью которого правообладатели могут урегулировать споры, связанные, например, с продажей контрафактного товара или копированием карточек товара;

3) направить письменную претензию нарушителю с требованием прекратить нарушение (например, удалить

¹ См.: Макаров Т. Г. Обеспечение прав авторов литературных произведений: монография. М.: ИНФРА-М, 2026. С. 64.

² Единое свидетельство РЦИС.РФ и n'RIS // РЦИС. 2024. 25 декабря. URL: <https://rcis.pf/about/press/edinoe-svidetelstvo-rcis-rf-i-n-ris> (дата обращения: 17.06.2026).

³ Полякова Д. Цифровой арбитраж на Wildberries: что делать, если вы получили жалобу от правообладателя // Гарант.ру: информ.-правовой портал. 2023. 30 ноября. URL: <https://www.garant.ru/gardium/guide/obrashchenie-pravoobladatelya-wildberries/?ysclid=mudwz1pzgv9409532> (дата обращения: 17.06.2026).

скопированный контент) и выплатить компенсацию – претензионный порядок.

Если правонарушитель не отреагирует и продолжит использовать скопированную карточку товара, правообладатель может обратиться в суд за защитой нарушенного права. Среди основных способов защиты авторских прав выделим следующие:

- признание права;
- восстановление положения, существовавшего до нарушения права;
- пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- возмещение убытков;
- взыскание дохода, полученного нарушителем вследствие нарушения авторского права;
- взыскание компенсации;
- опубликование решения суда о нарушении;
- компенсация причиненного морального вреда;
- изъятие материального носителя;
- ликвидация юридического лица или прекращение деятельности индивидуального предпринимателя.

В заключение еще раз обратим внимание на то, что карточка товара представляет собой сложный составной объект авторского права, создание, использование и распоряжение, которым осуществляется особым образом. Такой подход позволяет разграничить каждый элемент и обеспечить его правовую защиту, что дает возможность правообладателю защищать как отдельные части (например, конкретную фотографию), так и карточку в целом как единый объект авторского права. Несмотря на неоднородную судебную практику, которая складывается в процессе рассмотрения дел о неправомерном использовании результатов интеллектуальной деятельности при создании карточек товара, правообладателям предоставлен целый спектр судебных и внесудебных способов для защиты нарушенных прав.

Библиографический список

1. Алексеевских А. Россияне рассказали, как часто покупают на маркетплейсах // Газета.ru. 2025. 28 ноября. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2025/11/28/27281209.shtml> (дата обращения: 01.05.2026).
2. Близнец И. А., Васильева Е. Н., Гринь Е. С. и др. Право интеллектуальной собственности: учебник. М.: Статут, 2023. 368 с.

3. *Братусь Д. А.* Защита авторских и смежных прав: монография. М.: Статут, 2024. 236 с.
4. *Гаврилов Э. П.* Комментарий Закона об авторском праве и смежных правах. М.: Фонд «Правовая культура», 1996. 248 с.
5. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 895 с.
6. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2 / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2023. 508 с.
7. *Дерюгина Т. В.* О дефиниции нематериального блага и его признаках // Юридический мир. 2026. № 3. С. 37–39.
8. *Домовская Е. В.* Способы создания сложных объектов авторского права и распоряжения правами на них // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 129–135.
9. Как контент на маркетплейсах влияет на поведение покупателей // Т-Бизнес секреты. 2024. 18 января. URL: https://secrets.tbank.ru/blogi-kompanij/kontent-vliyaet-na-pokupatelej/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F&internal_source=copypaste (дата обращения: 01.05.2026).
10. Как покупатели выбирают товары на маркетплейсах? // EcomCom. 2024. 8 мая. URL: https://ecomcom.io/selection_of_products_marketplaces/ (дата обращения: 01.05.2026).
11. *Камышанский В. П.* О плагиате, самоплагиате и защите авторских прав на произведение науки // Власть Закона. 2025. № 1 (61). С. 25–41.
12. Карточки на маркетплейсах: тренды визуального контента // SBlogs. Sostav.ru. 2025. 2 апреля. URL: <https://www.sostav.ru/blogs/272428/58993> (дата обращения: 17.06.2026).
13. *Красюкова А. С.* Защита авторских прав // Власть Закона. 2011. № 1 (5). С. 33–39.
14. *Макаров Т. Г.* Обеспечение прав авторов литературных произведений: монография. М.: ИНФРА-М, 2026. 85 с.
15. Маркетинговое исследование. Интернет-торговля в России 2026 // DataInsight. 2026. 31 марта. URL: https://datainsight.ru/DI_eCommerce_2026 (дата обращения: 15.06.2026).
16. *Мойса М. А.* Правовая природа и пределы ответственности маркетплейсов и агрегаторов за недостатки товара (работы, услуги) // Частное право Российской Федерации:

история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: сб. ст. XI Национальной науч.-практ. конф. (Краснодар, 16 апреля 2026 г.) / отв. ред. В. П. Камышанский. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, КубГАУ, 2026. С. 259–264.

17. Полякова Д. Цифровой арбитраж на Wildberries: что делать, если вы получили жалобу от правообладателя // Гарант.ру: информ.-правовой портал. 2023. 30 ноября. URL: <https://www.garant.ru/gardium/guide/obrashchenie-pravoobladatelya-wildberries/?ysclid=mudwz1pzgv9409532> (дата обращения: 17.06.2026).

18. Рост рынка интернет-торговли в 2025 году: статистика, тренды, способы оплаты // GateLine.Net. 2026. URL: <https://gateline.net/blog/rost-rynka-internet-torgovli-v-2025-godu-statistika-trendy-sposoby-oplaty/> (дата обращения: 17.06.2026).

19. Рынок маркетплейсов: динамика и ориентиры на 2026 // DataInsight. 2026. 19 марта. URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_FV_sellers_and_market_places_2025.pdf (дата обращения: 17.06.2026).

20. Рынок маркетплейсов и интернет-магазинов – 2025–2026: посещаемость, категории, продажи, прогноз: исследование // Oborot.ru. 2026. 3 апреля. URL: <https://oborot.ru/articles/issledovanie-ecommerce-rynok-18-i267132.html> (дата обращения: 17.06.2026).

21. Словарь терминов по маркетплейсам: все, что нужно знать // КонтурЭльба. 2025. 10 июня. URL: <https://e-kontur.ru/enquiry/2416/slovar-terminov-po-marketpleysam> (дата обращения: 05.05.2026).

22. Смирнов А. П. Соотношение понятий «охрана прав» и защита прав // Вестник Томского государственного университета. 2010. Вып. 331. С. 123–125.

23. Тархов В. А. Охрана имущественных прав трудящихся по советскому гражданскому законодательству: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1966. 31 с.

24. Щербак Н. В. Гражданско-правовое регулирование авторского права и смежных прав на современном этапе: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 544 с.

А. А. Файзуллина

доцент кафедры криминалистики
Уфимского университета науки и технологий,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Уфа
alina23100@mail.ru

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И СЛЕДСТВЕННЫХ
СИТУАЦИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ НА СТАДИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

**ON THE ISSUE OF THE RELATIONSHIP BETWEEN FORENSIC
CHARACTERISTICS OF CRIMES AND INVESTIGATIVE
SITUATIONS ARISING AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION
STAGE**

В статье раскрываются вопросы практического применения криминалистической характеристики преступлений в следственной деятельности. Акцентируется внимание на необходимости глубокого изучения типичных данных, составляющих ее содержание, и корреляционных связей между ними. Показана взаимосвязь этой категории с понятием следственной ситуации. Методологическая роль криминалистической характеристики преступлений заключается в обеспечении прогностической способности следователя, позволяющей на основе типичных признаков преступного деяния эффективно моделировать и управлять динамикой следственной ситуации. Обоснована важность ситуационного подхода к процессу расследования, суть которого выражена в том, что анализ конкретного преступления и выбор субъектом криминалистической деятельности приемов для эффективного решения задач расследования должны быть в значительной степени определены в зависимости от возникающей следственной, оперативно-разыскной или экспертной ситуации. Рассмотрена проблема внедрения цифровых технологий в практику расследования преступлений. Несмотря на очевидную значимость применения алгоритмов искусственного интеллекта при изучении

преступлений, следователь должен в первую очередь опираться на разработанные криминалистической наукой методики расследования, собственный профессиональный опыт, оперативные сведения, следственную интуицию при принятии решений в проблемных следственных ситуациях. Сделан вывод о том, что интеграция возможностей искусственного интеллекта и интеллектуального потенциала человека способна стать ключевым инструментом для эффективного решения сложных следственных задач.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, следственные версии, следственная ситуация, информационная модель, следователь, предварительное расследование, цифровые технологии, искусственный интеллект.

The article examines the practical application of the forensic characterization of crimes within investigative practice. It emphasizes the need for a thorough study of the typical data constituting this characterization and the correlations between these elements. The interrelationship between this category and the concept of the "investigative situation" is demonstrated. The methodological role of the forensic characterization of crimes lies in enhancing the investigator's predictive capacity, enabling them to effectively model and manage the dynamics of the investigative situation based on the typical features of the criminal act. The article substantiates the importance of a situational approach to the investigation process; the essence of this approach is that the analysis of a specific crime and the selection of methods to effectively resolve investigative tasks should be largely determined by the specific investigative, operational-search, or forensic-expert situation that arises. The issue of integrating digital technologies into crime investigation practice is also addressed. Despite the evident importance of using artificial intelligence algorithms in analyzing crimes, investigators must primarily rely on investigation methodologies developed by forensic science, their own professional experience, operational intelligence, and investigative intuition when making decisions in challenging investigative situations. The article concludes that integrating artificial intelligence capabilities with human intellectual potential can serve as a key tool for effectively resolving complex investigative tasks.

Keywords: forensic characteristics of crimes, investigative hypotheses, investigative situation, information model, investigator, preliminary investigation, digital technologies, artificial intelligence.

Эффективное раскрытие и расследование преступлений напрямую зависит от их глубокого и всестороннего анализа. Определенные виды деяний характеризуются устойчивыми, повторяющимися признаками, такими как способ преступления, условия обстановки (временные, пространственные параметры и др.), характеристика личности преступника и потерпевшего, мотив и цель преступления, особенности механизма слеодообразования. Разработка научно обоснованных практических рекомендаций по противодействию преступности невозможна без опоры на всестороннее знание типичных черт и свойств преступных деяний конкретного вида, а также понимания механизмов их проявления на практике. Для достижения поставленной цели предлагаем рассматривать категорию криминалистической характеристики преступлений как информационную модель. Она представляет собой описание существенных признаков преступления, имеющих значение для его раскрытия и расследования.

При формировании типовой криминалистической характеристики того или иного вида преступлений важной задачей является не простое описание отдельных элементов преступной деятельности, а системное выявление и раскрытие закономерных корреляций между составляющими криминалистической характеристики, поскольку лишь в этом случае она будет иметь практическое значение для расследования отдельного преступления. На трудоемкости и значимости этого процесса для построения частной криминалистической методики расследования акцентируют внимание в своих трудах В. П. Бахин¹, Р. С. Белкин², А. А. Каневский³, Н. Г. Шурухнов⁴ и другие ученые.

Зная эту информационную модель типичных признаков конкретного вида преступлений, сформированную на основе

¹ Бахин В. П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. 2000. Вып. 1. С. 18.

² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, Инфра-М, 2001. С. 221.

³ Каневский А. А. Дискуссионные проблемы сущности типовой криминалистической характеристики преступлений и ее использования в процессе расследования // Вестник криминалистики. 2002. Вып. 1 (3). С. 26.

⁴ Шурухнов Н. Г. Понятие корреляций, их место в криминалистике и роль в построении методик расследования преступлений // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9. № 3 (39). С. 9.

данных практического опыта и научных исследований, следователь или оперативный работник, получив первичные сведения о преступном событии, осуществляет их сопоставление с типовой криминалистической характеристикой данного вида преступлений и строит алгоритм дальнейших действий. Как справедливо утверждает А. Н. Вяткин, «являясь структурным элементом частной методики, алгоритм в равной степени требует постоянного совершенствования и актуализации, позволяя успешно решать стоящие перед органами расследования задачи в условиях появления новых видов и форм преступности»¹.

С учетом тезиса Л. Я. Драпкина об информационной концепции расследования² криминалистическая характеристика преступлений, определяемая нами в качестве информационной модели преступного события, оказывается неразрывно связанной с другой информационной категорией криминалистики – следственной ситуацией. Обе эти категории являются информационными понятиями, которые находятся в тесной взаимосвязи. Криминалистическая характеристика преступлений аккумулирует сведения о преступном деянии, а следственная ситуация определяет объем информации, собранной в процессе расследования, который требуется для установления обстоятельств дела. С позиции информационного процесса рассматриваемые категории можно дифференцировать по характеру их изменения: криминалистическая характеристика преступлений представляется статичной моделью, описывающей сущность совершенного преступления, а следственная ситуация сопровождается динамикой. Последняя отражает непрерывное накопление фактических данных и переход от дефицита информации к полному установлению обстоятельств совершения преступления.

Итак, в рамках предлагаемого подхода определено, что криминалистическая характеристика преступлений, обладая

¹ Вяткин А. Н. Алгоритм отработки первичной информации о незаконном карьере в целях обеспечения возможности уголовного преследования // Российский следователь. 2023. № 5. С. 11.

² Драпкин Л. Я. Ситуационный подход – локальная парадигма современной криминалистики // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии (Калининград, 2 ноября 2012 г.) / под ред. Т. С. Волчецкой. Калининград: БФУ имени И. Канта, 2012. С. 26.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ,
ВОЗНИКАЮЩИХ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

зачастую неполным и ориентирующим содержанием, выступает информационным фундаментом для формирования следственной ситуации. Как пишет А. Н. Халиков, «в результате этого возникает новая информационная база (знания) о совершенном преступлении, которая создает условия для его раскрытия, планирования следственных и оперативных мероприятий, прогнозирования поведения преступников и их действий по противодействию следствию, т.е. ведения следствия оптимальным способом»¹.

В контексте вышеизложенного В. Я. Колдин выдвинул тезис о том, что «типовые информационные модели, привлекаемые для ситуационного анализа, должны отвечать соответствующим требованиям (теснота информационных связей между элементами модели, правила статистической обработки репрезентативной выработки и др.)»². Несмотря на то, что криминалистическая характеристика преступлений не может быть рассмотрена как прямой инструмент ситуационного анализа, ее ключевая роль заключается в оптимизации процесса изучения следственных ситуаций, она выступает в качестве ориентира при получении новых сведений о преступлении. Мы разделяем мнение В. К. Гавло о том, что в основе криминалистической ситуации находятся такие главные показатели, как «наличие или отсутствие значимой информации, сведений, фактических и иных данных по делу, сориентированных на криминалистическую характеристику отдельного вида преступления»³.

О необходимости ситуационного подхода к процессу расследования пишет и Г. М. Меретуков. По его мнению, «... для каждой следственной ситуации, начиная с момента принятия сообщения о преступлении и до окончания расследования, необходимо разработать типичную модель преступной

¹ Халиков А. Н. Вопросы криминалистической характеристики преступлений в практике расследования уголовных дел // Уголовное право. 2006. № 1. С. 119.

² Колдин В. Я. К вопросу о методологической функции ситуационного подхода // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии (Калининград, 2 ноября 2012 г.) / под ред. Т. С. Волчецкой. Калининград: БФУ имени И. Канта, 2012. С. 33.

³ Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений: монография. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. С. 224.

деятельности и алгоритмизировать деятельность субъекта расследования применительно к этой типичной модели...»¹.

В настоящее время в научной среде активно обсуждается проблема, связанная с цифровой трансформацией следственной деятельности. Ряд авторов обращают внимание на использование искусственного интеллекта «в процессе планирования расследования, информации, составляющей следственные ситуации, характеризующие сведения о процессе расследования, сборе сведений, имеющих доказательственное и ориентирующее значение»². На этой основе искусственный интеллект будет выдвигать следственные версии и определять направления их проверки. Несомненный практический интерес и значимость представляют полученные А. А. Бессоновым результаты изучения с применением алгоритмов искусственного интеллекта серийных преступлений, совершенных по сексуальным мотивам, что позволило разработать цифровые модели этих преступлений³.

Признавая бесспорную важность цифровых технологий, применяемых для оптимизации сложной и многогранной работы сотрудников правоохранительных органов по собиранию и исследованию криминалистически значимой информации, полагаем, однако, что абсолютизация этого процесса неизбежно приведет к роботизации деятельности следователя, лишит его инициативы при выдвижении следственных версий, определении тактики следственных действий, а также возможности развивать навыки криминалистического мышления. С учетом изложенного не вызывает сомнения тот факт, что для распознавания признаков искусно спланированной и организованной инсценировки при осмотре места происшествия требуется эвристический подход к процессу расследования, предполагающий высокую степень осознанности следователя, воспринимающего обстановку мнимого события; ситуационное мысленное моделирование, применение

¹ Меретуков Г. М. Проблемы частной методики расследования преступлений // Юрист-Правоведъ. 2019. № 3 (90). С. 149.

² Шурухов Н. Г. Криминалистическая характеристика преступления, следственные ситуации, алгоритмы, программирование – базовые составляющие искусственного интеллекта в расследовании // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2025. № 3. С. 116.

³ Бессонов А. А. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 45.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ,
ВОЗНИКАЮЩИХ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

накопленного профессионального опыта, а также собственной интуиции. Иными словами, следователь должен проявлять самостоятельность в принятии процессуальных решений по делу. Между тем ИТ-технологии – вспомогательный инструмент получения и изучения информации при решении сложных задач расследования. В этой связи выражаем солидарность с мнением ученых, считающих, что разумная синергия человеческого мышления и возможностей искусственного интеллекта представляется наиболее оптимальным вектором развития цифровой трансформации процесса расследования в настоящее время¹.

Подводя итог, можно утверждать, что информационное наполнение криминалистической характеристики преступлений интегрируется в структуру понятия следственной ситуации, формируя ее содержательную базу. Поэтому криминалистическая характеристика служит информационной основой следственной ситуации. Она выполняет оптимизирующую роль, направляя процесс сбора сведений о преступлении и способствуя более эффективному анализу складывающихся по делу следственных ситуаций.

Библиографический список

1. *Бахин В. П.* Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. 2000. Вып. 1. С. 16–22.
2. *Бахтеев Д. В.* Криминалистическое мышление и программирование расследования // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 13–20.
3. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, Инфра-М, 2001. 240 с.
4. *Бессонов А. А.* Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной

¹ *Бахтеев Д. В.* Криминалистическое мышление и программирование расследования // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 17; *Смушкин А. Б.* Цифровая трансформация процесса расследования как объективная реальность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 1. С. 98.

деятельности (на примере серийных преступлений) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 45–53.

5. *Вяткин А. Н.* Алгоритм отработки первичной информации о незаконном карьере в целях обеспечения возможности уголовного преследования // Российский следователь. 2023. № 5. С. 11–14.

6. *Гавло В. К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений: монография. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. 333 с.

7. *Драпкин А. Я.* Ситуационный подход – локальная парадигма современной криминалистики // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии (Калининград, 2 ноября 2012 г.) / под ред. Т. С. Волчецкой. Калининград: БФУ имени И. Канта, 2012. С. 25–27.

8. *Каневский А. А.* Дискуссионные проблемы сущности типовой криминалистической характеристики преступлений и ее использования в процессе расследования // Вестник криминалистики. 2002. Вып. 1 (3). С. 24–30.

9. *Колдин В. Я.* К вопросу о методологической функции ситуационного подхода // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии (Калининград, 2 ноября 2012 г.) / под ред. Т. С. Волчецкой. Калининград: БФУ имени И. Канта, 2012. С. 32–35.

10. *Меретуков Г. М.* Проблемы частной методики расследования преступлений // Юрист-Правоведъ. 2019. № 3 (90). С. 147–149.

11. *Смушкин А. Б.* Цифровая трансформация процесса расследования как объективная реальность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 1. С. 90–107.

12. *Халиков А. Н.* Вопросы криминалистической характеристики преступлений в практике расследования уголовных дел // Уголовное право. 2006. № 1. С. 116–119.

13. *Шурухнов Н. Г.* Понятие корреляций, их место в криминалистике и роль в построении методик расследования

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ,
ВОЗНИКАЮЩИХ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

преступлений // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9. № 3 (39). С. 9–13.

14. *Шурухнов Н. Г.* Криминалистическая характеристика преступления, следственные ситуации, алгоритмы, программирование – базовые составляющие искусственного интеллекта в расследовании // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2025. № 3. С. 109–118.

Раздел

**Наука и практика
стран СНГ**

Ш. Дж. Курбонов

аспирант кафедры гражданского права
юридического факультета Российско-Таджикского (Славянского)
университета
Республика Таджикистан, г. Душанбе
kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВА УДЕРЖАНИЯ
КАК СУБЪЕКТИВНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА**

**THE LEGAL NATURE OF THE RIGHT OF RETENTION
AS A SUBJECTIVE CIVIL RIGHT**

Согласно авторской позиции, суть субъективного гражданского права заключается в предоставлении управомоченному субъекту возможности удовлетворять свои законные интересы в пределах установленных правовых рамок. В контексте права удержания это означает, что кредитор может законно удерживать вещь должника только при наличии соответствующего юридического основания; без такого основания удержание невозможно. Именно объем правомочий лица, как уточняет автор статьи, определяет границы и способы реализации права удержания в гражданском праве. Однако в правовой доктрине не все ученые разделяют эту позицию. В некоторых случаях право удержания ошибочно отождествляют с элементом правоспособности. Поэтому автор в статье акцентирует внимание на существующем научном споре. Представлены разные взгляды правоведов при трактовке понятия права удержания.

Ключевые слова: право удержания, способы обеспечения обязательства, субъективное право, правоспособность, интерес, воля, реализация права, правомочия.

According to the author's position, the essence of a subjective civil right lies in granting the entitled party the opportunity to satisfy their legitimate interests within established legal frameworks. In the context of the right of retention, this means that a creditor may lawfully retain a debtor's property only if there is a valid legal basis for doing so; without such a basis, retention is not possible. As the author clarifies, it is precisely the scope of a person's legal powers that

determines the limits and methods of exercising the right of retention in civil law. However, not all legal scholars share this view. In some instances, the right of retention is erroneously equated with an element of legal capacity. Consequently, the article highlights this ongoing scholarly debate, presenting various legal perspectives on the interpretation of the concept of the right of retention.

Keywords: right of retention, methods of securing an obligation, subjective right, legal capacity, interest, will, exercise of rights, legal powers.

В соответствии с отечественным гражданским законодательством кредитор вправе воспользоваться правом удержания вещи, находящейся в его владении и подлежащей передаче должнику или указанному им лицу, в качестве обеспечения исполнения должником обязательств по оплате стоимости этой вещи или возмещению причиненного ущерба, при условии нарушения должником установленных сроков исполнения (ч. 2 ст. 416 Гражданского кодекса Республики Таджикистан). Иными словами, возможность кредитора осуществлять удержание имущества должника в целях обеспечения своих требований квалифицируется как право. По утверждению Д. И. Мейера, «правом называется мера свободы живущего в обществе лица – мера, в пределах которой оно может совершать известные действия и должно воздерживаться от совершения известных действий»¹.

В юриспруденции права и возможности участников правовых отношений определены в общем виде (объективное право). Реализация и персонификация этих прав происходят в рамках конкретного правоотношения, при котором они приобретают индивидуальный характер². В данном контексте уместным представляется показать различие между объективным и субъективным правом, которое проводил Е. Н. Трубецкой. Объективное право, по его словам, является совокупностью юридических норм, олицетворяющих общественный аспект права. Субъективное право, напротив, формируется из правомочий и

¹ См.: Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. М.: Статут, 2003. С. 253.

² Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 36–37.

обязанностей, при этом права одних лиц всегда обусловлены обязанностями других¹.

Е. Н. Трубецкой обратил внимание на то, что субъективное право – это свобода человека действовать во внешнем мире, которая гарантирована общими правилами (объективным правом). Или, как верно указал Ю. Г. Буянов, «объективное право преобразуется в конкретное, субъективное право, т.е. право, устанавливающее конкретному субъекту в определенных ситуациях и при определенных условиях правомочия, обязанности, ответственность, рамки его поведения (меру, границы)»².

Итак, «нормоцентризм в правовой науке сменяется субъектоцентризмом»³. Ввиду приобретения индивидуализации эти права именуют субъективными. С учетом изложенного многие ученые обоснованно считают, что категория «субъективное право» несет в себе ключевую информацию о ее природе. Как справедливо полагают исследователи, она свидетельствует о том, что это право принадлежит конкретному субъекту⁴. Так, О. В. Киселева пишет: «Субъективное право всегда персонифицировано, т.е. связано с личностью отдельного субъекта правоотношений. Оно конкретно, так как происходит из определенных жизненных обстоятельств и может существовать при отсутствии законодательного запрета без прямого закрепления в правовых нормах»⁵.

В этом высказывании выделен фундаментальный аспект субъективных гражданских прав, в частности их неразрывная связь с конкретным лицом. Личность выступает как основа, как носитель прав и обязанностей в гражданских правоотношениях. В

¹ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права: издание по запискам студентов. Киев: С. И. Иванов и К^о, 1906. С. 121.

² Буянов Ю. Г. Правовая природа содержания гражданского правоотношения как разновидности правового отношения // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1. С. 113.

³ Труба А. Н. Субъективное право удержания и пределы его осуществления: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. С. 14.

⁴ См.: Витрук Н. В. К вопросу об объективном и субъективном в праве и о понятиях «объективное право» и «субъективное право» // Вопросы советского государства и права. 1966. Т. 183. С. 10; Кравченко А. А. Субъективное гражданское право: история развития понятия в цивилистической доктрине // Грамота. 2015. № 6 (56). Ч. 1. С. 103.

⁵ Киселева О. В. Способы осуществления субъективных гражданских прав // Студенческий вестник. 2021. № 37-1 (182). С. 71.

рамках определенного правоотношения субъективное право включает в себя указание на допустимые формы поведения, устанавливает границы этих действий, гарантирует их реализацию в интересах обладателя и обеспечивает государственную защиту. Такая установленная мера определяет совокупность правомочий, присущих субъективному праву¹.

Применительно к гражданским правоотношениям рассматриваемые права относятся к категории субъективные гражданские права. Исходя из этого, можно утверждать, что субъективное гражданское право выполняет ключевую роль в реализации гражданских прав (в частности, право удержания), что обуславливает необходимость его четкого определения. В научном сообществе определение субъективных гражданских прав раскрывают через призму разных интерпретаций. Однако мы не ставим перед собой целью исследовать данную категорию, приведем лишь некоторые значимые определения.

А. Г. Певзнер считает, что «субъективное гражданское право – есть мера (границы) дозволенного поведения участника конкретного гражданского правоотношения, обеспеченная возложением определенных обязанностей на других участников правоотношения»². Аналогичной позиции придерживается Ю. К. Толстой, делая акцент на том, что «субъективное право может быть определено как закрепленная за управомоченным в целях удовлетворения его интересов мера возможного поведения в данном правоотношении, обеспеченная возложением обязанностей на других лиц»³. По сути, сформировано традиционное представление о субъективных гражданских правах, под которым понимается «мера дозволенного поведения субъекта гражданского правоотношения»⁴.

Субъективные права характеризуются наличием у их носителя момента усмотрения и выбора из доступных вариантов поведения, то есть субъекту правоотношений предоставлена свобода действий. Как пишет Е. Н. Трубецкой, юридическая свобода одного лица включает в себе притязание, требование,

¹ Буянов Ю. Г. Указ. соч. С. 113.

² См.: Певзнер А. Г. Понятие и виды субъективных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961. С. 33.

³ Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959. С. 45.

⁴ Суханов Е. А. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 112.

обращенное к другим лицам, должным уважать эту свободу¹. Иными словами, «понятие субъективного права способствует распределению прав и обязанностей участников правоотношений с тем, чтобы возможности определенного поведения одного субъекта не составляли угрозу возможностям соответствующего поведения другого субъекта»².

Обобщая критерии субъективного гражданского права, С. С. Ланцова определила его как «возникающую на основе объективного права совокупность полномочий, принадлежащую отдельному субъекту гражданского права и имеющую в основе притязание субъекта на какое-либо благо или форму поведения, обеспеченное обязанностями участников гражданских правоотношений и возможностью защиты со стороны компетентных органов»³.

Таким образом, субъективное гражданское право дает возможность (правомочие) управомоченному лицу удовлетворить те или иные потребности в пределах определенного правового поля.

Кредитор, удерживающий вещь должника, должен иметь на это соответствующее право. В противном случае удержание вещи не представляется возможным. Именно правомочия лица определяют сферу действия и реализации права удержания в гражданском праве. Не все ученые согласны с этим утверждением. К примеру, Н. В. Южанин ставит в целом институт права удержания под сомнение. Он пишет о том, что «само право удержания... является весьма слабым, и едва ли о нем можно вообще говорить как о праве»⁴. Не принимает такое умозаключение А. Н. Труба, и с ним мы солидарны. Автор утверждает, что нельзя опровергнуть природу данного правомочия как субъективного права, ссылаясь на его экономическую неэффективность в конкретной реализации. Более того, при лишении права удержания статуса субъективного права не предоставлено ни альтернативной концепции, ни убедительных

¹ См.: Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 121.

² См.: Буянов Ю. Г. Указ. соч. С. 112–113.

³ Ланцова С. С. Субъективные гражданские права в гражданском праве России // Форум молодых ученых. 2017. № 5 (9). С. 1230.

⁴ Южанин Н. В. Удержание как способ обеспечения исполнения обязательств: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2001. С. 105.

аргументов, объясняющих иную сущность этого обеспечительного права кредитора¹.

В ряде случаев право удержания отождествляют с элементом правоспособности. К примеру, С. В. Сарбаш считает, что реализация права удержания протекает ввиду правоспособности лица, поэтому оно распространяется на всех граждан одинаково². Придерживается этого же мнения Л. Н. Якушина, которая позиционирует право удержания как элемент правоспособности граждан³.

С приведенными размышлениями ученых нельзя согласиться. Так, в ст. 18 Гражданского кодекса Республика Таджикистан гражданская правоспособность физического лица определена как способность иметь гражданские права и нести обязанности, что признано в равной мере за всеми физическими лицами. Гражданская правоспособность физического лица возникает в момент его рождения и прекращается после смерти. Как справедливо утверждает А. Н. Труба, «правоспособность абстрактна в том смысле, что не связывает лицо с другими субъектами права, предусматривая лишь возможность такой связи, и не сводится к способности приобрести какое-то определенное право или обязанность»⁴.

Действительно, «правоспособность» выступает как общая категория, которая подразумевает, что каждый субъект наделен потенциалом обладать тем или иным правом, которое признано или допустимо законом. Будучи неотъемлемым атрибутом правовой личности, правоспособность представляет собой первостепенное и обязательное условие для вовлечения в любые правовые связи. Она предшествует появлению конкретных субъективных прав, выступая как базовое юридическое состояние, которое определяет возможность их приобретения и обладания ими. Согласно позиции В. В. Скоробогатовой, «правоспособность, прежде всего, воплощает отношения субъекта с государством, которое выступает в качестве политического суверена, признает за лицом способность участвовать в

¹ Труба А. Н. Указ. соч. С. 15.

² См.: Сарбаш С. В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств. М.: Статут, 2003. С. 149.

³ См.: Якушина Л. Н. Удержание в системе способов обеспечения обязательств: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 74.

⁴ Труба А. Н. Указ. соч. С. 17.

правоотношениях и быть носителем прав и обязанностей. Этим она и отличается от субъективного права»¹.

Правоспособность – это лишь предпосылка для получения благ, а не благо как таковое. Н. И. Матузов верно полагает, что правоспособность – «право иметь право, а последнее открывает путь к обладанию тем или иным благом, совершению определенных действий, предъявлению притязаний»². Далее автор поясняет, что «нельзя на основе одной лишь правоспособности чего-либо требовать, кроме как признания равноправным членом общества»³. Иными словами, наличие правоспособности у лица не означает обладание им права требования. По справедливому замечанию О. С. Иоффе, с позиции правоспособности единственное, что могло бы быть предъявлено к другим лицам, это требование признания его субъектом права. Однако это признание не является их обязанностью, а исходит от государства⁴. Ввиду изложенного можно утверждать, что правоспособность определяет, может ли лицо быть субъектом права или не может им быть. Однако возможность лица к совершению тех или иных действий определяется в рамках субъективного права.

Вместе с тем невозможно представить субъективное право в отрыве от правоотношения. Его существование обусловлено наличием соответствующей обязанности, которая может быть и пассивной (не совершать чего-либо), и активной (совершать что-либо). Без этой обязанности субъективное право теряет основу. Как пишет О. С. Иоффе, «субъективное право включает в себя не только меру дозволенного поведения, но и возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц»⁵. Субъективное гражданское право является одним из структурных элементов правоотношения. Правоспособность, напротив, может существовать и до возникновения конкретного правоотношения,

¹ Скоробогатова В. В. Некоторые аспекты соотношения правоспособности и субъективного гражданского права // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 3 (48). С. 89.

² Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юрист, 2007. С. 420.

³ Там же.

⁴ См.: Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. С. 260.

⁵ Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды: в 4 т. Т. 1. С. 89–90.

представляя собой лишь потенциальную возможность обладать субъективным правом.

Таким образом, правоспособность и субъективное право – разные категории. Во-первых, правоспособность показывает, как человек или организация связаны с государством, а субъективное право – как они связаны с конкретным человеком или организацией, которая что-то должна. Во-вторых, правоспособность устанавливает границы того, что человек может делать по закону. Субъективное право, в свою очередь, определяет не только то, что может делать обладатель такого права, но и то, что обязаны делать другие лица по отношению к нему. В-третьих, правоспособность – возможность, которая должна существовать, чтобы правоотношение могло возникнуть. В свою очередь, субъективное право выступает одним из ключевых элементов, из которых правоотношение состоит.

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что право удержания является субъективным правом, а не правоспособностью. И прежде всего потому, как пишет А. Н. Труба, что «право удержания возникает у кредитора при наличии всех элементов юридического состава, предусмотренного гражданским законодательством, и может прекращаться исполнением обеспеченного обязательства или при наличии иных оснований. Поэтому невозможно сказать, что право удержания возникает в момент рождения (создания) юридической личности (признания ее субъектом права), прекращается в момент ее смерти (ликвидации) и составляет ее необходимый атрибут, что характерно для правоспособности»¹. Субъективное гражданское право в виде права удержания представляется законным и возникает при соблюдении двух главных условий: во-первых, оно должно быть прямо предусмотрено действующим гражданским законодательством; во-вторых, лицо должно выступать кредитором в ранее возникших обязательственных правоотношениях.

Для глубокого изучения и анализа права удержания как субъективного гражданского права необходимы комплексный и системно-структурный подходы. Тем более что с точки зрения цивилистической науки субъективное гражданское право выступает феноменом, который обладает богатой внутренней

¹ Труба А. Н. Указ. соч. С. 25.

системой. В частности, А. Н. Труба в системе субъективного гражданского права выделяет цель, состав и структуру¹.

В науке гражданского права и теории права в целом направленность субъективного права неразрывно связана с категориями «воля» и «интерес». К примеру, Д. И. Мейер, будучи представителем теории воли, рассматривает право как меру свободы, предоставляемую человеку в рамках общественной жизни. Эта мера определяет, какие действия разрешены ему, а какие запрещены, устанавливая тем самым рамки поведения². В схожем аспекте А. А. Рождественский определяет субъективное право как юридическую силу, позволяющую человеку управлять вещами и действиями других³.

Основоположником волевой теории стал Б. Виндшейд, который считал, что субъективное право – это предоставленное правовым порядком господство воли или волевая власть⁴. Н. И. Уздимаева и А. С. Козуров, анализируя волевую теорию Б. Виндшейда, обращают внимание на то, что, согласно его позиции, субъективное право характеризует собой свободу управомоченного лица на собственные действия⁵. Следовательно, главный признак субъективного права – свобода воли, дозволенная законом и правопорядком⁶.

С умозаключением Б. Виндшейда был не согласен Р. фон Иеринг, который считал, что концепция субъективного права базируется на категории «интерес». Он полагал, что субъективное право можно определить как юридически обеспеченный интерес⁷. Автор настаивал на том, что интерес выступает в качестве практического основания права в его субъективном измерении. Поддерживает данную концепцию субъективного права Ю. С. Гамбаров. По его мнению, «воля без отношения к благу, на которое

¹ См.: Труба А. Н. Указ. соч. С. 46.

² Мейер Д. И. Указ. соч. С. 253.

³ Рождественский А. А. Теория субъективных публичных прав: критико-систематическое исследование. Ч. 1. М.: печ. А. И. Снегиревой, 1913. С. 23.

⁴ См.: Виндшейд Б. Учебник пандектного права: в 2 т. Т. 1. Общая часть. СПб.: Гиероглифов и Никифоров, 1874. С. 108.

⁵ Уздимаева Н. И., Козуров А. С. Субъект права: основные подходы к пониманию // Контентус. 2020. № 4. С. 138.

⁶ См.: Виндшейд Б. Указ. соч. С. 108.

⁷ См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юрист, 2007. С. 35–36.

она направлена, дает только внешний признак права, не указывая на его внутренние моменты»¹.

Сторонником теории интереса в гражданском праве признан О. С. Иоффе, который рассматривал интерес как средство и содержание субъективного гражданского права². Например, Е. Я. Мотовиловкер утверждает, что «любое субъективное право представляет собой ... право лица на удовлетворение своего интереса, осуществляемого определенным поведением обязанного или управомоченного. ... смысл, содержательность, целевая направленность поведенческого акта, осуществляющего субъективное право, однозначно обуславливается определенностью интереса управомоченного»³. С. А. Муромцев пишет: «Каждая юридическая норма представляет собой средство, назначение которого состоит в защите какого-либо гражданского интереса, в обеспечении удовлетворения какой-либо гражданской потребности. Каждое правовое отношение (право в субъективном смысле) есть защищенный юридическим образом интерес»⁴.

Возражая сторонникам теории интереса, А. В. Власова поясняет, что «субъективное право не содержит интерес в качестве элемента своего содержания. Ведь интерес и опосредствующее его удовлетворение субъективное право связаны друг с другом как цель и средство ее достижения, а цель никогда не может служить составной частью средства, которое по отношению к цели имеет вид некоторого внешнего наличного бытия»⁵. Юридическое признание субъекта управомоченным лицом не зависит от того, есть ли у него личный интерес к своему праву. В. А. Тархов справедливо полагает, что, если бы для реализации и защиты права требовалось доказывать и наличие права, и наличие интереса, это бы противоречило сути нашего правопорядка⁶. В сущности, удовлетворение интереса служит доказательством того,

¹ Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. Лекции, читанные в Московском университете. М.: лит. О-ва распространения полезных книг, 1897–1898. С. 456.

² См.: Иоффе О. С. Указ. соч. С. 84–85.

³ Мотовиловкер Е. Я. Интерес как сущностный момент субъективного права (цивилистический аспект) // Правоведение. 2003. № 4. С. 52.

⁴ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 40.

⁵ Власова А. В. Структура субъективного гражданского права. Ярославль: ЯрГУ, 1998. С. 15.

⁶ См.: Тархов В. А. Гражданское правоотношение: монография. Уфа: УВШ МВД РФ, 1993. С. 57.

что субъективное гражданское право осуществлено, а его составляющие (правомочия) приведены в действие.

Дальнейшая полемика о целевой направленности субъективного права стала развиваться в направлении господства примирительной точки зрения. Как правильно указал А. И. Елистратов, «в понятии субъективного права теперь известным образом сочетаются оба момента – воли и интереса»¹. По мнению Г. Еллинека, «субъективное право есть благо или интерес, защищенные правовым признанием господства человеческой воли. Господство воли образует формальный, благо или интерес – материальный элемент в субъективном праве»².

Большинство цивилистов также примкнули к третьей концепции. Например, В. И. Синайский, анализируя современные теории субъективного права, приходит к выводу о том, что наиболее удачным будет соединение воли и интереса в одно понятие: «Субъективное право есть власть лица (в этом существе субъективного права), направленная на удовлетворение признанного интереса (в этом его содержание)»³. Подобного мнения поддерживался и Г. Ф. Шершеневич⁴.

О. Ю. Селиванова под субъективным правом предлагает «понимать принадлежащую управомоченному субъекту в целях удовлетворения его интересов индивидуально-конкретную, властную меру (вид, объем и т. п.) дозволенного (возможного) поведения, обеспеченную соответствующими юридическими обязанностями других участников правоотношений, а также средствами и методами экономического и политического, организационного и идеологического, нравственного и юридического, технического и т. п., государственного и негосударственного воздействия»⁵. Т. В. Дерюгина считает, что основной движущей силой субъективного права выступают свобода воли и наличие интереса⁶.

¹ Елистратов А. И. Понятие о публичном субъективном праве. М.: печ. А. И. Снегиревой, 1913. С. 5.

² Там же.

³ Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. С. 57–58.

⁴ См.: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Спарк, 1995. С. 156.

⁵ Селиванова О. Ю. Субъективное право: сущность, структура, ценность: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 8.

⁶ См.: Дерюгина Т. В. Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 9.

В научной литературе бытует и мнение о том, что в основе субъективного права находится не столько воля или интерес как таковые, сколько *предоставленная юридически активная возможность действовать для их реализации*. С этим мнением сложно согласиться. Субъективное право предусматривает не только право на совершение действий (собственных или действий других лиц), но и, что более важно, *право на использование различных благ (материальных и нематериальных)*, удовлетворение социальных потребностей, участие в политической жизни и государственном управлении, а также доступ к общественным ценностям. Иными словами, с материальной стороны субъективное право всегда означает *возможность пользоваться определенными социальными благами*, а не просто допустимое поведение, которое служит лишь средством для достижения этих благ.

Итак, мнения ученых в целевой направленности субъективного гражданского права расходятся. На наш взгляд, воля и интерес в субъективном праве являются взаимодополняющими, а не взаимоисключающими категориями. Связь между правом и властью фундаментальна. Предоставление юридической нормой сферы внешней свободы для реализации интереса предполагает наличие у субъекта соответствующей власти. Эта власть необходима для управления объектом интереса и воздействия на других лиц. Государство наделяет уполномоченное лицо правом требовать определенного поведения, предоставляет ему возможность обращаться за защитой при невыполнении требований¹. Защита интереса одного лица может

¹ Камышанский В. П. Институционализация правового обеспечения гражданского оборота в условиях незаконных международных санкций // Власть Закона. 2022. № 4 (52). С. 15; Камышанский В. П. Проблемы права и справедливости в контексте институционализации интересов предпринимателей (колонка редактора) // Власть Закона. 2018. № 2. С. 14; Ашихотов А. В., Мантул Г. А. Защита деловой репутации корпораций // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых исследователей (Краснодар, 14 ноября 2023 г.) / отв. ред. В. П. Камышанский. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, КубГАУ, 2024. С. 50; Серая Н. А. Актуальные аспекты правоприменительной практики в сфере строительства: процедура обжалования положительного заключения экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: история и современность: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых ученых (Краснодар, 13

быть обеспечена через возложение обязанностей на других, даже если эти обязанности не коррелируют с субъективным правом защищаемого лица. В таких случаях уполномоченное лицо не нуждается в собственной власти, поскольку его действия не требуют самостоятельности. Однако, независимо от конкретной ситуации, наличие субъективного права всегда подразумевает предоставление субъекту определенной сферы свободы и власти для самостоятельного осуществления его интересов.

Возвращаясь к праву удержания, необходимо ответить на вопрос о том, в чем именно выражен интерес кредитора. Так, А. Н. Труба полагает, что интерес кредитора в рамках права удержания характеризуется как экономический. Автор считает, что владение удерживаемой вещью уже обособляет ее с конкретной целью: служить имущественной гарантией в случае отказа должника от исполнения обязательства, обеспечивая это обязательство в пределах стоимости конкретного предмета удержания¹.

На наш взгляд, интерес кредитора в рамках права удержания имеет двоякую субстанцию. Если речь идет о простом удержании вещи (дефензивном удержании) как мере обеспечения, интерес кредитора проявляется прежде всего в стимулировании должника к надлежащему исполнению обязательства. Изначально кредитор ждет от должника выполнения прямых взятых на себя обязательств. При достижении этих целей кредитор заинтересован, во-первых, выделить удерживаемое имущество из общей массы активов должника для упрощения процедуры взыскания; во-вторых, обеспечить сохранность имущества как реального обеспечения его требований. Другими словами, с момента возникновения условия для удержания (неисполнение должником обеспеченного обязательства при наличии у кредитора вещи) у кредитора появляется особое полномочие – удерживать чужую вещь. И полномочие охраняется законом: должник не может истребовать вещь, пока не исполнит свою обязанность. Как только должник исполнит обязательство, интерес кредитора исчезает в удержании вещи. Как верно утверждает Б. М. Гонгалло, «удержание стимулирует должника к исполнению своих обязательств весьма эффективно – удовлетворение интересов

ноября 2019 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2020. С. 262.

¹ Труба А. Н. Указ. соч. С. 49.

должника находится в прямой зависимости от исполнения им своих обязанностей»¹.

Но, если должник не исполнит обязательство, то у кредитора возникает интерес получить материальную выгоду за счет реализации удерживаемого имущества должника. Дополним, что «кредитор психологически склонен при наличии к тому фактической возможности использовать против неисправного должника такую меру, как удержание его имущества. Кроме того, удержание обеспечивает защиту интересов кредитора в случае, если должник окажется неплатежеспособным»².

Таким образом, целевая направленность права удержания заключается, во-первых, в стимулировании должника к надлежащему исполнению обязательства (первоначальный интерес); во-вторых, в получении материальной выгоды от реализации имущества (дополнительный интерес). Первоначальный интерес существует всегда, а дополнительный – носит второстепенный характер и возникает лишь в случае уклонения должником от исполнения обязательства.

Библиографический список

1. *Ашхотов А. В., Мантул Г. А.* Защита деловой репутации корпораций // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых исследователей (Краснодар, 14 ноября 2023 г.) / отв. ред. В. П. Камышанский. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, КубГАУ, 2024. С. 50–54.
2. *Буянов Ю. Г.* Правовая природа содержания гражданского правоотношения как разновидности правового отношения // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1. С. 111–116.
3. *Виндшейд Б.* Учебник пандектного права: в 2 т. Т. 1. Общая часть. СПб.: Гиероглифов и Никифоров, 1874. 375 с.
4. *Витрук Н. В.* К вопросу об объективном и субъективном в праве и о понятиях «объективное право» и «субъективное право» // Вопросы советского государства и права. 1966. Т. 183. С. 3–10.

¹ Гонгало Б. М. Обеспечение исполнения обязательств. М.: Спарк, 1999. С. 37.

² Гонгало Б. М. Указ. соч. С. 37.

5. *Власова А. В.* Структура субъективного гражданского права. Ярославль: ЯрГУ, 1998. 116 с.
6. *Гамбаров Ю. С.* Гражданское право. Общая часть. Лекции, читанные в Московском университете. М.: лит. О-ва распространения полезных книг, 1897–1898. 766 с.
7. *Гонгало Б. М.* Обеспечение исполнения обязательств. М.: Спарк, 1999. 152 с.
8. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
9. *Дерюгина Т. В.* Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010. 39 с.
10. *Елистратов А. И.* Понятие о публичном субъективном праве. М.: печ. А. И. Снегиревой, 1913. 21 с.
11. *Иоффе О. С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды: в 4 т. Т. 1. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 574 с.
12. *Иоффе О. С., Шаргородский М. Д.* Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
13. *Камышанский В. П.* Институционализация правового обеспечения гражданского оборота в условиях незаконных международных санкций // Власть Закона. 2022. № 4 (52). С. 15–21.
14. *Камышанский В. П.* Проблемы права и справедливости в контексте институционализации интересов предпринимателей (колонка редактора) // Власть Закона. 2018. № 2. С. 14–20.
15. *Серая Н. А.* Актуальные аспекты правоприменительной практики в сфере строительства: процедура обжалования положительного заключения экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: история и современность: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых ученых (Краснодар, 13 ноября 2019 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2020. С. 262–266.
16. *Киселева О. В.* Способы осуществления субъективных гражданских прав // Студенческий вестник. 2021. № 37-1 (182). С. 70–71.

17. *Кравченко А. А.* Субъективное гражданское право: история развития понятия в цивилистической доктрине // Грамота. 2015. № 6 (56). Ч. 1. С. 101–106.
 18. *Ланцова С. С.* Субъективные гражданские права в гражданском праве России // Форум молодых ученых. 2017. № 5 (9). С. 1227–1230.
 19. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. М.: Статут, 2003. 829 с.
 20. *Мотовиловкер Е. Я.* Интерес как сущностный момент субъективного права (цивилистический аспект) // Правоведение. 2003. № 4. С. 52–62.
 21. *Муромцев С. А.* Определение и основное разделение права. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 224 с.
 22. *Певзнер А. Г.* Понятие и виды субъективных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961. 242 с.
 23. *Рождественский А. А.* Теория субъективных публичных прав: критико-систематическое исследование. Ч. 1. М.: печ. А. И. Снегиревой, 1913. 300 с.
 24. *Сарбаш С. В.* Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств. М.: Статут, 2003. 251 с.
 25. *Селиванова О. Ю.* Субъективное право: сущность, структура, ценность: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 155 с.
 26. *Синайский В. И.* Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 636 с.
 27. *Скоробогатова В. В.* Некоторые аспекты соотношения правоспособности и субъективного гражданского права // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 3 (48). С. 88–90.
 28. *Суханов Е. А.* Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. 956 с.
 29. *Тархов В. А.* Гражданское правоотношение: монография. Уфа: УВШ МВД РФ, 1993. 121 с.
 30. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юрист, 2007. 776 с.
 31. *Толстой Ю. К.* К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959. 88 с.
 32. *Труба А. Н.* Субъективное право удержания и пределы его осуществления: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 203 с.
 33. *Трубецкой Е. Н.* Энциклопедия права: издание по запискам студентов. Киев: С. И. Иванов и К°, 1906. 182 с.
-

34. *Уздимаева Н. И., Козуров А. С.* Субъект права: основные подходы к пониманию // *Контентус*. 2020. № 4. С. 135–143.

35. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Спарк, 1995. 556 с.

36. *Южанин Н. В.* Удержание как способ обеспечения исполнения обязательств: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2001. 213 с.

37. *Якушина Л. Н.* Удержание в системе способов обеспечения обязательств: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. 202 с.

Раздел

**Трибуна
молодого ученого**

Б. Д. Багаев

студент 4-го курса юридического факультета
Кубанского государственного университета
Россия, г. Краснодар
baga-06@inbox.ru

**БАЛАНС СОЦИАЛЬНЫХ И КОММЕРЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ:
ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ**

**BALANCING SOCIAL AND COMMERCIAL GOALS
IN THE OPERATION OF A SOCIAL ENTERPRISE:
LEGAL CONSTRAINTS AND OPPORTUNITIES**

В статье исследован правовой режим социального предприятия через соотношение социальной миссии и коммерческого результата. Цель работы состоит в выявлении пределов предпринимательской свободы субъекта, претендующего на публичную поддержку ввиду социально полезной направленности деятельности. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и доктринальный методы. Обосновано утверждение о том, что действующее регулирование закрепляет статусную модель, ориентированную на подтверждение признаков социального предприятия, но не формирует самостоятельного режима управления прибылью, раскрытия социального эффекта и публичной отчетности. Автор предлагает разграничить критерии получения статуса, правила последующего контроля и стандарты оценки социального результата.

Ключевые слова: социальное предприятие, социальное предпринимательство, предпринимательская свобода, социальная миссия, прибыль, государственная поддержка, отчетность, социальный эффект, правовой режим, публичный контроль.

This article examines the applicability of the separate settlement. The article examines the legal regime of a social enterprise by analyzing the relationship between its social mission and commercial outcome. The purpose of the research is to define the limits of entrepreneurial freedom for an entity seeking public support based on the socially beneficial nature of its activities. Formal legal, comparative

legal, systemic and doctrinal methods are applied. The author argues that current regulation establishes a status-based model focused on verifying the characteristics of a social enterprise but fail to create a distinct regime for profit management, social impact disclosure and public reporting. The article proposes to distinguish criteria for obtaining status, subsequent control rules and standards for evaluating social outcomes.

Keywords: social enterprise, social entrepreneurship, entrepreneurial freedom, social mission, profit, public support, reporting, social impact, legal regime, public control.

Социальное предпринимательство в российском праве находится на границе частноправовой автономии и публичного интереса. Субъект малого или среднего предпринимательства сохраняет коммерческую природу, самостоятельно выбирает организационно-правовую форму, заключает сделки, несет предпринимательский риск и получает доход. Одновременно признание его социальным предприятием связывают с деятельностью, направленной на достижение общественно полезного результата, указанного в ст. 24.1 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ¹. Такое сочетание порождает правовую проблему: чем активнее предприятие использует рыночные способы получения прибыли, тем выше потребность в гарантиях сохранения социальной направленности; чем жестче публичный контроль, тем сильнее риск подмены предпринимательской модели административной отчетностью.

Предмет исследования составляет правовое соотношение коммерческой цели и социальной миссии в деятельности социального предприятия. Цель работы сводится к определению пределов извлечения прибыли, допустимых механизмов ее использования и правовых средств предотвращения утраты социальной направленности. Для достижения указанной цели решаются следующие задачи: выявить признаки социального предприятия по российскому законодательству, сопоставить отечественную модель с зарубежными подходами, рассмотреть научные позиции о природе социального предпринимательства,

¹ О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 31. Ст. 4006.

установить пробелы регулирования, предложить юридические средства согласования экономической устойчивости и общественно полезного результата.

Методологическую основу исследования образуют формально-юридический анализ нормативных положений, сравнительно-правовой подход к зарубежным моделям, системное толкование норм о малом и среднем предпринимательстве, доктринальный анализ научных работ о правовой природе социального предпринимательства. Эмпирическую базу составляют положения Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ, приказа Минэкономразвития России от 29 ноября 2019 г. № 773, научные публикации, материалы OECD и Европейской комиссии, раскрывающие связь социального предпринимательства и механизмов оценки общественного результата¹.

Согласно российской модели социальное предприятие не выделено как самостоятельный вид юридического лица². Законодатель использует статусный подход: субъект малого или среднего предпринимательства сохраняет первоначальную организационную форму, но при соблюдении установленных критериев включается в перечень социальных предприятий. Такой подход отличается от моделей, в которых социальное предприятие имеет специальную корпоративную форму либо сертификационный режим. Преимущество российской конструкции состоит в сохранении свободы выбора организационно-правовой формы. Ее слабое место связано с тем, что статус социального предприятия закрепляется через подтверждение соответствия условиям, а не через детально разработанные правила внутреннего управления социальным результатом.

¹ Об утверждении Порядка признания субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием и Порядка формирования перечня субъектов малого и среднего предпринимательства, имеющих статус социального предприятия: приказ Минэкономразвития России от 29 ноября 2019 г. № 773 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102659928&ysclid=mu01tihfed218071817> (дата обращения: 20.04.2026).

² Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 131-132.

Научная дискуссия о природе социального предпринимательства построена вокруг трех подходов. Первый подход рассматривает социальное предприятие как разновидность коммерческого предпринимательства, отличающуюся целевой аудиторией, направлением поддержки и публичным признанием социально полезной деятельности¹. При таком понимании прибыль не противопоставлена социальной миссии: она выступает ресурсом продолжения деятельности. Второй подход сближает социальное предприятие с некоммерческими организациями, выделяя приоритет общественной пользы над рыночной эффективностью². Третий подход предлагает смешанную модель, при которой социальное предприятие располагается между коммерческим сектором, социально ориентированными некоммерческими организациями и публичными механизмами поддержки³.

Различие указанных подходов имеет практическое значение. Если социальное предприятие воспринимается преимущественно как коммерческий субъект, публичная поддержка нуждается в строгом обосновании, поскольку предоставление льгот хозяйствующему субъекту затрагивает конкуренцию. Если оно приравнивается к некоммерческому сектору, возникает риск необоснованного ограничения предпринимательской самостоятельности⁴. Смешанная модель более убедительна, поскольку она не отрицает прибыль, но связывает право на особые меры поддержки с доказуемым социальным результатом. Именно такая логика прослеживается в российском законодательстве, хотя она не доведена до уровня полноценного правового режима.

Нормативное закрепление социального предпринимательства в Федеральном законе от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ решило проблему легального признания соответствующей

¹ Мотуренко С. М. Правовое регулирование социального предпринимательства в России: основные проблемы // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). С. 207.

² Серова О. А. Социальное предпринимательство: выбор организационно-правовой формы // Гражданское право. 2019. № 2. С. 12.

³ Гришина Я. С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: монография. М.: Юриспруденция, 2016. С. 35.

⁴ Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. 2004. № 5. С. 5.

деятельности, но не сняло вопрос о соотношении социальной миссии и коммерческой цели. Статья 24.1 предусматривает категории граждан, направления товаров, работ и услуг, условия трудоустройства отдельных групп, долю доходов и иные критерии, позволяющие отнести субъект к социальным предприятиям¹. Приказ Минэкономразвития России от 29 ноября 2019 г. № 773 детализирует порядок признания и формирования перечня². Данные нормы ориентированы на допуск к статусу; правила последующего поведения после его получения раскрыты гораздо слабее.

При этом возникает основной предмет научной полемики. Одни авторы считают, что достаточным способом контроля служат ежегодное подтверждение соответствия критериям и представление установленного пакета документов. Сторонники другой позиции связывают устойчивость социального предпринимательства с более строгой моделью отчетности, при которой отражены не только доходы и виды деятельности, но и измеримый общественный результат³. Представляется, что формальное подтверждение статуса без оценки фактического результата не устраняет риска имитации социальной деятельности. Предприятие формально сохраняет признаки социального субъекта, но общественная польза его работы остается неочевидной.

Вопрос о прибыли требует особой точности. Российское законодательство не содержит общего запрета на извлечение прибыли социальным предприятием и не устанавливает универсальной обязанности реинвестировать определенную долю дохода во все социальные проекты. Поэтому утверждение о полном подчинении прибыли социальной миссии нуждается в

¹ О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 31. Ст. 4006.

² Об утверждении Порядка признания субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием и Порядка формирования перечня субъектов малого и среднего предпринимательства, имеющих статус социального предприятия: приказ Минэкономразвития России от 29 ноября 2019 г. № 773 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102659928&ysclid=mu01tihfed218071817> (дата обращения: 20.04.2026).

³ Мельник Е. Н. Критерии и организационно-правовые формы социального предпринимательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 1. С. 65.

корректировке. Более справедливым видится утверждение о том, что коммерческий результат допустим при сохранении признаков социального предприятия и подтверждении соответствия критериям, указанным в законе. Прибыль правомерна, пока она не превращает социальную составляющую в формальную оболочку коммерческого проекта.

Доктрина предлагает разные способы решения обсуждаемой проблемы. Одни исследователи настаивают на закреплении специальных ограничений распределения прибыли, ориентируясь на зарубежные модели *benefit corporations*, *community interest companies* и социальных кооперативов¹. Другие указывают, что прямое копирование иностранных конструкций способно вступить в противоречие с российской системой юридических лиц и создать неоправданную фрагментацию организационных форм². Более сбалансированным видится путь функционального регулирования: вводят не новые формы организаций, а правила раскрытия социальной цели, подтверждения результата, контроля использования мер поддержки и ответственности за недостоверные сведения.

Социальная миссия в предпринимательском праве не совпадает с благотворительностью. Она выражена не в безвозмездной передаче имущества, а в производстве товаров, выполнении работ, оказании услуг, трудоустройстве отдельных категорий граждан, создании условий для социальной интеграции. Из этого вытекает отличие социального предприятия от классической коммерческой организации, то есть общественный результат входит в основание получения специального статуса. Отличие от некоммерческой организации прослеживается в том, что предпринимательская деятельность для социального предприятия не вспомогательна, а составляет экономический механизм достижения заявленного результата.

Проблема коммерциализации проявляется в ситуации, в которой социальный статус используют как репутационный и финансовый ресурс, а основная деятельность постепенно смещается в направлении максимизации дохода. Такой риск усиливается при недостатке критериев социального эффекта. В

¹ Гришина Я. С. Сравнительно-правовое исследование социального предпринимательства в странах Америки и Европы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2 (16). С. 112.

² Серова О. А. Указ. соч. С. 12.

результате государственную поддержку предоставляют не всегда субъектам, которые дают наибольший общественный результат. Для снижения указанного риска требуется разграничить четыре уровня правового контроля: получение статуса; ежегодное подтверждение соответствия; раскрытие социальных результатов; последствия несоответствия заявленной миссии фактической деятельности.

Первый уровень контроля связан с критериями признания социальным предприятием. Они закреплены законом и подзаконным актом, поэтому обеспечивают минимальную определенность для заявителя. Второй уровень выражен в обновлении перечня социальных предприятий и проверке документов. Третий уровень пока развит недостаточно: показатели социального результата не образуют единой методики, пригодной для сопоставления деятельности различных субъектов. Четвертый уровень требует более четкой регламентации последствий недостоверного подтверждения социальной деятельности, включая возврат мер поддержки и исключение из перечня.

Среди зарубежных подходов наблюдается тенденция к оценке не только юридического статуса, но и фактического общественного эффекта. Европейская комиссия связывает развитие социальной экономики с доступом к финансированию, государственным закупкам, поддержкой инноваций и распространением прозрачных практик отчетности¹. OECD обращает внимание на сочетание консультационной, финансовой и организационной поддержки, а в новых материалах о социальной экономике отражено значение национальных стратегий, внешней оценки и измеримых показателей результата². Для российского регулирования ценным является не механическое заимствование терминологии, а перенос идеи проверяемости социального результата.

Между тем зарубежный опыт требует осторожного применения. Европейские правовые порядки опираются на иную

¹ Building an economy that works for people: an action plan for the social economy (Brussels, 2021) // European Commission. URL: https://www.eerstekamer.nl/bijlage/20211209/com_2021_778_communication_from_document3/f=/v1ollwdzilcw.pdf (дата обращения: 15.04.2026).

² Social Economy in Europe // OECD. December 5, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/social-economy-in-europe_3432de93-en.html (дата обращения: 15.04.2026).

структуру социального сектора, развитую практику социального инвестирования, долгую историю кооперативов и фондов взаимопомощи. Российская модель строится вокруг малого и среднего предпринимательства, региональной инфраструктуры поддержки и реестрового подтверждения статуса. Поэтому заимствование специальных корпоративных форм без учета национальной системы юридических лиц представляется нежелательным. Предпочтительнее совершенствовать действующую статусную модель через процедурные и отчетные инструменты.

Значение научной дискуссии сводится к тому, что она выявляет противоречие между двумя правовыми ценностями: свободой предпринимательства и публичной достоверностью социального статуса. Предпринимательская свобода предполагает самостоятельный выбор хозяйственных решений, ценовой политики, контрагентов, способов продвижения товаров и услуг. Публичная достоверность требует, чтобы особый статус не превращался в декларацию, оторванную от результатов деятельности. Баланс достигается не запретом прибыли, а обязанностью подтверждать связь полученных преимуществ с общественно полезным результатом.

Судебная практика по спорам о статусе социального предприятия пока не сформировала развитой системы правовых позиций. Это можно объяснить относительной новизной института и административным характером процедуры включения в перечень. Отсутствие устойчивых судебных ориентиров повышает значение нормативной ясности. Чем точнее закреплены критерии, документы, показатели результата и основания отказа, тем ниже вероятность произвольного подхода при рассмотрении заявлений и предоставлении поддержки.

В научной литературе обращено внимание на то, что критерии социального предпринимательства не сводятся к объекту деятельности. Они включают в себя целевую группу, способ удовлетворения общественной потребности, устойчивость экономической модели, социальную направленность дохода и организационные гарантии¹. Изложенная позиция представляется продуктивной для юридического анализа, поскольку позволяет уйти от формулы «социальная сфера равна социальному

¹ Волкова М. С. Понятие социального предпринимательства и его критерии // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 9. С. 39.

предпринимательству». Не всякая деятельность в социальной сфере имеет предпринимательскую природу, и не всякий предпринимательский проект, направленный на социально чувствительный рынок, заслуживает специальной поддержки.

Отдельно рассмотрим проблему соотношения социального предприятия и государственного задания. Социальное предпринимательство не подменяет публичные обязанности государства, а дополняет их через рыночный механизм предоставления услуг, занятости и интеграции. Если государство переносит на социальные предприятия часть социальной нагрузки, оно обязано обеспечить предсказуемые правила доступа к поддержке. Если предприятие получает поддержку, оно принимает на себя повышенную обязанность подтверждать социально полезный результат. Взаимность указанных обязанностей способна стать основой более зрелой модели регулирования.

Правовой режим отчетности следует строить дифференцированно. Для микропредприятий чрезмерная отчетная нагрузка снижает экономическую устойчивость. Для субъектов, получающих крупные гранты, субсидии, льготное имущество или доступ к закупкам, оправдан расширенный набор требований: раскрытие целевой группы, показателей охвата, структуры доходов, направлений расходования средств, итогов работы с благополучателями. Такой подход не вводит административное давление для всех субъектов, но усиливает контроль в случаях, если публичный ресурс используют в значительном объеме.

Дискуссионным остается вопрос о reinvestировании прибыли. Универсальная обязательная доля reinvestирования выглядела бы простой, но не всегда справедливой. В разных сферах различаются маржинальность, сезонность, капитальные расходы, потребность в оборудовании, стоимость персонала. Фиксированная доля способна ухудшить положение молодых предприятий и проектов в трудозатратных сферах. Более гибким решением выступает обязанность указывать в учредительных или внутренних документах политику распределения дохода, связанную с заявленной социальной миссией и последующим раскрытием исполнения такой политики.

Данная модель помогает сохранить коммерческую мотивацию, не превращая социальное предприятие в квазинекоммерческую организацию. Вместе с тем она затрудняет

злоупотребления: предприятие заранее учитывает, какие действия считать вкладом в социальную миссию, и затем подтверждает их документально. В качестве этих действий допустимы создание рабочих мест для граждан из установленных категорий, льготное предоставление услуг, развитие доступной среды, обучение персонала, приобретение оборудования для работы с целевыми группами, расширение географии социальных услуг.

Нуждается в развитии система ответственности за несоответствие заявленного статуса фактической деятельности. Исключение из перечня социальных предприятий не всегда будет достаточным, поскольку субъект уже мог получить субсидию, грант, имущественную поддержку либо иные преимущества. Правовое регулирование следует дополнить основаниями возврата мер поддержки при недостоверных сведениях или использовании статуса вопреки заявленной цели. При этом санкции должны зависеть от характера нарушения: техническая ошибка в документах не равна сознательному искажению сведений о социальной деятельности.

Представляется целесообразным закрепить три группы показателей социального результата. Первая группа отражает количественные данные, то есть количество трудоустроенных лиц из установленных категорий, количество оказанных услуг, долю доходов по социальному направлению. Вторая группа показывает качество результата, в частности устойчивость занятости, доступность услуг, снижение барьеров для целевой группы. Третья группа раскрывает организационные гарантии, в том числе наличие внутренней политики социальной миссии, процедуры рассмотрения обращений благополучателей, открытость отчетной информации. Такая система позволит уйти от оценки лишь по формальным критериям.

Вопрос о конкуренции требует отдельного рассмотрения. Поддержка социального предприятия допустима при наличии публично оправданной цели. Если две организации оказывают сходные услуги, а льготу предоставляют лишь одной из них ввиду статуса социального предприятия, у государства возникает обязанность доказать связь льготы с общественным результатом. Поэтому критерии социального статуса должны быть не только социально ориентированными, но и конкурентно нейтральными. Они не должны создавать преимущество субъекту, который фактически действует как обычная коммерческая организация.

С учетом изложенного предлагаем рассматривать баланс социальных и коммерческих целей как правовое состояние, при котором предприятие вправе получать прибыль, но право на специальный статус и поддержку сохраняется лишь при доказуемой связи хозяйственной деятельности с общественно полезным результатом. Данное состояние не возникает автоматически после включения в перечень. Оно требует последующего подтверждения через документы, отчетность, внутренние правила распределения дохода и показатели эффекта.

Для совершенствования законодательства предлагаем внести изменения в регулирование социального предпринимательства по четырем направлениям. Во-первых, в ст. 24.1 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ следует закрепить обязанность раскрытия социального результата для субъектов, получающих меры государственной поддержки. Во-вторых, в подзаконном порядке нужно установить примерный перечень показателей такого результата с учетом размера предприятия и вида поддержки. В-третьих, целесообразно предусмотреть внутреннюю политику социальной миссии как документ, подтверждающий связь прибыли с общественно полезной деятельностью. В-четвертых, требуется регламентировать последствия недостоверных сведений и нецелевого использования мер поддержки.

Практическое значение предложений состоит в повышении предсказуемости статуса социального предприятия для предпринимателей, органов поддержки и инвесторов. Предприниматель получает понятные критерии поведения после включения в перечень, орган публичной власти – инструменты оценки фактического результата, а инвестор и потребитель – больше оснований доверять социальному статусу. Теоретическое значение заключается в уточнении природы социального предприятия как субъекта, который не утрачивает коммерческую природу, но действует в режиме повышенной публичной отчетности.

По итогам исследования можно сформулировать ряд выводов. Российское право закрепляет социальное предприятие как статус субъекта малого или среднего предпринимательства, а не как самостоятельную организационно-правовую форму. Прибыль социального предприятия не противоречит социальной миссии, если экономический результат служит устойчивости общественно полезной деятельности и не вытесняет признаки, на

которых основан специальный статус. Главная проблема регулирования состоит не в отсутствии запрета на прибыль, а в недостатке правил оценки социального эффекта, раскрытия доходов, внутреннего распределения ресурсов и последующего контроля. Развитие правового режима должно происходить через уточнение отчетности, критериев результата и ответственности за недостоверное подтверждение социального статуса, а не через механическое перенесение зарубежных корпоративных моделей.

Библиографический список

1. Волкова М. С. Понятие социального предпринимательства и его критерии // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 9. С. 39–48.
2. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
3. Гришина Я. С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: монография. М.: Юриспруденция, 2016. 421 с.
4. Гришина Я. С. Сравнительно-правовое исследование социального предпринимательства в странах Америки и Европы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2 (16). С. 111–121.
5. Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. 2004. № 5. С. 5–7.
6. Мельник Е. Н. Критерии и организационно-правовые формы социального предпринимательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 1. С. 64–70.
7. Мотуренко С. М. Правовое регулирование социального предпринимательства в России: основные проблемы // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). С. 207–210.
8. Серова О. А. Социальное предпринимательство: выбор организационно-правовой формы // Гражданское право. 2019. № 2. С. 11–15.

В. Ю. Бажутин
адъюнкт Академии управления МВД России
Россия, г. Москва
vadim_b79@icloud.com

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАБОТЫ МИЛИЦИИ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В РАМКАХ ОПЕРАЦИИ «ЗАБОТА»
В 1974–1979 ГГ.**

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE WORK
OF THE MILITIA AND PUBLIC ORGANIZATIONS WITH MINORS
WITHIN THE FRAMEWORK OF THE OPERATION “ZABOTA”
("CARE") IN 1974–1979**

Настоящее исследование нацелено на определение правовой основы и выявление организационных особенностей операции «Забота» как формы совместной деятельности органов внутренних дел и общественных организаций по работе с несовершеннолетними во второй половине 70-х гг. XX в. Теоретико-методологической основой выступает анализ нормативно-правовых актов СССР, а также документов из архивных фондов Челябинской и Новгородской областей. Результаты исследования показывают, что операция «Забота» прошла путь становления от узкопрофилактической и разовой до комплексной и всесоюзной, имела два взаимосвязанных аспекта: 1) организацию работы милиции с несовершеннолетними; 2) вовлечение несовершеннолетних и общественности в охрану общественного порядка. Операция продемонстрировала смену административно-репрессивной парадигмы в работе милиции с несовершеннолетними в направлении объединения усилий разных ведомств в целях эффективной деятельности, способствовала повышению уровня правосознания и правового воспитания подростков, развитию правового и организационного обеспечения работы милиции с несовершеннолетними. Данный опыт может быть востребован в современных условиях, при совершенствовании системы профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: операция «Забота», межведомственное взаимодействие, органы внутренних дел, милиция, ВЛКСМ, организационно-правовые аспекты, архивные документы, региональная специфика, Челябинская область, Новгородская область.

This study aims to define the legal framework and identify the organizational characteristics of Operation "Zabota" (Care)—a form of joint activity between internal affairs agencies and public organizations regarding work with minors during the second half of the 1970s. The theoretical and methodological basis of the study is an analysis of USSR regulatory legal acts and documents from the archival collections of the Chelyabinsk and Novgorod regions. The findings indicate that Operation "Zabota" evolved from a narrowly focused, one-off preventive measure into a comprehensive, nationwide initiative. It encompassed two interconnected aspects: 1) the organization of police work with minors; and 2) the involvement of minors and the general public in maintaining public order. The operation demonstrated a shift away from the administrative-repressive paradigm of police work with minors toward a model of inter-agency cooperation aimed at greater effectiveness; it also contributed to raising the level of legal awareness and legal education among adolescents and to developing the legal and organizational framework for police work with minors. This experience remains relevant today for improving the system of preventing child neglect and juvenile delinquency.

Keywords: operation "Zabota" ("Care"), interdepartmental interaction, internal affairs bodies, militia, komsomol, organizational and legal aspects, archival documents, regional specificity, Chelyabinsk region, Novgorod region.

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних – сложное межотраслевое явление. Современные исследователи, рассматривая вопросы организационно-правового взаимодействия между правоохранительной системой и иными органами государства, общественными организациями, все чаще обращаются к успешному в данном контексте опыту СССР. Одной из целей научного поиска является ответ на вопрос, какую часть исторического опыта и в каком виде необходимо перенять в существующих реалиях.

Как пишут в своем М. А. Куклина и С. Е. Гасумова¹, организационные формы, отработанные милицией и комсомолом в 70-е гг. XX в. (персонализированное наставничество, проведение спортивных мероприятий, организация «клубов выходного дня», трудоустройство несовершеннолетних, вышедших из колоний, и др.), могут быть использованы и сегодня для профилактики противоправного поведения подростков. Кроме того, в научной и учебной литературе утверждается, что исследование защиты прав и законных интересов граждан, в том числе несовершеннолетних, требует комплексного подхода².

Поэтому представляется продуктивным изучение опыта операции «Забота», проводимой в 1974–1980 гг., как наиболее масштабного мероприятия в данной сфере. Для указанного периода она представляла собой новую, имевшую всесоюзный масштаб форму взаимодействия милиции, других государственных органов и общественных организаций в работе с несовершеннолетними, поскольку силами одного ведомства организовать проведение и достижение поставленных целей по предотвращению подростковой преступности было невозможно.

В процессе исследования проанализированы научные публикации, посвященные вопросам совершенствования форм работы милиции с несовершеннолетними во второй половине 70-х гг. XX в. Изучены научные статьи, опубликованные с 2000-х гг. по настоящее время, авторы которых раскрывали вопросы организации работы милиции с несовершеннолетними в советский период, а также взаимодействия милиции с иными государственными органами и общественными организациями при охране общественного порядка. Обзор научных публикаций показал, что исследователи преимущественно обращаются к вопросам деятельности милиции по предупреждению преступлений и борьбе с преступностью среди несовершеннолетних в первое десятилетие советской власти³, а

¹ Куклина М. А., Гасумова С. Е. Стоит ли возрождать советский опыт предупреждения девиантного поведения подростков? Взгляд экспертов // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23. № 3 (152). С. 53.

² Сурдина А. И. Принципы защиты прав детей: понятие, сущность и место в системе принципов российского права // Власть Закона. 2023. № 3 (55). С. 354; Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. 2024. С. 61–62.

³ Соколова В. И., Евдокимова А. Н., Андреев О. В. Социально-правовая защита подрастающего поколения в первое десятилетие советской власти (на

также в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.¹, уделяя внимание региональной специфике². В работах о взаимодействии милиции с государственными и общественными организациями рассмотрен период новой экономической политики (НЭП)³. Речь идет о привлечении населения к охране общественного порядка и борьбе с преступностью в 30–40-е гг.⁴, а также взаимодействии органов милиции, общественных организаций и населения в 1941–1945 гг.⁵ Ряд публикаций посвящен опыту взаимодействия милиции с общественными организациями в послевоенный период⁶.

Вместе с тем, как показывает анализ публикаций, организационно-правовые аспекты взаимодействия милиции и комсомольских организаций в рамках операции «Забота» в 70-е гг. XX в. до настоящего времени не были предметом самостоятельного

материалах Чувашской АССР) // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 146.

¹ Ляскина Н. В. Деятельность государственных органов и общественных организаций Приморского края по поддержке детских домов (1941–1945 гг.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 20–28 мая 2019 г.) / отв. ред. О. А. Шеломихин. Вып. 9. Ч. 1. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2019. С. 158; Кискидосова Т. А. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 146.

² Семенова И. Ю. Вклад Заволжского детского дома № 2 в ликвидацию беспризорщины в Чувашской АССР // Исторический поиск. 2021. Т. 2. № 4. С. 68.

³ Павлов А. Н. Взаимодействие органов милиции и общественных организаций по охране правопорядка в период новой экономической политики (историко-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 3 (31). С. 47; Камалова Г. Т. Взаимодействие милиции с органами правопорядка и общественными организациями в годы НЭП // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 9 (81). С. 15.

⁴ Мигущенко О. Н. Привлечение населения к охране общественного порядка и борьбе с преступностью в 30–40-е годы XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 14. С. 62.

⁵ Хайин С. В. Опыт взаимодействия милиции и населения в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 33; Кобец П. Н. Привлечение граждан для содействия работникам милиции по поддержанию правопорядка в период Великой Отечественной войны // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4 (47). С. 16.

⁶ Федин С. А. Из опыта взаимодействия милиции с общественными организациями в послевоенный период (на материалах Нижнего Поволжья) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 2 (27). С. 67; Орлов Д. В. Взаимодействие милиции и общества в советский период: опыт и перспективы его использования // Государственно-правовые исследования. 2018. № 1. С. 215.

исследования. Исключение составляют работы Д. А. Решмета, который на материалах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) реконструировал общесоюзные рамки операции и проследил ее эволюцию. Как пишет Д. А. Решмет¹, в 60-е гг. советское государство, не справляясь с ростом подростковой преступности (с 33 546 преступлений в 1962 г. до 70 837 в 1969 г.), было вынуждено делать ставку на карательно-репрессивные меры. В их числе – расширение сети детских воспитательных колоний, высылка подростков-тунеядцев в северные регионы, ужесточение режима в детских приемниках-распределителях. Однако такая политика оказалась неэффективной: переполненные колонии, массовые беспорядки (например, в Емцовской колонии в 1963 г.) и злоупотребления в учреждениях лишь усугубляли ситуацию. Именно осознание неэффективности репрессивной модели и необходимость поиска новых форм работы с «трудными» подростками привели к разработке в 1974 г. комплексной межведомственной операции «Забота», проводившейся до 1980 г. в разных регионах страны, а с 1975 г. получившей статус всесоюзной. В итоге она стала ежегодной совместной акцией МВД СССР и ЦК ВЛКСМ. На материалах РГАСПИ Д. А. Решмет реконструировал общесоюзные рамки операции и проследил ее становление от локальной инициативы МВД в 1974 г. до ежегодной всесоюзной акции².

Анализ историографии подтверждает, что проблема профилактики безнадзорности и преступности несовершеннолетних в позднесоветский период остается малоизученной. Как справедливо пишет А. Н. Сунгатуллин, из 78 научных работ, посвященных проблеме беспризорности и безнадзорности в СССР, лишь восемь (10,3 %) охватывают период после 1960 г.³ Данное обстоятельство определяет актуальность

¹ Решмет Д. А. Карательно-репрессивная политика в отношении несовершеннолетних в РСФСР в 60-е годы XX века // Современное общество и власть. 2018. № 4 (18). С. 19–20.

² Решмет Д. А. Комсомольская операция «Забота» как инструмент предупреждения асоциального поведения несовершеннолетних в СССР в 70-е годы // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2020. № 3 (28). С. 58.

³ Сунгатуллин А. Н. Историографический анализ беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних лиц в СССР как индикатор динамики социальной проблемы // Криминологическая политика и практика противодействия преступности (памяти профессора кафедры В. А. Уткина): сб. тр.

нашего исследования, основанного на ранее не введенных в научный оборот архивных материалах Челябинской и Новгородской областей. Несмотря на наличие общих работ в контексте темы, организационно-правовые аспекты взаимодействия милиции и комсомола в рамках операции «Забота», отраженные в архивных материалах, остаются предметом специального исследования, что и составляет научную новизну настоящей статьи.

Правовой основой для привлечения общественности и молодежи к охране общественного порядка стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 марта 1959 г. № 218 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране»¹, который регламентировал создание добровольных народных дружин и порядок их взаимодействия с милицией. Позднее в развитие положений этого акта принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 г.², определивший права и обязанности добровольных народных дружин (в том числе комсомольских) при взаимодействии с милицией. Эти нормативные документы составляли правовую основу деятельности по привлечению комсомольских молодежных формирований к содействию милиции. Упомянутые нормативные акты послужили основой для участия ВЛКСМ в проведении операции «Забота».

Анализ архивных документов в контексте современной историографии позволяет проследить, как в течение пяти лет (с 1974 по 1979 г.) операция «Забота» трансформировалась из разовой ведомственной инициативы во всесоюзное межведомственное мероприятие. Ее планирование и проведение в 1974 г. имело основания. Как утверждает И. В. Гребенщикова, анализируя деятельность милиции по охране общественного порядка в Свердловской области, несмотря на общие успехи в снижении уличной преступности в середине 1970-х гг., к концу десятилетия наблюдался рост правонарушений среди школьников

Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 27 марта 2025 г.). М.: Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2025. С. 406.

¹ Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране: указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 марта 1959 г. № 218 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1959. № 1-20.

² Об основных обязанностях и правах добровольных народных дружин по охране общественного порядка: указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1974. № 22. Ст. 326.

и работающей молодежи¹. При этом карательно-репрессивная политика работы с несовершеннолетними утратила эффективность. Дополнительным катализатором данного процесса стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 марта 1974 г. об условном освобождении около 14 тыс. несовершеннолетних, которых необходимо было срочно социализировать².

В таких условиях в Челябинске проведена первая операция «Забота» (с 10 августа по 10 октября 1974 г.). Одним из ее поводов был следующий инцидент. 16 августа 1974 г. в парке им. Ю. А. Гагарина произошла массовая драка между подростками, которую горком комсомола расценил как «результат слабого влияния... на организацию досуга молодежи»³.

В 1974 г. операция «Забота» носила выборочный характер. Согласно указанию МВД СССР от 23 июля 1974 г., ее проводили «одновременно в 11 союзных, 12 автономных республиках, 31 крае и области СССР с наиболее высоким уровнем преступности», а остальные регионы действовали «при необходимости» по своему усмотрению⁴. Этим можно объяснить тот факт, что в ряде регионов (например, в Челябинске) в 1974 г. уже проводили операцию с четкими итогами, а в других субъектах, например в Демянском районе Новгородской области, она впервые состоялась лишь в 1975 г.⁵

Цели на этом этапе были узконаправленными: «предупреждение безнадзорности и преступности» в подростковой среде⁶, «проверка и выявление подростков, не учащихся, не

¹ Гребенщикова И. В. Деятельность органов внутренних дел по охране общественного порядка во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XX столетия (на примере Свердловской области) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2 (42). С. 147, 149.

² Решмет Д. А. Указ. соч. С. 57.

³ Информация о работе Челябинского городского комитета ВЛКСМ по предупреждению правонарушений среди молодежи (16 августа 1974 г.) // Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-488. Оп. 9. Д. 148. Л. 33–35.

⁴ Решмет Д. А. Указ. соч. С. 58.

⁵ Информация Демянского РК ВЛКСМ о проведении первого этапа операции «Забота-75» (17 июня 1975 г.) // Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 2224. Оп. 32. Д. 36. Л. 41, 46.

⁶ Информация о работе Челябинского городского комитета ВЛКСМ по предупреждению правонарушений среди молодежи (16 августа 1974 г.) // ОГАЧО. Ф. П-488. Оп. 9. Д. 148. Л. 33–35.

работающих, и устройство их на работу или учебу»¹. Методический арсенал базовый: создание штабов, рейды, постановка на учет.

Показательна информация о работе Челябинского городского комитета ВЛКСМ, датированная 16 августа 1974 г., в которой отражены итоги операции: «Проведено 64 рейда по охране общественного порядка, в которых приняло участие 420 сотрудников милиции и 4 037 комсомольцев. В ходе рейдов поставлено на учет 332 несовершеннолетних подростка, в том числе 203 неработающих и не учащихся, с последующим трудоустройством и возвращением на учебу. Проверено 1 360 подростков, стоящих на учете в детских комнатах милиции. Выявлено 124 неблагополучных семьи, в отношении которых собрано 22 материала с целью рассмотрения вопроса о лишении родительских прав. Предотвращено 7 преступлений со стороны несовершеннолетних»². При этом в документе отсутствует ссылка на какой-либо общесоюзный нормативный акт, регламентирующий операцию; она представлена как локальное мероприятие, инициированное городскими властями. Такие количественные показатели свидетельствуют о том, что в Челябинске операция 1974 г. имела четкие организационные формы, цели и задачи, но единого порядка и правовой регламентации проведения в этот период не существовало.

Переломным моментом был 1975 г.: операция «Забота» получила статус всесоюзной и стала ежегодной совместной акцией МВД СССР и ЦК ВЛКСМ³. Это означало, что она становится общеобязательной для всех регионов Советского Союза, в том числе органов внутренних дел и комсомольских организаций.

Указанное выше подтверждается архивными документами из Новгородской области, в которой операцию проводили на основании постановления секретариата Новгородского обкома ВЛКСМ и коллегии Управления внутренних дел облисполкома от 24 апреля 1975 г. «О проведении комсомолом и органами внутренних

¹ Справка о работе Ленинского РК ВЛКСМ по руководству ОКО и предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних в 1974 г. // ОГАЧО. Ф. П-488. Оп. 9. Д. 148. Л. 23–24.

² Информация о работе Челябинского городского комитета ВЛКСМ по предупреждению правонарушений среди молодежи (16 августа 1974 г.) // ОГАЧО. Ф. П-488. Оп. 9. Д. 148. Л. 33–35.

³ Решет Д. А. Указ. соч. С. 58.

дел операции «Забота-75»¹. Иными словами, в 1975 г. основанием для проведения операции служили не разовые указания МВД, а совместные постановления обкомов ВЛКСМ и коллегий УВД на уровне областей. С приданием операции «Забота» всесоюзного значения усложнена ее организационная структура. Так, в Демянском районе Новгородской области создан рабочий штаб из семи человек, состав которого показывает пример межведомственного взаимодействия: начальник РОВД, первый секретарь РК ВЛКСМ, начальник уголовного розыска, участковый инспектор, заместитель председателя райисполкома, заведующий школьным отделом РК ВЛКСМ и председатель спорткомитета². Аналогичная ситуация наблюдается в Солецком районе Новгородской области: «На бюро Солецкого РК ВЛКСМ 19 мая 1975 года принято постановление о проведении операции «Забота-75». Создан штаб в количестве 7 человек. Работа ведется в соответствии с планом, разработанным РК ВЛКСМ совместно с заинтересованными организациями»³.

Круг методов работы с подростками, применяемых в ходе операции «Забота», расширен: акцент смещен с простых рейдов на организацию занятости подростков в летнее время. Например, в Демянском районе Новгородской области была проведена «разъяснительная работа с родителями по общественно-полезному труду их детей», изучена «потребность в рабочей силе несовершеннолетних», а за правонарушителями закреплены «шефы, общественные воспитатели»⁴. Особое внимание уделено уязвимым категориям: «выявлено 26 трудновоспитуемых... 20 – из семей инвалидов, 16 – сирот»⁵. Организовано три рейда в таких поселках, как Демино, Лычково, Кневицы; проверено 30 подростков, состоявших на учете. Посетили 20 неблагополучных семей, у подростков изъяли огнестрельное оружие. В школах

¹ Информация Демянского РК ВЛКСМ о проведении первого этапа операции «Забота-75» (17 июня 1975 г.) // ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 32. Д. 36. Л. 41, 46.

² Информация Демянского РК ВЛКСМ о проведении первого этапа операции «Забота-75» (17 июня 1975 г.) // ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 32. Д. 36. Л. 41, 46.

³ Информация о проведении I этапа операции «Забота-75» в Солецком районе (17 июня 1975 г.) // ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 32. Д. 36. Л. 41, 46.

⁴ Информация Демянского РК ВЛКСМ о проведении первого этапа операции «Забота-75» (17 июня 1975 г.) // ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 32. Д. 36. Л. 41, 46.

⁵ Там же.

района создано 12 лагерей труда и отдыха, все «трудные» подростки распределены по лагерям¹.

В Солецком районе Новгородской области до 25 мая 1975 г. изучена потребность в рабочей силе на предприятиях, на которые могут быть трудоустроены несовершеннолетние, изучена занятость каждого несовершеннолетнего, за подростками на учете в детских комнатах милиции (50 человек) закреплены шефы и общественные воспитатели, восемь подростков устроены в пионерские лагеря, 12 – в лагеря труда и отдыха, 13 – в сводные отряды².

Наличие в изученных документах ссылок на областные постановления, создание штабов, разработку планов и формирование системы шефства свидетельствует о том, что к 1975 г. операция «Забота» приобрела системный характер в масштабах страны. Важную роль в совершенствовании правовой регламентации проведения рассматриваемой операции сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1977 г.³, который регламентировал деятельность инспекций по делам несовершеннолетних в качестве одного из основных подразделений милиции при взаимодействии с комсомольскими организациями в рамках операции.

Постановление Секретариата ЦК ВЛКСМ от 15 марта 1977 г. гласит о том, что в ходе операции «Забота» повышена эффективность индивидуальной воспитательной работы и улучшено взаимодействие комсомольских организаций с органами государственной власти. Благодаря принятым мерам, в 1976 г. в ряде регионов, таких как Украинская ССР, Белорусская ССР, Удмуртская АССР, и ряде областей РСФСР достигнуто снижение количества преступлений с участием несовершеннолетних⁴.

¹ Там же.

² Информация о проведении I этапа операции «Забота-75» в Солецком районе (17 июня 1975 г.) // ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 32. Д. 36. Л. 41, 46.

³ Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних, приемников-распределителей для несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1977 г. № 5266-IX // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 8. Ст. 138.

⁴ О ходе выполнения постановления Бюро ЦК ВЛКСМ и коллегии МВД СССР «Об улучшении воспитательной работы среди молодежи и усилении борьбы с пьянством»: постановление Секретариата ЦК ВЛКСМ от 15 марта 1977 г. // Документы ЦК ВЛКСМ. 1977. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 195–196.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАБОТЫ МИЛИЦИИ И
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В
РАМКАХ ОПЕРАЦИИ «ЗАБОТА» В 1974–1979 ГГ.

К 1978–1979 гг. операция приобрела большую организованность и структурность, что обосновано новыми идеологическими установками. Как пишет И. В. Гребенщикова, постановления ЦК КПСС 1977 и 1979 гг. «ознаменовали новый этап в деятельности административных органов... в повышении эффективности борьбы с преступностью объединенными силами партийных, государственных органов и советской общественности»¹.

С каждым годом проведения операции круг участников расширялся. К 1979 г., помимо органов МВД и ВЛКСМ, активными ее участниками были органы народного образования, профтехобразования, прокуратура, комиссии по делам несовершеннолетних, педагогические отряды, общество «Знание», спортивные комитеты, ДОСААФ.

В Челябинске операция «Забота-79» проходила на основании совместного постановления четырех ведомств: бюро Челябинского обкома ВЛКСМ, коллегии областного Управления внутренних дел, коллегии областного Управления народного образования и коллегии областного Управления профтехобразования от 13 марта 1979 г.² В документе указано, что операция проведена «в целях повышения эффективности индивидуально-профилактической работы с несовершеннолетними, состоящими на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних, а также воспитывающимися в неблагополучных семьях и педагогически запущенными подростками, улучшения организации их свободного времени и общественно-полезной занятости»³.

Задачи стали комплексными и включали в себя:

- «выявление подростков, совершивших антиобщественные проступки, имеющих отклонения от нормы поведения, педагогически запущенных, из неблагополучных семей; организация индивидуально-профилактической работы с ними;

- осуществление практических мероприятий по предотвращению групповой и рецидивной преступности среди несовершеннолетних;

¹ Гребенщикова И. В. Указ. соч. С. 148.

² Информация о проведении операции «Забота-79» в г. Челябинске (1979 г.) // ОГАЧО. Ф. П-488. Оп. 9. Д. 308. Л. 14–20.

³ Там же.

- выявление и усиление борьбы с лицами, вовлекающими несовершеннолетних в преступную деятельность и пьянство;
- выявление причин и условий, способствующих безнадзорности и преступности несовершеннолетних, и принятие мер по их устранению;
- улучшение правовой пропаганды среди несовершеннолетних, а также широкое вовлечение общественности в профилактическую работу с подростками»¹.

К 1979 г. в Челябинске создан «городской штаб во главе с первым секретарем горкома ВЛКСМ Б. Павленко», то есть координация возложена на высшее комсомольское руководство города². В ходе операции «проведено 36 заседаний районных и городской комиссий по делам несовершеннолетних, рассмотрено 78 персональных дел подростков и неблагополучных семей», организованы общегородские рейды, в том числе 20 апреля – по изучению занятости «трудных» подростков, 18 мая – по проверке готовности спортивных площадок к летнему сезону³. В Калининском районе подготовлено 26 волейбольных, 13 баскетбольных и 18 футбольных площадок, а в Центральном – действовали 11 педагогических отрядов (около 500 человек). Специализированные лагеря для «трудных» в Металлургическом, Тракторозаводском и Центральном районах Челябинска в июне приняли 156 подростков, в июле – 167, в августе – 132. На территории города действовали также педагогические отряды «Луч» и «Товарищ» Челябинского государственного педагогического института. Второй год отряд «Товарищ» работал в Челябинской воспитательной колонии для несовершеннолетних им. А. М. Горького⁴.

Аналогичные процессы наблюдались и в других регионах. Так, в Ростовской области в 1978 г., по данным Д. А. Решмета, к операции привлечены «свыше 400 работников милиции, 1 310 членов оперативных комсомольских отрядов дружинников, около 1 600 человек комсомольского актива и других представителей общественности»⁵. В Ульяновской области в 1979 г. состоялась

¹ Информация о проведении операции «Забота-79» в г. Челябинске (1979 г.) // ОГАЧО. Ф. П-488. Оп. 9. Д. 308. Л. 14–20.

² Там же.

³ Информация о проведении операции «Забота-79» в г. Челябинске (1979 г.) // ОГАЧО. Ф. П-488. Оп. 9. Д. 308. Л. 14–20.

⁴ Там же.

⁵ Решмет Д. А. Указ. соч. С. 59.

областной семинар организаторов воспитательной работы с детьми и подростками, создан Совет по работе с детьми и подростками при горкоме ВЛКСМ, в состав которого вошли представители заинтересованных организаций. К персональной ответственности за работу с несовершеннолетними привлечены первые секретари комитетов комсомола¹.

Инициатором операции на всех этапах выступало МВД СССР. В 1974 г. этим ведомством дано первое указание о ее проведении. Именно МВД СССР в 1975 г. совместно с ЦК ВЛКСМ придали ей общесоюзный статус². Функции между ведомствами четко распределены: органы внутренних дел обеспечивали правовую основу, оперативное сопровождение, выявление правонарушителей и контроль; комсомольские организации – мобилизацию общественности, организацию досуга, шефскую работу и воспитательные мероприятия.

В Челябинске в 1979 г. координирующая роль при планировании и осуществлении операции отведена штабу во главе с первым секретарем горкома ВЛКСМ, то есть комсомол выполнял организаторскую функцию в масштабах города, но под общим руководством МВД. В Демянском районе Новгородской области в штаб операции входили начальник РОВД Б. А. Колесов, первый секретарь РК ВЛКСМ В. П. Иванов, начальник уголовного розыска ОВД В. И. Фонченков, участковый инспектор ОВД Д. Г. Веделов, заместитель председателя райисполкома В. Н. Веденов, заведующий школьным отделом РК ВЛКСМ М. П. Пирогова и председатель спорткомитета Д. С. Полисадов³. Состав штаба свидетельствует о том, что операция проведена совместными усилиями милиции, партийных и комсомольских органов. При этом решающая роль в силовом и правовом обеспечении принадлежала МВД, а в организационно-воспитательном аспекте – комсомолу.

Становится очевидным, что комсомол, действуя в рамках полномочий, переданных ему МВД, активно участвовал в охране общественного порядка и профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, решая одновременно две задачи:

¹ Там же. С. 59–60.

² Там же. С. 57–58.

³ Информация Демянского РК ВЛКСМ о проведении первого этапа операции «Забота-75» (17 июня 1975 г.) // ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 32. Д. 36. Л. 41, 46.

воспитание правосознания у подростков-участников, привлекаемых к операции; воздействие через них на асоциальную среду сверстников и взрослых.

Несмотря на развитие организационных форм, архивные документы отражают парадоксальное явление. В 1978 г. по итогам операции в Челябинске наблюдалось снижение краж государственного имущества на 17,0 %, тяжких телесных повреждений – на 13,9 %. Вместе с тем на 33,3 % возросло количество убийств и покушений, на 38,5 % – разбоев, а фактов хулиганства – на 8,7 %¹.

Как пишет И. В. Гребенщикова, динамика снижения уличной преступности при росте тяжких преступлений и хулиганства характерна для Уральского региона в целом в конце 70-х гг. и была следствием того, что «мероприятия по их приобщению к труду осуществлялись формально, неэффективно», а воспитательно-профилактическая работа в школах оставалась слабой². Аналогичные недостатки в работе прослеживаются в отчетах Городского комитета ВЛКСМ Челябинска: «ряд ответственных комсомольских работников и активистов все еще выступают в роли пассивных регистраторов отрицательных явлений»; «в ряде комитетов ВЛКСМ отсутствует деловая связь, взаимная информация и координация действий»³. Даже рекомендуемые штабом формы работы (например, открытие специализированных лагерей во всех районах) часто оставались на бумаге: в 1979 г. они действовали только в трех районах⁴.

Таким образом, анализ архивных документов в сопоставлении с научной литературой раскрывает особенности становления операции «Забота» в 1974–1979 гг., которая послужила одной из новых форм организации деятельности милиции по работе с несовершеннолетними, а также разнообразию вовлечения в правоохранительную деятельность общественных организаций и учреждений Советского Союза. За

¹ Информация о работе городской комсомольской организации по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи города Челябинска (январь 1979 г.) // ОГАЧО. Ф. П-488. Оп. 9. Д. 308. Л. 1–6.

² Гребенщикова И. В. Указ. соч. С. 147.

³ Информация о работе городской комсомольской организации по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи города Челябинска (январь 1979 г.) // ОГАЧО. Ф. П-488. Оп. 9. Д. 308. Л. 1–6.

⁴ Информация о проведении операции «Забота-79» в г. Челябинске (1979 г.) // ОГАЧО. Ф. П-488. Оп. 9. Д. 308. Л. 14–20.

указанный период произошла трансформация ее целей, от узко профилактических задач 1974 г. (выявление, постановка на учет и трудоустройство) к сложной системе социальной профилактики 1979 г., включавшей в себя работу с неблагополучными семьями, правовое просвещение, предотвращение рецидивов и борьбу с взрослыми подстрекателями. Операция перешла от разового применения в наиболее неблагополучных регионах с точки зрения криминогенной обстановки, в которых ее проводили по усмотрению местных властей, к статусу обязательного ежегодного мероприятия на территории СССР, введенному с 1975 г.

Круг органов, участвующих в ее осуществлении, существенно расширился: от взаимодействия между МВД и ВЛКСМ к активному вовлечению органов народного и профтехобразования, прокуратуры, спорткомитетов, педагогических отрядов вузов и трудовых коллективов промышленных предприятий. Совершенствование организационных форм выполнения операции характеризовалось не только количественным ростом мероприятий, но и качественным изменением подходов (персональное шефство, специализированные лагеря труда и отдыха, работа педагогических отрядов в детских воспитательных колониях). Вместе с тем формировалась новая правоприменительная практика органов внутренних дел.

Участие комсомола в охране общественного порядка было регламентировано исключительно внутриорганизационными актами ЦК ВЛКСМ и не закреплено законодательно, то есть комсомол не имел самостоятельной нормативно-правовой основы для осуществления правоохранительной деятельности. В связи с этим применена аналогия закона, поскольку правоотношения, возникавшие при охране общественного порядка, регулировали исходя из основополагающих начал и общего смысла советского законодательства.

На начальном этапе (1974) вследствие недостаточной правовой базы в ходе мероприятий возникали сложности, не учтенные при планировании. Это вынуждало исполнительные комитеты на местах выступать инициаторами развития правового и организационного обеспечения проведения операции с учетом региональных особенностей. Они учитывали региональную специфику, обобщали практический опыт и вносили коррективы с целью совершенствования организационно-правового взаимодействия между субъектами.

Тема взаимодействия милиции с другими государственными органами и общественными организациями по работе с несовершеннолетними в позднесоветский период остается малоизученной, а исследований на основе архивных документов практически не обнаружено. Это требует дальнейшего изучения на примере разных субъектов РФ для выявления региональной специфики. Результаты такого рода исследований имеют высокую теоретическую и практическую значимость, поскольку позволяют обобщить накопленный опыт и имплементировать его в современные правовые реалии.

Изучение организационно-правовых механизмов операции «Забота» сегодня имеет историческую и прикладную ценность для правоприменения. В настоящее время, как полагают А. П. Рассказов и И. В. Упоров, сохраняется правовая неопределенность в вопросах разграничения полномочий между федеральными правоохранительными структурами и органами местного самоуправления при решении задач по охране общественного порядка¹. Анализ опыта 70-х гг. XX в., с учетом которого посредством совместных нормативных актов и создания межведомственных штабов успешно преодолевали подобные организационные барьеры между милицией, комсомолом и местными советами, может послужить основой для разработки новых, более эффективных механизмов взаимодействия государства и общества в сфере профилактики подростковой девиантности.

Положительный опыт советской милиции, который может быть востребован в современных условиях, заключается прежде всего в системной работе по формированию правосознания подрастающего поколения. Милиция привлекала к сотрудничеству учащихся со школьной скамьи, стремясь воздействовать на сознание ребенка через воспитание чувства ответственности и понимания того, что помощь милиции – это честь. Наиболее сознательная и активная часть молодежи, занимавшая принципиальную жизненную позицию, была вовлечена в правоохранительную деятельность. С одной стороны, это

¹ Рассказов А. П., Упоров И. В. Проблемы полномочий органов местного самоуправления при осуществлении функций государственной власти в сфере охраны общественного порядка // Перспективы развития современного гуманитарного знания: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Стерлитамак, 23–24 марта 2020 г.) / отв. ред. С. В. Минибаева. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, 2020. С. 229.

позволяло ей повышать уровень правосознания, с другой – использовать ресурс подростков для воздействия на сверстников, склонных к противоправному поведению.

Такое взаимодействие помогало милиции решать несколько задач одновременно: восполнять кадровый дефицит, получать оперативную информацию о готовящихся или совершенных правонарушениях, а также осуществлять превентивный контроль через подростков, предотвращая негативные тенденции в молодежной среде. Важным элементом этой системы была совместная работа с учителями и родителями, которые в том числе участвовали и в организации встреч с сотрудниками милиции в школах, что способствовало формированию положительного образа милиции в общественном сознании.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
2. Гребенищикова И. В. Деятельность органов внутренних дел по охране общественного порядка во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XX столетия (на примере Свердловской области) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2 (42). С. 146–150.
3. Камалова Г. Т. Взаимодействие милиции с органами правопорядка и общественными организациями в годы НЭП // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 9 (81). С. 15–19.
4. Кискидосова Т. А. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 146–155.
5. Кобец П. Н. Привлечение граждан для содействия работникам милиции по поддержанию правопорядка в период Великой Отечественной войны // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4 (47). С. 16–22.
6. Кукулина М. А., Гасумова С. Е. Стоит ли возрождать советский опыт предупреждения девиантного поведения подростков? Взгляд экспертов // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23. № 3 (152). С. 51–57.
7. Ляскина Н. В. Деятельность государственных органов и общественных организаций Приморского края по поддержке детских домов (1941–1945 гг.) // Россия и Китай: история и

перспективы сотрудничества: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 20–28 мая 2019 г.) / отв. ред. О. А. Шеломихин. Вып. 9. Ч. 1. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2019. С. 158–164.

8. *Мигуценко О. Н.* Привлечение населения к охране общественного порядка и борьбе с преступностью в 30–40-е годы XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 14. С. 62–75.

9. *Орлов Д. В.* Взаимодействие милиции и общества в советский период: опыт и перспективы его использования // Государственно-правовые исследования. 2018. № 1. С. 215–217.

10. *Павлов А. Н.* Взаимодействие органов милиции и общественных организаций по охране правопорядка в период новой экономической политики (историко-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 3 (31). С. 47–53.

11. *Рассказов А. П., Упоров И. В.* Проблемы полномочий органов местного самоуправления при осуществлении функций государственной власти в сфере охраны общественного порядка // Перспективы развития современного гуманитарного знания: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Стерлитамак, 23–24 марта 2020 г.) / отв. ред. С. В. Минибаева. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, 2020. С. 229–234.

12. *Решмет Д. А.* Карательно-репрессивная политика в отношении несовершеннолетних в РСФСР в 60-е годы XX века // Современное общество и власть. 2018. № 4 (18). С. 18–24.

13. *Решмет Д. А.* Комсомольская операция «Забота» как инструмент предупреждения асоциального поведения несовершеннолетних в СССР в 70-е годы // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2020. № 3 (28). С. 56–61.

14. *Семенова И. Ю.* Вклад Заволжского детского дома № 2 в ликвидацию беспризорщины в Чувашской АССР // Исторический поиск. 2021. Т. 2. № 4. С. 68–72.

15. *Соколова В. И., Евдокимова А. Н., Андреев О. В.* Социально-правовая защита подрастающего поколения в первое десятилетие советской власти (на материалах Чувашской АССР) // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 146–156.

16. *Сунгатуллин А. Н.* Историографический анализ беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних лиц в СССР как индикатор динамики социальной проблемы //

Криминологическая политика и практика противодействия преступности (памяти профессора кафедры В. А. Уткина): сб. тр. Всерос. науч.-практич. конф. (Москва, 27 марта 2025 г.). М.: Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2025. С. 405–408.

17. *Сурдина А. И.* Принципы защиты прав детей: понятие, сущность и место в системе принципов российского права // Власть Закона. 2023. № 3 (55). С. 351–364.

18. *Федин С. А.* Из опыта взаимодействия милиции с общественными организациями в послевоенный период (на материалах Нижнего Поволжья) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 2 (27). С. 67–72.

19. *Ханин С. В.* Опыт взаимодействия милиции и населения в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 33–38.

А. А. Карпенко
начальник отдела государственной регистрации
Управления Росреестра
по Краснодарскому краю
Россия, г. Краснодар
u19kaa@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА
ЕДИНОГО НЕДВИЖИМОГО КОМПЛЕКСА**

**SPECIFICS OF THE CIVIL LAW REGIME OF A SINGLE REAL
ESTATE COMPLEX**

В статье проанализированы особенности правового режима единого недвижимого комплекса как нетипичного объекта гражданских прав. Утверждается, что единый недвижимый комплекс, в отличие от предприятия как объекта гражданских прав, представляет собой единый объект только вещных прав, а предприятие включает в себя и обязательственные, и исключительные права. Наличие физической или технологической связи между объектами, входящими в состав единого недвижимого комплекса, является его важнейшим квалифицирующим признаком. Распространение на него правового режима неделимой вещи преследует своей целью сохранение его целостности при вовлечении этого объекта в гражданский оборот. По мнению автора статьи, нетипичность единого недвижимого комплекса как объекта недвижимости заключается в том, что законодатель не закрепил в качестве его обязательного признака наличие прочной связи с землей. Согласно авторской позиции, правовая конструкция единого недвижимого комплекса не в полной мере отвечает интересам собственников земельных участков, поскольку его возникновение порождает дополнительные ограничения для собственника расположенного под ним земельного участка.

Ключевые слова: гражданско-правовой режим, единый недвижимый комплекс, объекты гражданских прав, государственная регистрация прав на недвижимость, право

собственности, предприятие, земельный участок, единая технологическая связь.

The article analyzes the features of the legal regime governing the single real estate complex as an atypical object of civil rights. It is argued that, unlike an enterprise - which comprises property rights, obligation rights and exclusive rights - a single real estate complex constitutes a single object solely of property rights. A crucial defining characteristic of such a complex is the existence of a physical or technological connection between its constituent objects. Applying the legal regime of an indivisible item to the complex aims to preserve its integrity when it enters civil commerce. The author posits that the atypical nature of the single real estate complex as a real estate object stems from the fact that the legislature has not established a permanent connection to the land as a mandatory requirement for its classification. Furthermore, the author maintains that the legal construct of the unified real estate complex does not fully align with the interests of landowners, as its creation imposes additional restrictions on the owner of the underlying land.

Keywords: civil law regime, single real estate complex, objects of civil rights, state registration of real estate rights, ownership, enterprise, land plot, unified technological connection.

Развитие рыночных отношений порождает возникновение новых объектов гражданских прав¹. Гражданско-правовые режимы объектов гражданских прав характеризуются общими и особенными признаками. Особенности признаки отражают специфичный для каждого правового режима набор специальных принципов правового регулирования, субъектный и объектный состав, а также набор правовых средств². Одним из нетипичных объектов гражданских прав, получившим закрепление в ст. 133.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), выступает единый недвижимый комплекс. Он выделяется относительно новой правовой конструкцией. В основе его правового режима находятся правовые традиции, уходящими корнями в римское частное

¹ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 166–174.

² Камышанский В. П., Майор И. Г., Руденко Е. Ю. Актуальные проблемы гражданского права: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2016. С. 57.

право, при котором римские юристы следовали принципу *superficies solo cedit* («сделанное над поверхностью следует за поверхностью»). Согласно этому принципу, возведенные на земельном участке постройки являются его составной частью и принадлежат собственнику земельного участка.

Единый недвижимый комплекс как поименованная недвижимая вещь закреплен в ГК РФ в процессе модернизации гражданского законодательства Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ¹. Согласно ст. 133.1 ГК РФ в качестве единого недвижимого комплекса выступает совокупность объединенных своим назначением зданий, сооружений и иных вещей, которые либо расположены на одном земельном участке, либо неразрывно связаны физически или технологически. Например, железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие линейные объекты. Следует иметь в виду, что в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН) регистрируется право собственности на совокупность входящих в комплекс объектов в целом как одну недвижимую вещь. Из содержания ст. 133.1 ГК РФ вытекает, что в отсутствие государственной регистрации комплекса такая совокупность вещей не является единым недвижимым комплексом².

Таким образом, единый недвижимый комплекс как самостоятельный объект гражданских прав представляет собой совокупность объединенных своим назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (в их числе – железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и др.), либо расположенных на одном земельном участке, если в ЕГРН зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь.

В отличие от предприятия как имущественного комплекса, в состав единого недвижимого комплекса не входят земельные участки, сырье, продукция, деньги, ценные бумаги, права требования, долги, а также права на обозначения,

¹ О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 27. Ст. 3434.

² О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания), другие исключительные права. Особенность правового режима единого недвижимого комплекса состоит в том, что, в отличие от предприятия как объекта прав, он представляет собой единый объект только вещных прав. Как известно, предприятие как объект недвижимости включает в себя и обязательственные, и исключительные права. Взыскание может быть обращено на единый недвижимый комплекс только в целом¹.

Как следует из ст. 133.1 ГК РФ, части единого недвижимого комплекса (например, линейного объекта) могут быть расположены на разных земельных участках. Поэтому отказ органа, осуществляющего государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, в регистрации единого недвижимого комплекса лишь на основании того, что соответствующие объекты не расположены на одном земельном участке, не соответствует положениям ст. 133.1 ГК РФ². В этом случае достаточно представить доказательства наличия неразрывной физической или технологической связи между составными частями единого недвижимого комплекса.

Появление ст. 133.1 в ГК РФ обусловлено в большей степени необходимостью разрешения проблем правового режима так называемых линейных объектов. Линейные объекты состоят не только из недвижимых вещей, но и из движимых. Физическая или технологическая связь между объектами, входящими в состав единого недвижимого комплекса, служит важнейшим квалифицирующим признаком, которым обусловлено существование данного объекта гражданских прав и позволяет обеспечивать его целостность³. При разрыве и ликвидации таких связей единый недвижимый комплекс становится лишь совокупностью объектов движимого и недвижимого имущества, которые могут находиться на одном или нескольких земельных

¹ Андреев В. К. Вещь как объект гражданских прав // Гражданское право. 2014. № 1. С. 26.

² О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

³ Дружинина Ю. Ф. Единый недвижимый комплекс – возврат к старым идеям // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2. № 2 (62). С. 160.

участках и выступать самостоятельными объектами гражданского оборота.

Распространение на единый недвижимый комплекс правового режима неделимой вещи преследует целью сохранение его целостности в интересах обеспечения потребностей отдельных отраслей реального сектора экономики. Это приобретает особую актуальность при обращении взыскания на имущество его собственника-должника, а также приватизации и национализации нетипичных объектов недвижимости. Особый правовой статус единого недвижимого комплекса как неделимой вещи обусловлен тем, что входящие в комплекс объекты технологически или физически связаны. Их разделение может повлечь нарушение единства и прекращение функционирования комплекса в целом. Подтверждением этого служит приватизация государственных и муниципальных предприятий 90-х гг. прошлого столетия, в результате которой прекратили существование тысячи высокотехнологичных промышленных предприятий и даже целые отрасли реального сектора экономики¹.

Таким образом, нетипичность единого недвижимого комплекса как объекта недвижимости заключается в том, что законодатель не предусматривает в качестве обязательного признака наличие прочной связи его с землей и законодательно закрепляет его неделимость. На первом месте стоит наличие единого предназначения вещей, входящих в единый недвижимый комплекс, и неразрывной физической или технологической связи между ними.

Право собственности на единый недвижимый комплекс возникает с момента государственной регистрации в ЕГРН как одну недвижимую вещь. При этом государственная регистрация права собственности на единый недвижимый комплекс допустима без обязательной предварительной государственной регистрации права на входящие в него отдельные недвижимые вещи (ст. 133.1 ГК РФ).

Полагаем, что правовая конструкция единого недвижимого комплекса пока не в полной мере отвечает интересам собственников земельных участков, на которых размещен не принадлежащий ему единый недвижимый комплекс. Такая

¹ См.: Камышанский В. П. Правовое регулирование приватизации государственных и муниципальных предприятий и его эффективность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1994. С. 29.

проблема, действительно, существует и нуждается в решении, как минимум на доктринальном уровне учеными-цивиристами. Однако утверждение о том, что это обусловлено предусмотренным законодателем принципом единства, нуждается в дополнительном обосновании. Причина возникающих конфликтов находится не в единстве и неделимости объекта. Главная проблема видится в недостаточном учете интересов собственников земельных участков, на которых расположен комплекс. Возникновение единого недвижимого комплекса порождает возникновение дополнительных ограничений для собственника¹ земельного участка и даже требований о сносе объектов недвижимости, принадлежащих ему. Например, в ситуации, если такие объекты оказались в охранной зоне линейного объекта. К этому дополним необходимость создания организационных и правовых предпосылок для привлечения в российскую экономику иностранных инвестиций².

Создание нетипичных объектов недвижимости не должно быть самоцелью. Оно предполагает обогащение перечня объектов недвижимости, вовлеченных в гражданский оборот, которые за счет особого структурно-элементного построения и специальных правовых режимов в большей степени могли бы отвечать потребностям гражданского оборота на современном этапе, способствовать росту эффективности общественного производства, развитию конкуренции и углублению импортозамещения.

При объединении нескольких объектов недвижимости в имущественный комплекс, с одной стороны, происходит поглощение их потребительских свойств единым объектом, с другой – трансформация этих свойств в нечто большее, более эффективное, интегрированное. Нетипичные объекты

¹ См.: Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. 2004. № 5. С. 5; Камышанский В. П. Ограничение права собственности и других вещных прав по действующему гражданскому законодательству современной России // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 37; Селиверстов А. А., Мантул Г. А. Понятие и соотношение публичного и частного права в Российской Федерации // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. тр. VII Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых исследователей (Краснодар, 23 ноября 2022 г.) / отв. ред. В. П. Камышанский. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, КубГАУ, 2023. С. 364.

² Майор И. Г. Гражданско-правовое регулирование концессионных соглашений: монография. Краснодар: Экоинвест, 2009. С. 9.

недвижимости, их создание и последующая эксплуатация должны быть экономически обоснованы и социально оправданы, обеспечивать баланс частных и публичных интересов. Изначально они могут быть не поименованы в ГК РФ, но должны соответствовать основным общим признакам типичных объектов недвижимости, закрепленным в законодательных актах.

Для единого недвижимого комплекса как нетипичного объекта недвижимости, наряду с общими признаками, свойственными единым недвижимым комплексам, следует выделить дополнительно ряд признаков. К ним отнесены:

- значительная протяженность объекта, характерная для линейных объектов;
- наличие специальной регистрации в отдельном реестре объектов недвижимости;
- отсутствие в качестве обязательного требования прочной физической связи единого недвижимого комплекса с землей;
- отсутствие юридической связи между собственником единого недвижимого комплекса и собственниками расположенных под ним земельных участков;
- государственная регистрация права собственности на единый недвижимый комплекс как основание возникновения нетипичного объекта.

Физическое единство предполагает неразрывное соединение элементов внутри одного целого и достигается путем интеграции недвижимых и движимых вещей с целью последующего взаимодействия по общему назначению в границах единого и неделимого объекта гражданских прав. Физический способ объединения предполагает прочное соединение отдельных элементов внутри одного целого путем объединения недвижимых и движимых вещей для взаимодействия по общему назначению или соединение движимых и недвижимых отдельных вещей в один объект гражданских прав с целью использования его по единому назначению.

Технологический способ объединения вещей предполагает объединение в сложную вещь совокупности движимых и недвижимых вещей одной технологической целью использования. Составные элементы такого комплекса могут быть не только размещены на едином фундаменте в границах отдельного земельного участка, но и находиться на значительном удалении друг от друга. Например, железнодорожный технологический

комплекс, линии электропередачи, газопроводы, трубопроводы и др.

В дальнейшем совершенствование правового режима единого недвижимого комплекса должно быть направлено на законодательное развитие его нетипичных признаков с целью обеспечения баланса публичных и частных интересов, а также обеспечения принципа справедливости регулируемых гражданским правом общественных отношений¹.

Библиографический список

1. *Андреев В. К.* Вещь как объект гражданских прав // *Гражданское право*. 2014. № 1. С. 26–29.
2. *Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.*
3. *Дружинина Ю. Ф.* Единый недвижимый комплекс – возврат к старым идеям // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. Т. 2. № 2 (62). С. 159–161.
4. *Камышанский В. П.* Конституционные ограничения права собственности // *Юрист*. 2004. № 5. С. 5–7.
5. *Камышанский В. П.* Ограничение права собственности и других вещных прав по действующему гражданскому законодательству современной России // *Юридическая техника*. 2018. № 12. С. 37–45.
6. *Камышанский В. П.* Правовое регулирование приватизации государственных и муниципальных предприятий и его эффективность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1994. 21 с.
7. *Камышанский В. П., Майор И. Г., Руденко Е. Ю.* Актуальные проблемы гражданского права: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2016. 104 с.
8. *Лободина А. А., Седова Н. А.* Понятие справедливости в гражданском праве // *Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: история и современность: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых ученых*

¹ *Лободина А. А., Седова Н. А.* Понятие справедливости в гражданском праве // *Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: история и современность: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых ученых (Краснодар, 13 ноября 2019 г.)*. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2020. С. 170.

(Краснодар, 13 ноября 2019 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2020. С. 170–173.

9. *Майор И. Г.* Гражданско-правовое регулирование концессионных соглашений: монография. Краснодар: Экоинвест, 2009. 164 с.

10. *Селиверстов А. А., Мантул Г. А.* Понятие и соотношение публичного и частного права в Российской Федерации // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. тр. VII Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых исследователей (Краснодар, 23 ноября 2022 г.) / отв. ред. В. П. Камышанский. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, КубГАУ, 2023. С. 364–368.

Н. Р. Ковальский

аспирант юридического факультета Северо-Западного института
управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ
Россия, г. Санкт-Петербург
kolya-kovalskii@mail.ru

**ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ОБЪЕКТ
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ**

**INSTITUTION OF STATE POWER AS AN OBJECT
OF ADMINISTRATIVE-LEGAL PROTECTION**

В статье рассмотрена категория «государственная власть». Приведены различные точки зрения дореволюционных, советских и современных исследователей юридической науки относительно ее понимания. Автор полагает, что институт государственной власти как объект административно-правовой охраны представляет собой комплексную организационно-правовую систему высших должностных лиц и органов государственной власти Российской Федерации (РФ), субъектов РФ, а также иных государственных органов с особым статусом. Обоснован вывод о том, что в условиях реформирования административно-деликтного законодательства наименование главы 17 Кодекса РФ об административных правонарушениях порождает теоретико-правовую коллизию ввиду расхождения нормативной терминологии с доктринальным пониманием категории «институт государственной власти».

Ключевые слова: административная ответственность, административно-деликтное законодательство, государственная власть, конституционная реформа, объект административно-правовой охраны, органы государственной власти, принуждение, разделение властей.

The article examines the category of “state power” and presents various perspectives held by pre-revolutionary, Soviet and contemporary legal scholars regarding its interpretation. The author notes that the institution of state power as an object of administrative-legal protection is a complex organizational and legal system comprising high-ranking officials and state authorities of the Russian

Federation, constituent entities of the Russian Federation, as well as other state bodies with special status. The conclusion is substantiated that, amidst the ongoing reform of administrative-tort legislation, the title of Chapter 17 of the Code of the Russian Federation of Administrative Offenses creates a theoretical-legal conflict due to the discrepancy between statutory terminology and the doctrinal understanding of the category “institution of state power”.

Keywords: administrative responsibility, administrative-tort legislation, state power, constitutional reform, object of administrative and legal protection, state authorities, force, separation of powers.

Формирование института власти неразрывно связано с процессом возникновения человека и общества. Обращая внимание на социальную природу института власти, некоторые исследователи обоснованно утверждают, что власть «является феноменом, обеспечивающим конституирование структуры и системы организации общества посредством реализация в бытии принципов сакрализации, кодификации, легитимации и управления»¹. Власть, как социальное явление, выступает объектом исследования целого ряда гуманитарных наук и характеризуется многообразием форм проявления². В частности, выделяют божественную, семейную, корпоративную, политическую власть и иные виды.

Одним из ключевых критериев, разграничивающих любое современное демократическое государство и квазигосударственные образования (иные формы организации общества), признано наличие института государственной власти. Как справедливо утверждает профессор В. Ф. Халипов, «государственная власть – особый, специальный тип власти»³, отличающийся многогранностью.

¹ Шмидт В. В., Ризов В. Х. Власть: к проблеме дефиниции // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 126.

² См.: Камышанский В. П. Некоторые аспекты российской гражданско-правовой политики // Власть Закона. 2013. № 3 (15). С. 10; Камышанский В. П. Некоторые проблемы правового регулирования отношений по обеспечению государственных и муниципальных нужд // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. 2010. № 4. С. 292; Камышанский В. П. Проблемы права и справедливости в контексте институционализации интересов предпринимателей // Власть Закона. 2018. № 2 (34). С. 17.

³ Халипов В. Ф. Кратология – наука о власти. Концепция. М.: Экономика, 2002. С. 118.

Вопросы природы, понятия и особенностей государственной власти выступали предметом фундаментальных исследований видных представителей отечественной юридической науки дореволюционного и советского периодов. Так, А. С. Алексеев отстаивал идею о том, что государственная власть – это «искусственно организованная волевая сила, приспособленная к охране принудительного порядка в пределах данного государства»¹. Среди главных признаков рассматриваемого явления ученый выделял суверенитет в пределах территории государственного образования, систему государственных учреждений, а также юридические нормы, регулирующие порядок осуществления властной деятельности². С позиции Н. М. Коркунова, государственная власть – «установившееся, признанное, мирное властвование, предполагающее монополизацию всякого принуждения за органами государства»³. В качестве значимой характеристики государственной власти ученый указывал сознание зависимости подвластного от государства, то есть государственная власть, по его мнению, представляет собой не волю властвующего субъекта, а «силу, обусловленную осознанием гражданами своей зависимости от государства»⁴. Размышляя над тем, что и политическая, и государственная власть по своей сущности отражают единый механизм властного воздействия, М. И. Байтин определял ее как «разновидность общественной власти, которая осуществляется или непосредственно самим государством, или осуществляется от его имени, по его уполномочию и при его поддержке»⁵.

В современной юридической науке государственную власть рассматривают как «политико-правовое руководство обществом посредством специального механизма управления»⁶. И. В. Иванов пишет о том, что «основное свойство государственной власти при

¹ Алексеев А. С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. М.: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1895. С. 34.

² Там же. С. 33.

³ Коркунов Н. М. Русское государственное право: пособие к лекциям. Т. 1. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1914. С. 27.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Байтин М. И. Государство и политическая власть. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1972. С. 138.

⁶ Общая теория государства и права: учебник / под ред. В. В. Оксмытного, А. И. Клименко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити, 2025. С. 216.

любых формах государства – способность повелевать, управлять индивидами, обществом, народом, опираясь на силу принуждения в виде государственного аппарата, армии, воспроизводя это в санкционированных указаниях ненормативного и нормативного характера, обязательных к исполнению»¹. Таким образом, отечественная правовая доктрина внесла весомый вклад в развитие общей теории государственной власти, сформировав теоретическую и методологическую основу для работы законодателя.

В системе действующего российского законодательства отсутствует дефинитивная норма, закрепляющая понятия государственной власти и института государственной власти. Согласно Конституции Российской Федерации² (РФ) народ, как особая конституционно-правовая категория, выступает единственным источником власти и реализует ее непосредственно, а также через органы государственной и муниципальной власти. В теории государственной власти особое значение приобретают положения ст. 10 и 11 Конституции РФ, закрепляющие принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, а также конкретизирующие ее субъектный состав. В частности, «государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент РФ, Федеральное Собрание, Правительство РФ, суды, а государственную власть в субъектах РФ осуществляют образуемые ими органы государственной власти»³. Из анализа материальных аспектов ст. 12 Конституции РФ следует, что конституционно-правовое разграничение уровней публичной власти в России обусловлено самостоятельностью органов местного самоуправления, не входящих в систему органов государственной власти. Таким образом, обоснованным представляется мнение

¹ Иванов И. В. Феномен власти в конституционном праве: публичная власть, государственная власть, муниципальная власть, народовластие // Юрист. 2023. № 10. С. 14–15.

² Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 05.06.2026).

³ Приведены положения ч. 1 и ч. 2 ст. 11 Основного закона страны. См.: Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием от 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 05.06.2026).

некоторых исследователей о том, что приведенные положения Основного закона страны имеют «особое политико-правовое значение в регулировании характера и особенности государственной власти и создают необходимые условия для ее защиты и охраны»¹.

Учитывая значимость заявленной темы исследования, укажем, что принятие Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»² ознаменовало собой этап масштабной конституционной реформы института публичной власти, затронувшей ключевые аспекты функционирования института государственной власти. Так, в ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»³ впервые закреплено понятие единой системы публичной власти. Как пишет профессор Г. Н. Чеботарев, указанный законодательный акт предусмотрел для «органов государственной власти различных уровней, иных государственных органов и органов местного самоуправления системное и согласованное функционирование»⁴, исключающее разобщенность при осуществлении публично-властных полномочий. Важным этапом реформирования конституционных основ организации и деятельности органов публичной власти стало вступление в силу Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»⁵. Полагаем, что, закрепляя единые принципы организации публичной власти в субъектах РФ, указанный закон создал необходимые

¹ Система органов государственной власти России: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Б. Н. Габричидзе и др. М.: Юнити, 2015. С. 17.

² О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 16.03.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

³ О Государственном Совете Российской Федерации: федер. закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

⁴ Чеботарев Г. Н. Конституционно-правовые механизмы формирования единой системы публичной власти в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2020. № 6 (135). С. 10.

⁵ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федер. закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (в ред. от 25.05.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

предпосылки для повышения эффективности работы региональных органов государственной власти.

Актуальность темы исследования особенно возрастает в связи с продолжающимися процессами цифровой трансформации механизмов управленческо-властной деятельности и «беспрецедентным количеством санкций, призванных оказать экономическое давление»¹ на функционирование институтов государственной власти в общественно-политическом пространстве нашего государства.

В административно-правовой науке под объектом административно-правовой охраны понимают «реально существующее независимо от воли и сознания граждан социальное благо, ценность, материальные предметы, находящиеся в условиях обеспечения безопасности как от внутренних, так и внешних факторов»². В этой связи Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ)³ призван не только возвести в ранг буквы закона значимые для российского общества ценности, материальные и нематериальные блага, общественные отношения, но и предусмотреть механизм их административно-правовой охраны в случае противоправных посягательств со стороны правонарушителей. Согласно ст. 1.2 КоАП РФ защита и охрана установленного порядка осуществления государственной власти является одной из значимых задач отечественного административно-деликтного законодательства. При этом законодатель в главе 17 КоАП РФ сформировал комплексную систему административно-правовой охраны институтов государственной власти. С точки зрения содержания этой системы она включает в себя, во-первых, закрытый перечень составов административных правонарушений (ст. 17.1–17.17 КоАП РФ), дифференцированных по объекту противоправного посягательства; во-вторых, предусмотренные нормами

¹ Камышанский В. П., Туча В. В., Глинищкова Т. В. Легализация параллельного импорта в Российской Федерации как мера противодействия внешнеэкономическим санкциям // *Власть Закона*. 2023. № 1 (53). С. 33; Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // *Власть Закона*. 2019. № 1 (37). С. 14; Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском законодательстве (колонка редактора) // *Власть Закона*. 2019. № 3. С. 13.

² Бельский К. С. *Полицейское право: лекционный курс*. М.: Дело и Сервис, 2004. С. 210.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26.07.2026) // *Рос. газ*. 2001. 31 декабря.

административно-деликтного законодательства санкции, применяемые в качестве мер административной ответственности; в-третьих, административно-юрисдикционные полномочия государственных органов в сфере защиты и охраны институтов государственной власти.

Обобщая комплексный анализ норм Конституции РФ, федерального законодательства, а также положений главы 17 КоАП РФ, можно выделить и ряд актуальных проблем правового регулирования охраны институтов государственной власти. Так, ст. 11 Основного закона страны устанавливает закрытый перечень субъектов, осуществляющих государственную власть. Однако КоАП РФ к объектам административно-правовой охраны институтов государственной власти относит органы прокуратуры РФ, Следственный комитет РФ, Уполномоченного по правам человека в РФ, Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей и Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, что порождает актуальную теоретико-правовую коллизию. Означает ли нормативное закрепление указанных органов в качестве объектов административно-правовой охраны их легальное признание органами государственной власти?

Согласно ст. 129 Конституции РФ, Федеральному закону от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹, Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»² органы прокуратуры РФ и Следственный комитет РФ не интегрированы в классическую триаду ветвей государственной власти и занимают обособленное положение в системе органов публичной власти, реализуя надзорные и правоохранительные функции. Из системного анализа федерального законодательства³,

¹ О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 29.12.2025) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

² О Следственном комитете Российской Федерации: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1. Ст. 15.

³ См.: Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федер. конституц. закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 29.05.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 9. Ст. 1011; Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации: федер. закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ (в ред. от 14.10.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 19. Ст. 2305; Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 20 июля 2012 г. № 120-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 29. Ст. 4094.

регулирующего правовой статус омбудсменов, следует, что эти государственные органы, осуществляющие правозащитные функции в области прав и свобод граждан, прав предпринимателей, прав и законных интересов детей, не только не входят в систему органов государственной власти, но и не обладают публично-властными полномочиями по принятию обязательных для исполнения правовых актов и применению мер государственного принуждения.

С учетом изложенного возникает объективная необходимость доктринального переосмысления нормативного содержания главы 17 КоАП РФ. Во-первых, под институтом государственной власти следует понимать организационно-правовую систему высших должностных лиц и органов государственной власти РФ и субъектов РФ, наделенных государственно-властными полномочиями, действующих в рамках установленной конституционно-правовой модели разделения властей, а также иных государственных органов с особым статусом. Во-вторых, объектом административно-правовой охраны выступает не только институт государственной власти в лице соответствующих должностных лиц, органов, государственной символики (герб, флаг), но и государственные органы с особым статусом.

Следовательно, в целях совершенствования терминологической точности административно-деликтного законодательства целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений в наименование указанной главы. Предлагаем следующее авторское наименование главы 17 КоАП РФ: «Административные правонарушения, посягающие на институты государственной власти и установленный порядок деятельности государственных органов с особым статусом». Представленная новелла отражает комплексный характер объекта административно-правовой охраны и позволяет обеспечить соответствие между наименованием главы и нормативным содержанием закрепленных в ней составов правонарушений.

Библиографический список

Федерации: федер. закон от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8427.

1. *Алексеев А. С.* К учению о юридической природе государства и государственной власти. М.: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1895. 35 с.
2. *Байтин М. И.* Государство и политическая власть. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1972. 239 с.
3. *Бельский К. С.* Полицейское право: лекционный курс. М.: Дело и Сервис, 2004. 814 с.
4. *Иванов И. В.* Феномен власти в конституционном праве: публичная власть, государственная власть, муниципальная власть, народовластие // Юрист. 2023. № 10. С. 14–19.
5. *Камышанский В. П.* Некоторые аспекты российской гражданско-правовой политики // Власть Закона. 2013. № 3 (15). С. 10–15.
6. *Камышанский В. П.* Некоторые проблемы правового регулирования отношений по обеспечению государственных и муниципальных нужд // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. 2010. № 4. С. 292–298.
7. *Камышанский В. П.* О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14–18.
8. *Камышанский В. П.* Проблемы права и справедливости в контексте институционализации интересов предпринимателей // Власть Закона. 2018. № 2 (34). С. 14–20.
9. *Камышанский В. П.* Цифровые права в российском гражданском законодательстве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 3. С. 13–16.
10. *Камышанский В. П., Туча В. В., Глинщикова Т. В.* Легализация параллельного импорта в Российской Федерации как мера противодействия внешнеэкономическим санкциям // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 29–43.
11. *Коркунов Н. М.* Русское государственное право: пособие к лекциям. Т. 1. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1914. 580 с.
12. Общая теория государства и права: учебник / под ред. В. В. Оксмытного, А. И. Клименко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити, 2025. 631 с.
13. Система органов государственной власти России: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Б. Н. Габричидзе и др. М.: Юнити, 2015. 479 с.
14. *Халипов В. Ф.* Кратология – наука о власти. Концепция. М.: Экономика, 2002. 367 с.

15. Чеботарев Г. Н. Конституционно-правовые механизмы формирования единой системы публичной власти в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2020. № 6 (135). С. 9–17.

16. Шмидт В. В., Ризов Ш. Х. Власть: к проблеме дефиниции // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 125–130.

с

К. В. Кравченко

аспирант Международного юридического института
Россия, г. Москва
patriot_carlos@mail.ru

**ТЕРМИН «ДЕТЕРМИНАНТЫ» В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ
ПРАВЕ: ПРЕДЕЛЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВА**

**THE TERM “DETERMINANTS” IN PENITENTIARY LAW: LIMITS
OF USAGE AND SIGNIFICANCE FOR PREVENTING RECIDIVISM**

В статье исследованы пределы употребления термина «детерминанты» в уголовно-исполнительном праве, а также раскрывается его значение для предупреждения рецидива. Термин заимствован из криминологии, однако устойчивого понимания обозначаемых им явлений не представлено, а смежные понятия «причины», «условия» и «факторы» нередко упоминаются как взаимозаменяемые. С опорой на формально-юридический и системно-правовой методы предложен отраслевой критерий, в частности соотнесение явлений с инструментами предупреждения. В качестве таких инструментов выступают средства исправления, подготовка к освобождению и меры probation, закрепленные законодательством. Терминологический анализ позволил разграничить понятия «причины», «условия» и «факторы». Каждое из них фиксирует свой элемент формирования рецидива. Обоснован вывод о том, что термин оправдан, если раскрыт состав комплекса явлений, каждый элемент соотнесен с инструментом предупреждения, а «детерминанты» сохраняют доктринальный характер и не подменяют нормативные категории. Установлено, что пределы употребления определяет функция термина, а не его этимология. Полученные результаты могут быть использованы в исследованиях предупреждения рецидива и аналитической работе администрации учреждений и органов, исполняющих наказания, при систематизации сведений об осужденном.

Ключевые слова: детерминанты, уголовно-исполнительное право, предупреждение рецидива, рецидивная преступность,

терминологический анализ, причины, условия и факторы рецидива, средства исправления, подготовка к освобождению, probation.

The article examines the scope of the term "determinants" within the context of penitentiary law and explores its significance for the prevention of recidivism. Although the term is borrowed from criminology, there is no established consensus regarding the phenomena it denotes; furthermore, related concepts such as "causes," "conditions," and "factors" are frequently treated as interchangeable. Drawing on formal-legal and systemic-legal methods, the author proposes a sector-specific criterion—specifically, linking these phenomena to prevention mechanisms. Such mechanisms include legally established correctional measures, preparations for release, and probation measures. A terminological analysis makes it possible to distinguish between "causes," "conditions," and "factors," as each concept identifies a specific element in the development of recidivism. The study concludes that the use of the term is justified provided that the complex of phenomena is clearly defined, each element is linked to a prevention mechanism, and "determinants" retain their doctrinal status without supplanting statutory legal categories. It is established that the scope of the term's usage is determined by its function rather than its etymology. These findings can be applied to research on recidivism prevention and to the analytical work of penal institution administrations when systematizing data on convicted individuals.

Keywords: determinants, penitentiary law, recidivism prevention, recidivism, terminological analysis, causes, conditions and factors of recidivism, means of correction, preparation for release, probation.

В исследованиях, посвященных предупреждению рецидива в уголовно-исполнительном праве, термин «детерминанты» прочно вошел в научный оборот. Но устойчивого понимания того, какие явления он обозначает и для каких аналитических задач используется, не представлено. Его содержание заимствовано из криминологии и не адаптировано к задачам уголовно-исполнительного права. Разграничение причин, условий

и факторов предложено в криминологических исследованиях¹, однако в работах уголовно-исполнительного направления оно проведено непоследовательно: «детерминанты», «причины», «условия» и «факторы» нередко упоминаются как взаимозаменяемые. Терминологическая неопределенность препятствует обоснованному выбору способов предупреждения. В доктрине не выработан единый отраслевой критерий, который последовательно соотносил бы конкретные явления со средствами исправления, подготовкой к освобождению или мерами пробации. Такой критерий мы предлагаем в настоящей статье.

В процессе исследования нами выявлен терминологический пробел при анализе разрабатываемого понятия «уголовно-исполнительный рецидив». Настоящая статья не раскрывает это понятие, а решает более узкую, предварительную задачу. Цель исследования – выделить пределы употребления термина «детерминанты» в уголовно-исполнительном праве и показать его значение для предупреждения рецидива. В работе применены формально-юридический и системно-правовой методы. Терминологический анализ использован для разграничения смежных понятий.

Криминология разрабатывала содержание термина «детерминанты» для анализа преступности. Наука уголовно-исполнительного права обратилась к нему позднее, когда предупреждение рецидива при исполнении наказаний потребовало описания комплекса явлений, участвующих в его формировании. Например, Е. Э. Попова, проанализировав диссертационные исследования за 2014–2024 гг., установила, что «большая часть исследований по тематике уголовно-исполнительного права – это работы криминологического направления (так называемая уголовно-исполнительная криминология)»². Преобладание криминологической направленности объясняет употребление термина в отраслевых исследованиях. Но это не подтверждает его применимость к задачам уголовно-исполнительного права.

¹ Прокументов А. М., Шеслер А. В. Некоторые подходы к рассмотрению детерминант преступности в отечественной криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 164.

² Попова Е. Э. Состояние науки уголовно-исполнительного права: взгляд изнутри (на примере анализа диссертационных исследований за 2014–2024 годы) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 8. С. 44.

Е. С. Жигарев подвергает критике использование терминов «детерминация» и «детерминанты» в криминологической теории причинности. По его мнению, они «к детерминизму не относятся», поскольку имеют иное содержание в эмбриологии и математике¹, и в них нет необходимости². Позиция заслуживает внимания, поскольку затрагивает пределы заимствования научной терминологии. Однако происхождение термина в этой аргументации, скорее, подменяет пределы его отраслевого употребления, чем определяет их.

Юридическая терминология не сводится к этимологии. В праве находят отражение понятия, заимствованные из философии, биологии, медицины и экономики, которые получают самостоятельное отраслевое содержание. Так, термин «рецидив» имеет медицинское происхождение и означает повторное проявление болезни. В уголовном праве он получил иное значение: рецидивом преступлений признают совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление, согласно ч. 1 ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). На основе этого понятия закон устанавливает специальные правила назначения наказания (ст. 68 УК РФ). Иными словами, важным видится не происхождение термина, а содержание, которое он приобретает в отрасли.

Даже если отказаться от термина «детерминанты», исследователю предстоит установить, какие явления формируют рецидив и какие из них могут быть предметом предупредительного воздействия. Употребление термина обосновано, если он означает целостный комплекс явлений, который каждое из смежных понятий по отдельности не подразумевает³. Термин «детерминанты» приобретает аналитическую ценность, если получает точное отраслевое содержание, то есть состав явлений раскрыт, а каждый элемент соотнесен с конкретным

¹ Жигарев Е. С. Сущность понятий «детерминация», «детерминанты», «причинность» и их взаимосвязь в генезисе преступности // Криминологический журнал. 2024. № 3. С. 99.

² Там же. С. 104.

³ Камышанский В. П., Руденко Е. Ю. Толкование гражданско-правовых актов: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2021. С. 14; Ротань В. Г., Камышанский В. П. Методология рационального толкования положений гражданского законодательства на примере ст. 401 ГК РФ // Власть Закона. 2025. № 2. С. 25; Камышанский В. П. О социальном и юридическом контексте норм гражданского права: вопросы методологии // Власть Закона. 2025. № 4. С. 28.

инструментом предупреждения. Это задает порядок последующего анализа: разграничить смежные понятия при соотнесении стоящих за ними явлений с инструментами предупреждения.

Е. С. Почеткова, рассматривая терминологию как средство законодательной техники, сформулировала правила ее употребления. Для настоящего исследования из этого перечня принципиальны два: смысловая однозначность и функциональная устойчивость¹. Несмотря на то, что требования адресованы законодательной терминологии, они обязательны и для научного понятийного аппарата. Один термин упоминают в одном значении, одно понятие обозначают одним термином, если автор не обоснует иной подход. Нарушение этих правил приводит к типовым ошибкам: одно явление обозначают разными терминами либо разные понятия смешивают под одним обозначением. Например, в некоторых публикациях² одни и те же явления в ключевых словах названы «причинами рецидивной преступности», в аннотации – «детерминантами», а в тексте представлены как «экономические, социальные, правовые, организационные и духовно-нравственные факторы», без разграничения по аналитической функции. Такое употребление лишает анализ предметной точности. В результате ни один из терминов не указывает на определенное явление.

В другой работе автор раскрывает детерминанты рецидива в исправительных учреждениях³: преступную агрессию осужденных, криминальную субкультуру, причины рецидива несовершеннолетних, раздельное содержание, подготовку к освобождению. В частности, термин означает комплекс явлений, и анализ подчинен задаче предупреждения повторных преступлений. Но это общий перечень, в котором причины, условия и факторы не выделены. Чтобы соотнести каждое явление с инструментом предупреждения, данные понятия нужно разграничить.

¹ Почеткова Е. С. Терминология как средство законодательной техники при регламентации исполнения наказания в виде штрафа // Пенитенциарная наука. 2009. № 8. С. 19.

² Михайлова Е. В. Криминологическая характеристика рецидивной преступности в России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 119, 121.

³ Фролов Д. В., Тимошкина О. А., Чукуров А. В. Детерминанты рецидивной преступности в местах лишения свободы: теоретический аспект // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 4. С. 58.

Поскольку термин заимствован из криминологии, первичное разграничение допустимо проводить с опорой на криминологические источники. Однако их положения служат лишь ориентиром с учетом того, что единая теоретическая база причин преступности в криминологии не сформирована, а классификация причин остается предметом спора¹. Эти положения требуют проверки применительно к задачам уголовно-исполнительного права, прежде всего предупреждению повторных преступлений. В качестве исходной принята концепция Л. М. Прокументова и А. В. Шеслера, поскольку она последовательно разводит причины, условия и факторы по видам детерминации.

Критерий такой проверки состоит в соотношении явлений с инструментами предупреждения, которые закрепляет законодательство, то есть средствами исправления (ч. 2 ст. 9 Уголовно-исполнительный кодекс (УИК) РФ), подготовкой к освобождению (ст. 180, 182 УИК РФ) и мерами пробации (Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», далее – Закон о пробации). Поэтому далее «причины», «условия» и «факторы» разграничивают по элементу формирования рецидива, который каждое из них фиксирует и на который направлен инструмент предупреждения.

Л. М. Прокументов и А. В. Шеслер определяют причины как явления, выражающие «такой вид детерминации, как причинение, продуцирование преступности»². Связь между причиной и следствием носит генетический характер, то есть причина порождает следствие. Причины рецидива – это личностные основания, в частности антисоциальная направленность, сохранившаяся или укрепившаяся за время отбывания наказания. В уголовно-исполнительном праве такие основания предусматривает понятие личности осужденного, которое, как показывает А. Я. Гришко, вытекает из систематического анализа уголовно-исполнительных норм³. На этот элемент направлены воспитательная работа как средство исправления (ч. 2 ст. 9 УИК РФ) и коррекция социального

¹ Бабурин В. В., Сурихин П. А. Теория причин преступности в российской криминологии: проблемы становления и перспективы развития // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 139.

² Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Указ. соч. С. 164.

³ Гришко А. Я. Понятия в уголовно-исполнительном праве: результаты криминологического и уголовно-исполнительного анализа // Вестник Кузбасского института. 2021. № 4 (49). С. 43.

поведения как одна из целей probation (ч. 1 ст. 4 Закона о probation). Причина отвечает на вопрос о том, что порождает рецидив, но не характеризует среду, в которой данное основание реализуется или ослабевает. Эту часть формирования рецидива фиксируют «условия».

«Условия» в уголовно-исполнительном праве имеют нормативное содержание. В. А. Уткин определяет их как «основные внешние параметры состояния субъектов уголовно-исполнительных отношений, юридически закрепленные в виде описаний, предписаний, ограничений или особых прав»¹. Регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний закреплено среди задач уголовно-исполнительного законодательства (ч. 2 ст. 1 УИК РФ). Закон различает обычные, облегченные и строгие условия отбывания лишения свободы (ст. 87 УИК РФ), и их изменение зависит от поведения осужденного. Эту связь закрепляет ч. 2 ст. 82 УИК РФ: «режим создает условия для применения других средств исправления осужденных». Н. С. Емельянов предлагает выделить режим в самостоятельную правовую категорию, отличную от средств исправления². В научном анализе эти же условия, согласно характеристике Л. М. Прокументова и А. В. Шеслера, «создают благоприятные возможности либо для формирования причин преступности, либо для их реализации»³. Нормативно закрепленные условия предусматривают лишь часть среды, которую регулирует УИК РФ. Социальные связи осужденного, доступность жилья и работы после освобождения остаются за этими пределами: они участвуют в формировании рецидива, но «условиями» в отраслевом аспекте не являются. Эти явления фиксируют «факторы».

Л. М. Прокументов и А. В. Шеслер полагают, что факторы «отражают определенную зависимость между преступностью и целым рядом социально значимых явлений», и эта зависимость носит функциональный характер⁴. Фактор отражает связь явления с рецидивом, но сам по себе не определяет роль такого явления в

¹ Уткин В. А. «Порядок» и «условия» исполнения и отбывания наказаний как категории уголовно-исполнительного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 103.

² Емельянов Н. С. Исполнение наказаний и probation: соотношение понятий и вопросы применения в контексте исправления осужденных // Московский юридический журнал. 2026. № 1. С. 99, 101.

³ Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Указ. соч. С. 164.

⁴ Там же.

формировании рецидива. Т. А. Малыхина, анализируя детерминацию рецидива, прослеживает, каким образом социальные явления через деформацию сознания лица приводят к повторному преступлению¹. О. А. Гинатулина обращает внимание на риск. Речь идет о том, что представление причинного комплекса как равноправного перечня компонентов смешивает причины и следствия и затрудняет выявление корневого звена². Поэтому одного перечня факторов недостаточно. Анализ должен показать, как каждое такое явление участвует в формировании рецидива и какими мерами на него можно воздействовать.

К факторам в настоящей статье отнесены явления, которые предшествуют повторному преступлению, функционально связаны с риском его совершения и поддаются предупредительному воздействию. Их состав раскрывает Н. С. Емельянов: ключевыми социально-экономическими детерминантами названы безработица, утрата социально полезных связей, отсутствие жилья и дефицит необходимых знаний и навыков³. При подготовке к освобождению осужденному содействуют в трудовом и бытовом устройстве (ст. 180, 182 УИК РФ, ст. 16 Закона о пробации). На практике трудовое и бытовое устройство освобождаемых обеспечено не всегда, а сохраняющаяся социальная неустроенность может способствовать повторному преступлению⁴. После освобождения все эти явления объединяет постпенитенциарная пробация, направленная на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию (п. 4 ч. 1 ст. 5 Закона о пробации). Явления, возникшие лишь после повторного преступления, к его факторам не относятся, поскольку не могли участвовать в формировании рецидива.

Проведенное разграничение показывает, что именно дополняет термин «детерминанты» к смежным понятиям.

¹ Малыхина Т. А. О специфике детерминации современной рецидивной преступности в России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 80.

² Гинатулина О. А. Теоретико-методологические аспекты детерминантов рецидивной преступности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 11. С. 19–20.

³ Емельянов Н. С. Указ. соч. С. 102.

⁴ Приговор Кавалеровского районного суда (Приморский край) от 16 июля 2025 г. по делу № 1-95/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/deK7Mo9FJmxO/> (дата обращения: 25.06.2026).

Причины отражают личностные основания рецидива, условия – нормативную среду его реализации, факторы – явления за пределами нормативной среды, поддающиеся предупредительному воздействию. Целостный механизм формирования рецидива ни одно из них по отдельности не удерживает. А. М. Прокументов и А. В. Шеслер пишут о том, что выделение причин, условий и факторов «носит условный характер, поскольку в реальной действительности они существуют в тесной взаимосвязи»¹. При исследовании рецидива термин «детерминанты» в уголовно-исполнительном праве означает комплекс указанных элементов в их взаимосвязи, соотнесенный с инструментами предупреждения.

Из этого следуют пределы употребления термина. Он обоснован при трех условиях. Первое: состав комплекса раскрыт, а не назван, то есть указаны конкретные причины, нормативно закрепленные условия и факторы. Второе: каждый элемент соотнесен с инструментом предупреждения, то есть средством исправления, подготовкой к освобождению или мерой probation. Третье: термин сохраняет доктринальный характер и не подменяет нормативные категории УИК РФ и Закона о probation. Вне приведенных требований «детерминанты» дублируют смежные понятия, и этимологическая критика становится справедливой, но по иному основанию: термин не выполняет самостоятельной аналитической работы.

Для науки уголовно-исполнительного права из этого следует методологическое требование о том, что исследование, использующее термин «детерминанты», должно раскрывать, какие элементы комплекса явлений имеют значение и каким инструментом предупреждения на каждый из них можно воздействовать. При соблюдении этого требования термин оправдывает свое употребление, то есть позволяет соотнести явления, формирующие рецидив, с инструментами его предупреждения.

Библиографический список

1. Бабурин В. В., Сурихин П. А. Теория причин преступности в российской криминологии: проблемы становления и перспективы развития // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 138–143.

¹ Прокументов А. М., Шеслер А. В. Указ. соч. С. 164.

2. *Гинатулина О. А.* Теоретико-методологические аспекты детерминантов рецидивной преступности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 11. С. 17–22.

3. *Гришко А. Я.* Понятия в уголовно-исполнительном праве: результаты криминологического и уголовно-исполнительного анализа // Вестник Кузбасского института. 2021. № 4 (49). С. 41–49.

4. *Емельянов Н. С.* Исполнение наказаний и пробация: соотношение понятий и вопросы применения в контексте исправления осужденных // Московский юридический журнал. 2026. № 1. С. 95–106.

5. *Жигарев Е. С.* Сущность понятий «детерминация», «детерминанты», «причинность» и их взаимосвязь в генезисе преступности // Криминологический журнал. 2024. № 3. С. 99–105.

6. *Камышанский В. П.* О социальном и юридическом контексте норм гражданского права: вопросы методологии // Власть Закона. 2025. № 4. С. 28–37.

7. *Камышанский В. П., Руденко Е. Ю.* Толкование гражданско-правовых актов: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2021. 84 с.

8. *Малыхина Т. А.* О специфике детерминации современной рецидивной преступности в России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 75–85.

9. *Михайлова Е. В.* Криминологическая характеристика рецидивной преступности в России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 119–124.

10. *Попова Е. Э.* Состояние науки уголовно-исполнительного права: взгляд изнутри (на примере анализа диссертационных исследований за 2014–2024 годы) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 8. С. 41–49.

11. *Почеткова Е. С.* Терминология как средство законодательной техники при регламентации исполнения наказания в виде штрафа // Пенитенциарная наука. 2009. № 8. С. 19–22.

12. *Прозументов А. М., Шеслер А. В.* Некоторые подходы к рассмотрению детерминант преступности в отечественной криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 160–166.

13. *Ротань В. Г., Камышанский В. П.* Методология рационального толкования положений гражданского

ТЕРМИН «ДЕТЕРМИНАНТЫ» В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ:
ПРЕДЕЛЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВА

законодательства на примере ст. 401 ГК РФ // Власть Закона. 2025. № 2. С. 25–59.

14. Уткин В. А. «Порядок» и «условия» исполнения и отбывания наказаний как категории уголовно-исполнительного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 99–106.

15. Фролов Д. В., Тимошкина О. А., Чукуров А. В. Детерминанты рецидивной преступности в местах лишения свободы: теоретический аспект // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 4. С. 56–65.

И. А. Медведев
адъюнкт Академии управления МВД России
Россия, г. Москва
medvedev.iliya@yandex.ru

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИСКУРС СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
И РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ЕГО
ФОРМИРОВАНИИ**

**CIVILIZATIONAL DISCOURSE OF MODERN RUSSIA
AND THE ROLE OF RELIGIOUS ASSOCIATIONS IN ITS
FORMATION**

В статье рассмотрены вопросы генезиса и современного состояния цивилизационного дискурса в России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления цивилизационной концепции как важного элемента формирующейся ценностно ориентированной идеологии российского государства. В работе прослеживается эволюция нарратива до концепта «Россия – государство-цивилизация», используемого сегодня для формирования фундамента многополярного мироустройства. Согласно авторской позиции, возникновение современного цивилизационного дискурса стало реакцией государства на идеологическую экспансию недружественных государств, а точкой отсчета обоснованно считают Мюнхенскую речь В. В. Путина. Особое внимание уделено роли традиционных религиозных объединений как надежных партнеров государства в защите духовного суверенитета и реализации культурно-воспитательной функции. Автор заключает, что рассматриваемый дискурс базируется на прочном историко-философском фундаменте. Сделан вывод о том, что укоренение цивилизационной концепции в общественном сознании станет возможным лишь при консолидации усилий субъектов, участвующих в осуществлении культурно-воспитательной функции современного российского государства.

Ключевые слова: цивилизационный дискурс, культурно-воспитательная функция, современное российское государство, религиозные объединения, Россия – государство-цивилизация,

духовно-нравственные ценности, национальная безопасность, суверенитет, цивилизационная концепция, идеология, культура.

The article examines the origins and current state of civilizational discourse in Russia. The study is timely due to the need to understand the civilizational concept as a key element of the Russian state's emerging value-oriented ideology. The paper traces the evolution of this narrative into the concept of "Russia as a civilization-state"—a notion currently employed to lay the groundwork for a multipolar world order. The author argues that the emergence of modern civilizational discourse was the state's response to the ideological expansion of unfriendly nations, with V. V. Putin's Munich speech serving as the recognized starting point. Particular attention is paid to the role of traditional religious organizations as reliable state partners in safeguarding spiritual sovereignty and fulfilling the state's cultural and educational mission. The author concludes that this discourse rests on a solid historical and philosophical foundation. It is further concluded that embedding the civilizational concept in the public consciousness will only be possible through the concerted efforts of all stakeholders involved in carrying out the cultural and educational functions of the modern Russian state.

Keywords: civilizational discourse, cultural-educational function, contemporary Russian state, religious associations, Russia as a state-civilization, spiritual and moral values, national security, sovereignty, civilizational concept, ideology, culture.

В новейшей отечественной истории Россия впервые представлена в статусе государства-цивилизации в предвыборной программной статье В. В. Путина под названием «Россия: национальный вопрос», опубликованной 23 января 2012 г. В дальнейшем цивилизационный нарратив прочно закрепился в общественном пространстве, породив в интеллектуальной и политической среде дискуссии о его потенциальной роли как ключевого элемента ценностно ориентированной идеологии государства.

К задачам настоящего исследования отнесены анализ истории и механизма формирования российского цивилизационного дискурса, роли религиозных объединений в его формировании, обзор его теоретических и правовых основ, а также определение перспектив развития.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (РФ), утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля

2021 г. № 400 (далее – Стратегия), гласит о том, что традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций¹. Стратегия указывает на информационно-психологические диверсии и «вестернизацию» культуры как на факторы, усиливающие угрозу утраты Россией культурного суверенитета, а также на участвовавшие попытки фальсификации истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов, ослабления государствообразующего народа. Обращено внимание на попытки дискредитации традиционных для России конфессий².

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определяет деструктивную идеологию как чуждую российскому народу и разрушительную для российского общества систему идей и ценностей, насаждаемую идеологическим и психологическим воздействием на граждан³. К деструктивной идеологии Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 относит культивирование безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи и брака, многодетности, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений⁴. Указ гласит о том, что деструктивное идеологическое воздействие на граждан РФ становится угрозой для демографической ситуации в стране.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² Там же.

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 (в ред. от 04.03.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁴ Там же.

Считаем, что масштабное распространение этих угроз стало возможным благодаря явлению, для обозначения которого многие современные исследователи (А. Н. Буховец, О. В. Парилов, А. П. Топольян, Г. П. Хорина, Г. Ю. Филимонов, Т. Г. Чекменева, Е. В. Смирнова и др.) используют термин «вакуум» в сочетании с атрибутивными прилагательными, такими как идеологический, духовный, идейно-ценностный и др. После развала СССР, когда идеология, на протяжении десятилетий интегрировавшая советское общество, оказалась «за бортом истории», в Конституции РФ получили закрепление запрет государственной идеологии и принцип светскости государства, а образование и культура фактически низведены до уровня сферы услуг. Государство дистанцировалось от выполнения культурно-воспитательной функции. Как итог, молодое российское общество ввергнуто в состояние дюркгеймовской аномии, а в страну ринулись «идеологические эмиссары» недружественных государств, рассчитывая заполнить образовавшуюся идейную пустоту.

При этом западные страны использовали как официальные структуры, так и разнообразные неправительственные, некоммерческие организации, всевозможные «Соросы и сотоварищи», религиозные секты и течения оккультного толка, для разрушительной деятельности которых в России созданы «тепличные условия». По сути, против российского государства развернута широкомасштабная когнитивная война, результатом которой, по задумке «наших западных партнеров», должна была стать полная мировоззренческая «перепрошивка» российского населения, сопряженная с утратой традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов.

На постсоветском пространстве к началу нулевых в светской этике, образовании и культуре возобладала западная традиция позитивистской философии, направленная на культ индивидуальной выгоды и пользы, гедонизма, ревизии, а порой и критики государственного устройства и традиционных духовных ценностей, в том числе традиционных религиозных¹. Суть наступивших последствий очень точно, на наш взгляд, определил Е. О. Кубякин. В 2011 г. он акцентировал внимание на том, что у

¹ Ходякова Н. В., Сердюк Н. В., Виноградова Н. Ф. Развитие личности в образовании как педагогическая стратегия противодействия ментальной агрессии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 214.

многих молодых россиян нет идейного стержня, ни идеологического, ни религиозного, ни мировоззренческого или философского¹. По оценке В. В. Путина, «в результате мы получили разрушительный удар по культурному и духовному коду нации, столкнулись с разрывом традиций и единства истории, с деморализацией общества, с дефицитом взаимного доверия и ответственности»². Президент РФ уточнил, что после 1991 г. государство, власть, интеллектуальный и политический класс практически самоустранились от участия в работе по выработке новой национальной идеологии, идеологии развития, национальной идеи, основанной на национальной идентичности³.

Осознав экзистенциальный характер угрозы, которую представляет собой факт наличия идеологического вакуума, государство приняло комплекс мер по деколонизации русского сознания⁴ (термин, введенный А. Г. Дугиным, представляется наиболее точным) и выстраиванию «эшелонированной идеологической обороны», существенно изменив подход к реализации культурно-воспитательной функции. Полагаем, что магистральным направлением работы по заполнению духовного вакуума стал цивилизационный дискурс, транслируемый современным российским государством в неразрывной связи с традиционными духовно-нравственными ценностями. Предтечей возникновения цивилизационного нарратива в российском идейно-публичном пространстве считаем идеологему «Россия – страна с более чем тысячелетней историей», отраженную в Мюнхенской речи В. В. Путина 10 февраля 2007 г.⁵, речи, которая,

¹ Кубякин Е. О. Молодежный экстремизм в условиях информатизации и глобализации социума: постановка проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3. С. 66.

² Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России: офиц. сайт. 2013. 19 сентября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19243> (дата обращения: 14.07.2026).

³ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России: офиц. сайт. 2013. 19 сентября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19243> (дата обращения: 14.07.2026).

⁴ Исaiченко О. Философ Дугин призвал к деколонизации русского сознания // Взгляд: деловая газета. 2024. 10 октября. URL: <https://vz.ru/news/2024/10/10/1291785.html> (дата обращения: 14.07.2026).

⁵ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России: офиц. сайт. 2007. 10 февраля. URL:

по мнению российского политолога Д. Куликова, ознаменовала окончание глобального доминирования западной цивилизации¹. Доминирование, как пишет Г. Г. Небратенко, в XXI столетии вошло в противоречие с человеческим прогрессом и принципами международной безопасности, ущемляя национальные интересы многотысячелетней Индии, Ирана, Китая и тысячелетней России².

Заслуживают внимания исследование С. А. Мальченкова³, в котором он прослеживает эволюцию воззрений В. В. Путина на цивилизационную сущность России, и анализ посланий Президента России Федеральному Собранию, проведенный В. Э. Багдасаряном, П. П. Балдиным, С. И. Реснянским⁴ в 2021 г. Ограничимся перечислением выступлений главы государства и нормативно-правовых актов, которые, на наш взгляд, стали историческими вехами в формировании цивилизационного подхода в российском общественно-политическом дискурсе.

К таким вехам нами отнесены опубликованная в январе 2012 г. программная статья «Россия: национальный вопрос»⁵ В. В. Путина, возглавлявшего в этот период Правительство РФ, Послание Президента России от 12 декабря 2012 г.⁶, Валдайская

<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 14.07.2026).

¹ Куликов рассказал об особом значении Мюнхенской речи Путина // Вести. 2026. 11 февраля. URL: <https://www.vesti.ru/article/4911382> (дата обращения: 14.07.2026).

² Небратенко Г. Г. Перспектива конвергенции правовой системы России и Китая как юридическое измерение многополярности в XXI столетии // Государство и право. 2023. № 7. С. 46.

³ Мальченков С. А. Цивилизационный дискурс в высказываниях В. В. Путина // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 53.

⁴ Багдасарян В. Э., Балдин П. П., Реснянский С. И. Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию как источник изучения исторической политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 421.

⁵ Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 10.07.2026).

⁶ Послание Президента Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (дата обращения: 14.07.2026).

речь¹ главы государства 2013 г., Крымская речь² Президента России 2014 г., Послание Президента РФ от 4 декабря 2014 г.³, Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808⁴, конституционная реформа 2020 г., а именно введение в Основной закон страны ст. 67.1⁵, Концепция внешней политики РФ (Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229⁶), выступление В. В. Путина на пленарном XX заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», состоявшемся 5 октября 2023 г.⁷.

За эти годы рассматриваемая концепция прошла в своем генезисе путь от идеологемы «Россия – страна с тысячелетней историей», призванной прежде всего обеспечить защиту от проникновения в российское общество деструктивной идеологии, до концепта «Россия – государство-цивилизация», используемого сегодня для формирования фундамента нового многополярного мироустройства. Именно после издания Указа Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 и Валдайской речи Президента РФ 2023 г. российский цивилизационный дискурс переходит в иной идеологический регистр, становится частью фундамента

¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России: офиц. сайт. 2013. 19 сентября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19243> (дата обращения: 14.07.2026).

² Послание Президента Российской Федерации от 18 марта 2014 г. // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39444> (дата обращения: 14.07.2026).

³ Послание Президента Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39443> (дата обращения: 14.07.2026).

⁴ Об утверждении Основ государственной культурной политики: указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 (в ред. от 17.07.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7753.

⁵ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=mu9lg2hq79484845988> (дата обращения: 10.05.2026).

⁶ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 14. Ст. 2406.

⁷ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России: офиц. сайт. 2023. 5 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444> (дата обращения: 14.07.2026).

полицентричной архитектуры международных отношений, какой ее видит Россия.

Вызывает интерес исследование Н. И. Грачева, в котором на основе официального признания России государством-цивилизацией в Концепции внешней политики определен ряд идей. Такие идеи, по мнению автора, могли бы послужить основой обновленной Конституции РФ¹, что требует, на наш взгляд, дополнительного осмысления.

Первым международным актом, в котором Россия заявлена в цивилизационном статусе, стала Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа, подписанная лидерами двух стран 20 мая 2026 г. В декларации оба государства определены как цивилизации с древней историей². В документе сделан акцент на необходимости выступать против расширения военных альянсов, «гибридных» войн и войн «чужими руками», продвигать создание обновленной архитектуры безопасности³.

О наличии основания для совместного (российско-китайского) купирования милитаристских устремлений некоторых современных государств в 2025 г. пишет Г. Г. Небрatenко: «Успешное противостояние возникающим угрозам предполагает сосредоточение коллективных усилий государств, чтящих традиционные духовно-нравственные ценности, с целью укрепления международной безопасности»⁴. В этой связи считаем, что дополнительного изучения заслуживает тезис В. Д. Мазаева о том, что российское государство должно обустраиваться на уровне развития региональных стран, далее формируя и развивая свою

¹ Грачев Н. И. Сущность Конституции и государство-цивилизация как концептуальная парадигма конституционного развития России в XXI веке // Власть Закона. 2024. № 3 (59). С. 40.

² Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6486> (дата обращения: 14.07.2026).

³ Там же.

⁴ Небрatenко Г. Г. О сохранении объективной исторической памяти о Великой Отечественной войне в XXI столетии // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: сб. тр. XXVI Национальной науч. конф. с междунар. участием (Таганрог, 25–26 апреля 2025 г.). Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2025. С. 187.

идентичность в сообществе близких по цивилизационным и духовно-нравственным особенностям государств¹.

Цивилизационный статус России стал частью риторики предстоятеля Русской православной церкви² и главы Духовного управления мусульман, нашел отражение в социальной доктрине российских мусульман³, принятой в июле 2015 г. Концепция «Россия – государство-цивилизация» находится в центре дискуссий экспертных площадок религиозных организаций. Основная интеллектуальная работа проводится в рамках деятельности Всемирного русского народного собора (далее – Собор).

В исследовательской оптике Собора цивилизационный нарратив неразрывно связан с концептами «Святая Русь» и «Русский мир», а Наказом XXV Всемирного русского народного собора в ноябре 2023 г. введено понятие «Удерживающий» как духовная миссия России⁴. Анализ концепций «Святая Русь», «Русский мир» и «Катехон» («Удерживающий») выходит за рамки исследования, но, по нашему мнению, их идейно-ценностный ресурс мог бы стать важной частью российского цивилизационного дискурса.

Анализ приведенных выше выступлений Президента РФ и ряда ключевых документов стратегического планирования⁵

¹ *Мазаев В. Д.* Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) // *Lex Russica* (Русский закон). 2021. Т. 74. № 7 (176). С. 26.

² *Кузнецов В. А.* Цивилизационный дискурс Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла (по материалам публичных выступлений) // *Aspiratio. Журнал церковно-гуманитарных исследований*. 2023. № 1. С. 46.

³ Социальная доктрина российских мусульман // Совет муфтиев Духовного управления мусульман РФ. URL: <https://muslim.ru/articles/280/13635/> (дата обращения: 14.07.2026).

⁴ Наказ XXV Всемирного Русского Народного Собора «Настоящее и будущее русского мира» // Всемирный русский народный собор. URL: <https://vrns.ru/documents/nakaz-xxv-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora-nastoyashchee-i-budushchee-russkogo-mira/> (дата обращения: 14.07.2026).

⁵ Об обеспечении межнационального согласия: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 602; О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400; Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809; Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229; Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: указ Президента РФ от 28

позволяет сделать вывод о том, что современное российское государство видит в традиционных религиозных объединениях надежного соратника в защите духовного суверенитета, в борьбе с многочисленными угрозами, посягающими на подрыв внутренней стабильности РФ. Религиозные объединения оказывают активное содействие государству в осуществлении его обновленной ценностно и цивилизационно ориентированной культурно-воспитательной функции, помогая в решении широкого круга общенациональных задач¹.

Вопрос цивилизационной идентичности России активно исследуют сегодня ученые разных профилей, в том числе философы, политологи, историки, социологи и др. Исследовательский интерес для нас представляют работы В. В. Аверьянова, В. Э. Багдасаряна, А. Г. Дугина, С. А. Караганова, Н. И. Лапина, В. М. Межуева, М. М. Мchedловой, В. И. Спиридоновой, О. И. Шкаратана, Ю. В. Яковца.

Концепцию «Россия – государство-цивилизация» активно обсуждают на площадках Валдайского, Изборского и Зиновьевского клубов, различных дискуссионных и экспертных сообществ. Особого внимания заслуживает тот факт, что концепция России как государства-цивилизации нашла отражение в современных учебных пособиях. Так, в школьных учебниках под редакцией В. Р. Мединского построен нарратив «непрерывность государственности», при котором Московское государство, Российская империя, СССР и современная Россия представлены как этапы единого эволюционного процесса². С сентября 2023 г. первокурсники российских вузов изучают дисциплину «Основы российской государственности», разработанную по поручению Президента РФ в рамках проекта «ДНК России», включающую в себя разделы «Российское

декабря 2024 г. № 1124; О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: указ Президента РФ от 25 ноября 2025 г. № 858. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 150–151.

² Фукс А. Н., Ковригин В. В. Становление концепции «Россия – государство-цивилизация» в школьных учебниках истории // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 64.

государство-цивилизация» и «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации».

Российский цивилизационный дискурс является не возникшей из ниоткуда умозрительной теорией, а концепцией, имеющей глубокие исторические корни. Российская цивилизационная теория родилась в XIX веке в плодородной почве, щедро удобренной идеями ранних славянофилов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, строгими суждениями П. Я. Чаадаева, историософией В. Ф. Одоевского, теорией официальной народности С. С. Уварова, а веками ранее – концепцией «Москва – Третий Рим» монаха Филофея. Родилась и благодаря Н. Я. Данилевскому, предложившему принципиально новый взгляд на исторический процесс; около полутора столетий созревала в русской общественной и философской мысли, литературных течениях и идейно-политических движениях, «пробивалась сквозь сорняки» чуждых мировоззрений и обрела новое воплощение в идеологическом дискурсе современного российского государства.

К 2007 г. в истории России сформировалась ситуация, в которой, по меткому утверждению В. И. Спиридоновой, возникла необходимость сконцентрировать все силы на восстановлении и укреплении своей цивилизационной субъектности¹. В качестве яркой исторической аналогии такого состояния автор приводит период после поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. В этот период России, как и сегодня, противостоял коллективный Запад². Нельзя не согласиться с Д. А. Матанцевым, А. В. Синельниковым, утверждающими, что тезис Г. Лотце о том, что проблема ценностей возникает в условиях экзистенциальных вызовов, относится не только к человеку, но и к существованию общества и государства³.

Используя терминологию В. В. Аверьянова, можно констатировать, что в современной России принята эстафета русской цивилизационистики, вклад в которую внесли основные представители почвенничества (Ф. М. Достоевский, А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов). Среди них и Н. Я. Данилевский,

¹ Спиридонова В. И. «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке // Общественные науки и современность. 2022. № 3. С. 117.

² Там же.

³ Матанцев Д. А., Синельников А. В. Традиционные ценности в конституционном преломлении // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2023. № 4. С. 211.

создатель учения о культурно-исторических типах; К. Н. Леонтьев, который предложил византистскую версию теории России-цивилизации¹, а развивали идеи евразийцы (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Л. П. Карсавин, А. Н. Гумилев и др.).

«Участниками этой эстафеты» на разных исторических этапах становились Ф. И. Тютчев, Д. И. Менделеев, В. В. Розанов, И. А. Ильин и многие другие русские мыслители, а в советско-российский период – А. С. Панарин, Б. С. Ерасов, С. А. Ахиезер и др. Вклад в успешную «передачу эстафеты» внесли и русские религиозные философы В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, С. А. Франк, а также представители русского космизма Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский.

Можно заключить, что возникновение современного цивилизационного дискурса стало закономерной реакцией российского государства на идеологическую экспансию недружественных стран. Точкой отсчета исследуемого дискурса считаем Мюнхенскую речь В. В. Путина.

Системно построенная государственная политика по защите суверенитета, эффективная законодательная деятельность по комплексному противодействию деструктивной идеологии принесли видимые результаты. Однако интервенция в российское духовное пространство продолжается. Тезис о том, что коллективному Западу не нужна сильная и суверенная Россия, провозглашенный Президентом РФ в марте 2022 г., не теряет актуальности. Как пишут Г. Г. Небратенко, С. В. Студеникина, недружественные государства всегда с радостью поддерживали любую идеологию, в том числе экстремистскую, оказывающую деструктивное влияние на Россию, представляемую на международной арене как мишень для агрессии².

Современные угрозы и вызовы ценностному и культурно-цивилизационному суверенитету России – обширная тема, требующая отдельного исследования. Поэтому приведем лишь

¹ Аверьянов В. В. Русская традиция-цивилизация на новом перевале. Поиск модели самоописания (авторский доклад Изборскому клубу Виталия Аверьянова) // Изборский клуб. 2024. № 7-8. С. 32.

² Небратенко Г. Г., Студеникина С. В. Нормативно-правовое закрепление государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2. № 4. С. 27.

такие из них, которые, на наш взгляд, требуют пристального внимания государства.

А. Д. Харичев, начальник Управления Президента РФ по вопросам мониторинга и анализа социальных процессов, в статье «Цивилизация „Россия”» указывает на попытки западных стран насадить трансгуманистические и постгуманистические идеологии, противоречащие цивилизационному коду России, использовать национальную или религиозную почву для разжигания конфликтов, искусственно разогреть конфликты между мигрантами и местным населением, распространить идеи сепаратизма. Автор заключает: «... нет ничего более губительного для России, чем национализм»¹. На эту опасность в 2012 г. в программной статье указал В. В. Путин, подчеркнув, что национализм, религиозная нетерпимость становятся идеологической базой для самых радикальных группировок и течений, разрушают, подтачивают государства и разделяют общества².

Главной мишенью идеологического наступления на Россию стала молодежь, что делает эти атаки особенно циничными. По мнению Н. В. Сердюк, ситуация, которая привела к началу специальной военной операции, детерминирована длительным вмешательством недружественных России государств. Последние пытались последовательно дестабилизировать ситуацию в стране посредством деятельности некоммерческих организаций, вовлекавших российскую молодежь в протестные движения, деструктивные объединения агрессивного, аутоагрессивного, экстремистского и террористического характера³.

С учетом острого характера этих угроз актуальным видится тезис В. В. Аверьянова, назвавшего в 2024 г. парадоксальной сложившуюся в России ситуацию, при которой цивилизационный подход продекларирован, но не внедрен в большую часть дисциплин и учебных курсов в системе образования, не создано

¹ Харичев А. Д. Цивилизация «Россия» // Блокнот гражданского просвещения. 2025. № 7. С. 8.

² Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 14.07.2026).

³ Сердюк Н. В. Юность в поисках смысла жизни: российская молодежь на перепутье // Динамика смысловой реальности и акме личности: сб. науч. тр. 100-летию А. А. Бодалева посвящается. М.: Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, 2023. С. 175.

соответствующее сквозное методологическое решение, не сформулировано общеприемлемое теоретическое представление о таких важных категориях, как государство-цивилизация, Русский мир, российская (русская) цивилизационная идентичность, российский цивилизационный антропотип и др.¹ Разделяя мнение российского философа, считаем важным обозначить свою позицию: чтобы российская цивилизационная концепция впиталась в общественное сознание и укоренилась в нем, стала неотъемлемой частью картины мира русского человека, надежным компасом, помогающим прокладывать курс сквозь информационный шум, пропаганду коллективного Запада и когнитивные ловушки, необходимо мобилизовать потенциал всех субъектов, участвующих в осуществлении культурно-воспитательной функции государства.

В этой связи представляется убедительной точка зрения В. В. Аверьянова. Он утверждает, что в настоящее время резко актуализировались поиски углубленного понимания «цивилизационной идентичности» на стыке целого ряда наук, а философия при этом призвана выступать в качестве смыслового модератора постижения России-цивилизации как целостного явления, разрабатывая критерии для выявления в научной и общественной мысли «моделей России»².

Согласимся с позицией, сформулированной Е. В. Киричек, о том, что для защиты национальных интересов и достижения целей развития РФ отечественная юридическая наука и практика должны в первую очередь сконцентрироваться на создании комплексной конституционно-правовой концепции суверенного развития российского государства, основанной на цивилизационной самобытности страны, общероссийской гражданской идентичности, единстве и сплоченности российского общества, традиционных духовно-нравственных ценностях³. Как справедливо пишут Н. В. Ходякова, Н. В. Сердюк, Н. Ф. Виноградова, за годы, последовавшие за распадом СССР, выросло несколько поколений россиян, которые стали воспринимать жизнь как череду нескончаемых удовольствий, смелых экспериментов с

¹ Аверьянов В. В. Указ. соч. С. 23.

² Аверьянов В. В. Указ. соч. С. 23

³ Киричек Е. В. Подходы к пониманию конституционно-правовой парадигмы государственного суверенитета // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 74.

собственной и чужой жизнью, за которые не придется расплачиваться ни ментально, ни материально, ни политически¹.

Поэтому полагаем, что активную культурно-воспитательную работу нужно проводить и со взрослым населением. В отличие от современной молодежи, поколения, становление которых пришлось на 1990-е и начало 2000-х гг., остались без системной идеологической защиты. И роль культуры как механизма трансляции цивилизационных ценностей видится в данном случае ключевой.

Развитие отечественного цивилизационного дискурса происходило параллельно с обретением российской культурой принципиально нового места в жизни страны. Неслучайно, например, С. С. Загребин считал, что в 2007 г., после Мюнхенской речи В. В. Путина, начался новый этап развития культурной политики России². На новой исторической итерации отечественная культура прошла путь от кризисного положения 90-х гг. XX в. до ситуации, в которой государство возвело ее в ранг национальных приоритетов³, признав ключевым фактором обеспечения национальной безопасности.

Как указано нами ранее, традиционные религиозные объединения, в первую очередь Русская православная церковь, являются сегодня надежными партнерами государства в формировании российской ценностно-цивилизационной матрицы. Однако в исследуемой сфере государственно-конфессионального взаимодействия существуют участки, на которых прослеживается необходимость сближения позиций. Это относится прежде всего к осмыслению советской исторической эпохи, в частности репрессивной политики государства в отношении духовенства.

В 2010-х гг. в церковных публикациях и высказываниях ряда иерархов Русской православной церкви находят отражение бескомпромиссное осуждение советского прошлого, определение советского режима как преступного (Сталина ставили порой в один ряд с Гитлером).

¹ Ходякова Н. В., Сердюк Н. В., Виноградова Н. Ф. Указ. соч. С. 214.

² Загребин С. С. Культурная политика в постсоветской России 1991–2015 гг. // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 4. С. 20.

³ Об утверждении Основ государственной культурной политики: указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 (в ред. от 17.07.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7753.

В течение последних лет наблюдается устойчивая тенденция по смягчению этой риторики в публичном дискурсе, но о гармонизации подходов говорить еще преждевременно. Убеждены, что в таких чувствительных для страны вопросах особенно важно видеть грань между объективной оценкой противоречивых исторических периодов и эмоциональным смакованием трагических событий, неизбежно приводящим к демонизации масштабных личностей, которые, цитируя Президента РФ, как правило, являются «сложными фигурами» и «продуктами своей эпохи».

Вынося ожесточенные дискуссии в публичное пространство, вместо того чтобы совместно выковывать духовную броню, мы обнажаем свои незаживленные исторические раны перед идеологическими противниками, которые с радостью используют их как инструмент раскола нации. Уместно привести слова Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Потому и трагические страницы нашего прошлого не должны быть поводом для разжигания ненависти и усиления напряженности, а осуждение террора не должно из нравственного акта превращаться в политический ритуал»¹. Согласимся и с позицией Патриарха, высказанной в 2014 г. на пленарном заседании Всемирного русского народного собора: «Нельзя повторять ошибки тех, кто по меткому выражению Александра Зиновьева, “целился в коммунизм, а попал в Россию”»².

Вместе с тем сближение позиций требует встречных усилий каждой из сторон. В этой связи рассмотрим еще один актуальный вопрос.

В 2025 г. вышла в свет упомянутая нами статья под названием «Цивилизация „Россия”»³ А. Д. Харичева. Признавая целый ряд достоинств публикации, очерчивающей современный

¹ Открытие мемориала памяти жертв политических репрессий «Стена скорби» // Президент России: офиц. сайт. 2017. 30 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444> (дата обращения: 14.07.2026).

² Слово Главы ВРНС, Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла на XVIII Всемирном Русском Народном Соборе // Всемирный русский народный собор (ВРНС). URL: <https://vrns.ru/news/slovo-glavy-vrns-svyateyshego-patriarkha-moskovskogo-i-vseya-rusi-kirilla-na-xviii-vsemirnom-russkom/> (дата обращения: 14.07.2026).

³ Харичев А. Д. Указ. соч. С. 4.

русский идеологический контур, не можем не упомянуть об оставшемся после прочтения статьи ощущении недосказанности, словно автор утаил нечто важное. Размышляя о том, как формировался общероссийский цивилизационный код, описывая факторы, повлиявшие на становление российской цивилизации, определившие ее уникальность, А. Д. Харичев не пишет об особой роли православия, закрепленной в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹, Указе Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 и Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, как и о вкладе в цивилизационное развитие других традиционных религий России. Автор избегает даже упоминания о Крещении Руси – цивилизационном выборе, повлиявшем на дальнейшую историю нашей страны. С учетом реалий исторического развития такой подход, на наш взгляд, представляется дискуссионным.

Обоснованным считаем мнение В. В. Аристархова, который, анализируя статью А. Д. Харичева и называя ряд его тезисов спорными, соглашается с «безрелигиозным» подходом автора и заключает, что любые официальные документы и концепции должны быть приемлемы и для верующих, и для неверующих граждан. В противном случае они будут способствовать расколу общества, а не укреплению его единства².

Подобными соображениями, полагаем, продиктован и тот факт, что в концепции учебно-методического комплекса модуля «Основы российской государственности»³ не отражена фундаментальная роль религии в формировании цивилизации. Это расходится с основополагающими принципами цивилизационных теорий Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, А. Тойнби, П. А. Сорокина, С. Хантингтона.

На возрастание остроты вопросов, связанных с существованием религии, как на устойчивую мировую тенденцию

¹ О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Российская газета. 1997. 1 октября.

² Владимир Аристархов: Идеология администрации президента: от Суркова к Харичеву. 2007–2025 гг. // Изборский клуб. 2025. 2 мая. URL: https://izborsk-club.ru/26883?ysclid=mt8qfkrpz5333249936#_ftnref2 (дата обращения: 14.07.2026).

³ О направлении УМК: письмо Министерства науки и высшего образования РФ от 11 августа 2023 г. № МН-11/1610-ОП // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/408945971/?ysclid=mu9qddl5wl798264350> (дата обращения: 14.07.2026).

в 2020 г., указывали Л. В. Денисова, А. А. Морозов, причисляя к общественным отношениям, в рамках которых возникает существенная напряженность, и отношения между носителями религиозных и секулярных позиций¹. Мы солидарны с мнением этих авторов в том, что общегражданские ценности, при всей их востребованности в плюралистическом обществе, не должны приобретать тоталитарный характер, требовать геттоизации любых традиционных культурных форм².

Таким образом, огромный духовно-нравственный потенциал религиозных объединений в России задействован государством не в полной мере. Вместе с тем для оптимизации государственно-конфессиональных отношений созданы необходимые площадки: Всемирный русский народный собор, Совет при Президенте РФ по взаимодействию с религиозными объединениями, Межрелигиозный совет России, а также различные дискуссионные клубы и экспертные сообщества.

В результате приходим к выводу о том, что только скоординированная работа органов публичной власти всех уровней, научно-педагогического и философского сообществ, традиционных религиозных объединений, учреждений и деятелей культуры, средств массовой информации и коммуникации позволит российской цивилизационной концепции стать наиболее эффективной идеологической платформой для воспитания высоконравственной личности, о которой идет речь в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 и Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.³, человека с цивилизационным мышлением, обладающим духовным, цифровым и когнитивным иммунитетом для защиты от современных угроз; платформой, органично вмещающей в себя

¹ Денисова Л. В., Морозов А. А. Лабиринты государственно-конфессиональных отношений на границе секуляризма и постсекуляризма // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26. № 10. С. 37.

² Денисова Л. В., Морозов А. А. Общественно-политическая активность религиозных объединений: клерикализация и секуляризация // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27. № 9. С. 59.

³ Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 23. Ст. 3307.

главные российские ресурсы единства¹ (термин О. А. Ефремова; перечень ресурсов составлен автором статьи): традиционные духовно-нравственные ценности, общероссийскую гражданскую идентичность, единую историю и общую историческую память, преемственность поколений, патриотизм, веру в Бога, русскую культуру и русский язык, осознание общей ответственности за будущее страны.

Библиографический список

1. Аверьянов В. В. Русская традиция-цивилизация на новом перевале. Поиск модели самоописания (авторский доклад Изборскому клубу Виталия Аверьянова) // Изборский клуб. 2024. № 7-8. С. 22–47.

2. Багдасарян В. Э., Балдин П. П., Реснянский С. И. Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию как источник изучения исторической политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 421–437.

3. Владимир Аристархов: Идеология администрации президента: от Суркова к Харичеву. 2007–2025 гг. // Изборский клуб. 2025. 2 мая. URL: https://izborsk-club.ru/26883?ysclid=mt8qfkpz5333249936#_ftnref2 (дата обращения: 14.07.2026).

4. Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 14.07.2026).

5. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.

6. Грачев Н. И. Сущность Конституции и государство-цивилизация как концептуальная парадигма конституционного развития России в XXI веке // Власть Закона. 2024. № 3 (59). С. 40–60.

7. Денисова Л. В., Морозов А. А. Лабиринты государственно-конфессиональных отношений на границе секуляризма и

¹ Единство – это то, что основано на сознании общей судьбы // Коммерсантъ. 2026. 15 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8656278> (дата обращения: 14.07.2026).

постсекуляризма // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26. № 10. С. 36–45.

8. *Денисова Л. В., Морозов А. А.* Общественно-политическая активность религиозных объединений: клерикализация и секуляризация // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27. № 9. С. 55–64.

9. Единство – это то, что основано на сознании общей судьбы // Коммерсантъ. 2026. 15 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8656278> (дата обращения: 14.07.2026).

10. *Загребин С. С.* Культурная политика в постсоветской России 1991–2015 гг. // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 4. С. 18–23.

11. *Исайченко О.* Философ Дугин призвал к деколонизации русского сознания // Взгляд: деловая газета. 2024. 10 октября. URL: <https://vz.ru/news/2024/10/10/1291785.html> (дата обращения: 14.07.2026).

12. *Киричек Е. В.* Подходы к пониманию конституционно-правовой парадигмы государственного суверенитета // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 64–80.

13. *Кубякин Е. О.* Молодежный экстремизм в условиях информатизации и глобализации социума: постановка проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3. С. 65–69.

14. *Кузнецов В. А.* Цивилизационный дискурс Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла (по материалам публичных выступлений) // Aspiratio. Журнал церковно-гуманитарных исследований. 2023. № 1. С. 46–63.

15. Куликов рассказал об особом значении Мюнхенской речи Путина // Вести. 2026. 11 февраля. URL: <https://www.vesti.ru/article/4911382> (дата обращения: 14.07.2026).

16. *Мазаев В. Д.* Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 7 (176). С. 15–31.

17. *Мальченков С. А.* Цивилизационный дискурс в высказываниях В. В. Путина // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 53–71.

18. Матанцев Д. А., Синельников А. В. Традиционные ценности в конституционном преломлении // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2023. № 4. С. 211–217.

19. Небратенко Г. Г. О сохранении объективной исторической памяти о Великой Отечественной войне в XXI столетии // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: сб. тр. XXVI Национальной науч. конф. с междунар. участием (Таганрог, 25–26 апреля 2025 г.). Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2025. С. 187–189.

20. Небратенко Г. Г. Перспектива конвергенции правовой системы России и Китая как юридическое измерение многополярности в XXI столетии // Государство и право. 2023. № 7. С. 44–54.

21. Небратенко Г. Г., Студеникина С. В. Нормативно-правовое закрепление государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2 № 4. С. 24–30.

22. Сердюк Н. В. Юность в поисках смысла жизни: российская молодежь на перепутье // Динамика смысловой реальности и акме личности: сб. науч. тр. 100-летию А. А. Бодалева посвящается. М.: Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, 2023. С. 174–177.

23. Спиридонова В. И. «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке // Общественные науки и современность. 2022. № 3. С. 116–127.

24. Фукс А. Н., Ковригин В. В. Становление концепции «Россия – государство-цивилизация» в школьных учебниках истории // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 61–66.

25. Харичев А. Д. Цивилизация «Россия» // Блокнот гражданского просвещения. 2025. № 7. С. 4–10.

26. Ходякова Н. В., Сердюк Н. В., Виноградова Н. Ф. Развитие личности в образовании как педагогическая стратегия противодействия ментальной агрессии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 213–222.

Ю. Н. Насонов

старший преподаватель
кафедры государственно-правовых дисциплин Ростовского
филиала Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева
Россия, г. Ростов-на-Дону
polkovniknasonov@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

KEY TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF EXECUTIVE POWER IN THE MODERN WORLD

В статье прослеживаются основные тенденции развития исполнительной власти в современном мире. По мнению автора, пока существует и развивается государственно-организованное общество, проблемы государственной исполнительной власти всегда будут находиться в центре внимания исследователей. Тем более что исполнительная власть является самой сильной, самой многофункциональной из трех ветвей власти. Она не только управляет, но и может заниматься правотворчеством, издавая подзаконные акты. В военное время (и в ряде чрезвычайных условий, как показывает история) правосудие осуществляется посредством военно-полевых судов. Среди тенденций развития современной исполнительной власти исследовательский интерес вызывает постепенное усиление авторитарно-автократических аспектов ее функционирования. Согласно авторской позиции, ситуация осложняется кризисом парламентаризма в ряде западных, демократических государств. Авторитарное правление наблюдается в условиях и демократической государственности, и тоталитаризма. Это в определенной степени форма, которая наполняется тем или иным содержанием. В зависимости от поставленных целей автократия может быть прогрессивной или реакционной, либеральной или консервативной. В ее реализации велика роль субъективного личностного фактора, что и показано в настоящей статье на основе исторического материала.

Ключевые слова: авторитарные и тоталитарные тенденции, форма правления, автократические начала, глава государства, президент, республиканская форма правления, парламентаризм, власть.

The article traces the key trends in the development of executive power in the modern world. The author argues that as long as state-organized society exists and evolves, issues surrounding state executive power will remain a focal point for researchers. This is particularly true given that the executive branch is the most powerful and multifunctional of the three branches of government; it not only governs but also engages in lawmaking by issuing subordinate legislation. In wartime—and, as history shows, under various emergency conditions—justice is administered through field courts-martial. Among the trends characterizing modern executive power, the gradual strengthening of authoritarian and autocratic aspects of its operation is a subject of particular research interest. The author posits that the situation is further complicated by the crisis of parliamentarism in a number of Western democratic states. Autocratic rule can be observed under both democratic statehood and totalitarianism; to a certain extent, it is a form that can be imbued with varying content. Depending on the objectives pursued, autocracy may be progressive or reactionary, liberal or conservative. The subjective personal factor plays a significant role in its implementation; a point illustrated in this article through historical material.

Keywords: authoritarian and totalitarian tendencies, form of government, autocratic principles, head of state, president, republican form of government, parliamentarism, power.

ХХ столетие продемонстрировало невиданный рост авторитарных и тоталитарных тенденций в развитии и монархических, и республиканских форм правления. Обе мировые войны связаны с понятием «Большая тройка». В 1917 г. во главе Антанты выступали президент Соединенных Штатов Америки (США) В. Вильсон, премьер-министр Соединенного Королевства Л. Джордж и премьер-министр Франции Ж. Клемансо. Именно они определяли судьбы мира после окончания Первой мировой войны на Парижской конференции. В условиях Второй мировой войны ситуация повторилась. Только теперь к лидерам США и Великобритании – Ф. Д. Рузвельту и У. Черчиллю – присоединился И. В. Сталин, глава СССР. В условиях мировых

войн резкое усиление личной власти лидеров становится неизбежным (у Сталина она была абсолютной.)

Во второй половине XX в. усиление авторитарных начал, дополненных автократическими, продолжается. И сегодня в качестве автократических лидеров выступают Си Цзиньпин (Китайская Народная Республика, КНР), Трамп (США) и Эрдоган (Турция). Причины развития авторитарно-автократических начал в современных формах правления многочисленны. Прежде всего это активность глобалистских структур, которые несут угрозу государственному строю и общественному порядку национальных, независимых государств. Угроза проявляется в агрессивной санкционной политике глобалистских институтов¹, практике государственных переворотов, организуемых извне, рецидивов международного терроризма и вооруженных конфликтов.

Суть главного принципа авторитарно-автократического правления сводится к тому, что все ключевые решения принимают на основе единоначалия, формально соблюдая установленные демократические процедуры. В условиях республиканской формы правления основным субъектом автократии выступает глава государства, то есть президент. Яркий пример – Д. Трамп, у которого много ограничений, но он стремится быть автократом.

В настоящей статье мы не рассматриваем автократическое правление в условиях абсолютных и дуалистических монархий, хотя русская калька с византийского титула «автократор» – самодержец. В центре нашего внимания находится то, что происходит в условиях президентских, суперпрезидентских и смешанных республик с демократическим, авторитарным и тоталитарным режимами.

На современном этапе государства с республиканской формой правления переживают системный кризис парламентаризма. Республики сталкиваются с тремя большими проблемами, породившими этот кризис. Их сформулировал в

¹См., напр.: Камышанский В. П., Туча В. В., Глинщикова Т. В. Легализация параллельного импорта в Российской Федерации как мера противодействия внешнеэкономическим санкциям // *Власть Закона*. 2023. № 1 (53). С. 29; Камышанский В. П. Иммуниет государства как общепризнанный принцип международного права // *Закон и право*. 2014. № 11. С. 15; Камышанский В. П. Проблемы права и справедливости в контексте институционализации интересов предпринимателей (колонка редактора) // *Власть Закона*. 2018. № 2. С. 14.

своим трудом итальянский философ и правовед Б. Леони: «...1) Как сделать так, чтобы количество граждан, уполномоченных выбирать представителей, соответствовало реальной структуре населения; 2) как поощрить выдвигать свои кандидатуры в представители тех граждан, которые были бы адекватными представителями воли народа; 3) как создать такую систему выбора представителей, при которой представители адекватно отражали бы мнения тех людей, которых они представляют»¹.

Еще в конце XIX века в работе «Великая лож нашего времени» приближенный к Александру III обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев размышлял: «... По смыслу парламентской фикции представитель отказывается в своем звании от личности и должен служить выражением воли и мысли своих избирателей; а в действительности избиратели в самом акте избрания отказываются от всех своих прав в пользу избранного представителя ... Избиратели являются для него стадом для сбора голосов, и владельцы этих стад уподобляются богатым кочевникам, для коих стадо составляет капитал, основание могущества и знатности в обществе. Так развивается, совершенствуясь, целое искусство играть инстинктами и страстями массы для того, чтобы достигнуть личных целей честолюбия и власти»².

Показательным примером кризиса современного парламентаризма видится ситуация в США. В этом государстве еще в XIX веке сложилась двухпартийная система. И все политики относятся либо к партии демократов, либо к партии республиканцев. К. В. Малофеев пишет: «В рамках принципа победного большинства мы можем наблюдать занятую картину, когда побеждающий на выборах президента США избирается примерно половиной избирателей, тогда как вторая половина остается недовольной, что регулярно перерастает в акции протеста, в том числе дестабилизирующего характера»³.

Структурный кризис государственного аппарата западных демократий стал одной из ключевых тенденций развития западных демократий. Относительно кризиса парламентского

¹ Леони Б. Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина; под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 140.

² Победоносцев К. П. Великая лож нашего времени: статьи, письма к Александру III. М.: Русская книга, 1993. С. 334.

³ Малофеев К. В. Монархия в XXI веке. М.: АСТ, 2026. С. 306.

представительства уместно указать следующее. Он наблюдается практически во всех демократических государственных режимах: дуалистических, парламентарных и министеральных. В качестве примера приведем «современную чехарду» премьер-министров в Великобритании, перманентный кризис канцлерской политики в ФРГ, отказ президента Франции Э. Макрона соблюдать парламентский обычай при назначении премьер-министра (последнее можно трактовать как проявление автократической тенденции).

С учетом изложенного становится неизбежным стремление широких народных масс к наведению порядка «сильной рукой». Точнее, наблюдается тяга к единоначалию, то есть к автократии. И наиболее коротким путем при достижении этой цели являются превращение главы государства в президентских, полупрезидентских и суперпрезидентских республиках в диктатора и установление авторитарного или тоталитарного политического режима.

Своего максимума автократия достигает при тоталитарной государственности. Прежде всего речь идет о политических режимах фашистской Италии и франкистской Испании, Венгрии в период диктатуры Хорти и Румынии времен Антонеску. Предельно автократическим был сталинский режим в СССР. В современных республиках, некогда бывших частями мировой системы социализма и по-прежнему являющихся тоталитарными государствами, автократическое правление в чистом виде сохраняется в КНДР и КНР. Именно в этих странах партократия достигла максимума. В частности, К. В. Малофеев пишет: «... В 2018 году китайская конституция была изменена в целях, как было заявлено, приведения ее в соответствие с Уставом Коммунистической партии»¹. Комментарии, полагаем, излишни.

Власть Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) практически ничем не ограничена. Он одновременно является председателем Военного совета ЦК КПК. Армия – его главная опора. В современных условиях только Генерального секретаря избирают представительный и законодательный органы КНР на пост председателя КНР.

Мощь коммунистических автократий обусловлена тем, что в них сильны монархические иллюзии, распространенные среди широких народных масс, проявляющиеся в признании особой

¹ Малофеев К. В. Указ. соч. С. 310.

роли первого лица – главы коммунистической партии (нечто подобное наблюдалось при фашистском режиме в Италии и нацистском режиме в Германии). Еще в конце XIX в. немецкие юристы-государствоведы выработали концепцию монархического принципа, которая адресована дуалистическим монархиям Западной Европы – Германской и Австро-Венгерской империям. В начале XX в. немецкий правовед Ф. Науман пришел к выводу о том, что в обоих указанных выше государствах утвердился режим мнимого конституционализма. В. И. Власов пишет: «... Монархический принцип, лежащий в основе мнимого конституционализма, проявлялся прежде всего в усилении личной власти главы государства (или главы правительства)»¹.

Если адресовать упомянутый выше принцип государственно-политическому развитию России и Китая, то уместно привести слова Г. В. Плеханова о победе социалистической революции в России. Он прогнозировал, что если не произойдет разочарования народа в самодержавной власти и «... ко времени революционного взрыва упомянутое разочарование не будет достаточно сильно, то не будет и народоправления, и свершившаяся революция может привести к политическому уродству, вроде древней китайской или перувианской империи, т.е. к обновленному царскому деспотизму на коммунистической подкладке»².

В целом этот прогноз подтвердился и в сталинском СССР, и в КНР, при Мао Цзэдуне. В Советском Союзе и Китае состоялась мощный прорыв в индустриальном развитии и образовании. В СССР создана мощная материально-техническая база, которая обеспечила победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В свою очередь, индустриализация в Китае после провозглашения КНР (1949) осуществлена при масштабной поддержке СССР. Е. Минуткина пишет: «С 1953 по 1956 год промышленное производство росло почти на 20 %, сельское хозяйство прибавляло около 5 % в год. ВУЗы и техникумы готовили по 130 тысяч инженеров, которые должны были обеспечивать еще более интенсивный рост»³.

¹ Власов В. И. Первое лицо в структурах исполнительной власти. М.: Вузовская книга, 2010. С. 58.

² Плеханов Г. В. Наши разногласия. К вопросу о роли личности в истории. Основные вопросы марксизма. М.: АСТ, 2023. С. 263.

³ Минуткина Е. От «скачка» к хунвейбинам // Дилетант. 2026. № 128. С. 12.

Однако, если в СССР политические репрессии вместе с коллективизацией сельского хозяйства не нанесли катастрофического экономического ущерба, то в Китае введение коммун на селе в рамках политики «Большого скачка» привело к голоду. Е. Минуткина приводит следующие данные: «От всеобщей коммунизации, а потом и от голода крестьяне побежали в города. Их население быстро достигло 130 млн человек, начался дефицит продуктов. Считается, что в годы “скачка” более 30 млн человек погибли от голода, экономический ущерб достигал 120 млрд юаней»¹.

Столкнувшись с критикой в руководстве КПК, Мао Цзэдун в 1966 г. инициировал так называемую культурную революцию. На совещании в политбюро он объявил борьбу с партийными руководителями, которые якобы пошли по буржуазному пути. Но, если в начале подверглись преследованию отдельные члены ЦК, то к концу 1967 г. начался массовый террор. Партийные органы на местах разгромлены. Около пяти миллионов коммунистов и беспартийных репрессированы, полтора миллиона из них убиты. Только смерть Мао Цзэдуна в 1976 г. остановила кровавую вакханалию. Через пять лет ЦК КПК признал «культурную» революцию смутой, которая причинила существенный ущерб коммунистической партии, государству и народу. Однако отказа от автократии не произошло. Новый авторитарный лидер – Дэн Сяопин – встал во главе партии и государства.

В СССР, наоборот, после смерти Сталина состоялось разоблачение его культа личности, и возрождения автократии не произошло. Фактически ее сменило олигархическое правление членов Политбюро ЦК КПСС. Но попытки реформировать сложившийся строй были жестко пресечены. Партийное руководство СССР проявило удивительную идеологическую инертность. Развитие марксистской теории было парализовано. Теоретические разработки коммунистов Западной Европы замалчивались и игнорировались. Произведения лидеров западных коммунистических партий, таких как Грамши, Марше, Корильо, не издавали. Не изучали опыт европейских стран социалистического содружества, в частности Венгрии и Югославии, активно использовавших концепции рыночного социализма. В результате Советский Союз в 70-е гг. XX в. вступил в период застоя, а затем, в результате глубокого политического

¹ Минуткина Е. Указ. соч. С. 13.

кризиса, вызванного горбачевской перестройкой, прекратил существование.

Иным было развитие КНР после смерти Мао Цзэдуна. Как указано выше, автократическое правление сохранено, но Дэн Сяопин взял курс на проведение рыночных реформ. Заняв посты председателя Центрального военного совета и председателя Центральной комиссии советников, как пишет А. Чигадаев, «он был готов открывать экономику, допускать рынок и учиться у Запада, но только при сохранении монополии партии. ... Именно эта логика – реформы без политического распада, развитие без утраты власти, порядок любой ценой – объясняет не только успехи Дэна, но и его пределы: категорический отказ от политической либерализации и готовность применить оружие против собственных граждан, когда протест угрожал монополии партии»¹. Наследники Дэн Сяопина последовательно продолжают его политический курс, выводя Китай на передовые позиции в мире. Подтверждением этого можно считать внутреннюю и внешнюю политику Си Цзиньпина.

Однако автократические тенденции – это не только принадлежность тоталитарной государственности. Автократия наблюдается и в суперпрезидентских, и в полупрезидентских республиках. Первые появились в странах Латинской Америки, а в условиях крушения колониальных империй получили распространение в Афро-Азиатском регионе. Их появление связано с волной национально-освободительных революций, которая прокатилась по американским колониям Испании в первой четверти XIX в. Возникшие латиноамериканские республики выстраивали формы правления по образцу США (другого и не было). Некоторые из них заимствовали и федеративную форму государственного устройства. Но, если Конституцию можно было списать, то заимствовать демократический политический режим оказалось невозможным. И президенты этих государств быстро превратились в диктаторов, то есть суперпрезидентов, устанавливавших авторитарные режимы с автократическим правлением. В итоге Латинская Америка в XIX–XX вв. стала заповедником авторитарных автократий, а фамилии ее правителей – Дювалье, Пиночета, Самосы – обрели нарицательное значение. Сегодня ситуация в этой части Америки

¹ Чигадаев А. Три падения Дэна // Дилетант. 2026. № 128. С. 31.

принципиально изменилась, тем не менее проблема суперпрезидентства не утратила актуальности.

С 90-х гг. прошлого века зарубежные авторы, такие как Дж. Грэй и А. Пабст, обращают внимание на появление автократических тенденций в современных либеральных демократических государствах¹. Более того, отдельные черты автократии наблюдаются в Европейском союзе с приходом в 2019 г. Урсулы фон дер Ляйен на пост главы Европарламента.

Следует учитывать, что если в основании республики содержится принцип народовластия, то это означает абсолютный примат народной воли над законодательным и исполнительным органами, а также над бюрократией. Но это правоположение невозможно осуществить на практике, что неизбежно приводит к появлению автократических начал, обусловленных борьбой государства за собственное выживание. Последнее плохо согласуется с классическим республиканизмом и означает некое тяготение к авторитаризму.

Вернемся к президентским и полупрезидентским республикам. Первых относительно немного (как и парламентарных). Они стали результатом развития англосаксонской правовой семьи. Первой президентской республикой были США, возникшие в результате войны североамериканских колоний Англии за независимость. Уникальность этого государства состоит в том, что на его территории не было авторитарного политического режима. Ни один из президентов США не был диктатором, то есть рассуждать об автократии применительно к этому государству не приходится.

В классической президентской республике прослеживается наиболее последовательная реализация принципа разделения властей, действует четкая система сдержек и противовесов. Однако этого мало. Изначально американская демократия опирается на сильное гражданское общество (подобного не было в XIX веке в Латинской Америке). В результате совмещение статуса главы государства и должности главы исполнительной власти не влечет за собой установления диктаторского режима.

Более сложная ситуация складывается в полупрезидентской, смешанной республике. Впервые этот вид

¹ Gray J. Post-liberalism: studies in political thought. New York; London: Routledge, 1993. P. 22; Pabst A. Liberal world order and its critics: civilisational states and cultural commonwealths. London: Routledge, 2019. P. 34.

республиканской формы правления появляется во Франции, и ее автором принято считать «последнего великого француза» Ш. де Голля. В разработанной им и его сторонниками Конституции V Республики 1958 г. именно президент стал главной центральной фигурой. В частности, М. Ц. Арзаканян пишет: «По новой конституции президент республики имел право назначать премьер-министра и отдельных министров, возвращать принятые парламентом законопроекты на повторное обсуждение. Передавать на референдум по предложению правительства или обеих палат любой проект закона, касающийся организации государственной власти или одобрения международных соглашений, способных затронуть деятельность государственных институтов. Он мог также распускать (после консультации с премьер-министром и председателями палат) Национальное собрание и назначать новые выборы»¹.

Главным является то, что эта Конституция позволяет президенту брать всю полноту государственной власти в свои руки в чрезвычайных обстоятельствах. Данное полномочие закреплено в ст. 16 Конституции, которая гласит: «Когда институты республики, независимость Нации, целостность ее территории или выполнение ее международных обязательств оказываются под серьезной и непосредственной угрозой и нормальное функционирование конституционных государственных властей прервано, Президент Республики после официальной консультации с Премьер-министром, с председателями палат, а также с Конституционным Советом принимает меры, которые диктуются этими обстоятельствами. Он информирует об этом Nation посланием. Эти меры должны быть продиктованы стремлением в кратчайшие сроки обеспечить конституционным государственным властям средства выполнения их миссии. Об этих мерах проводятся консультации с Конституционным Советом. Парламент собирается по праву. Во время применения чрезвычайных полномочий Национальное собрание не может быть распущено»².

Конституция V Республики Франции принята в условиях ожесточенной политической борьбы, при которой государственная

¹ Арзаканян М. Ц. Де Голль. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 166.

² Французская Республика. Конституция и законодательные акты: сб. / пер. с фр.; сост. В. В. Маклаков, В. А. Энтин; под ред. В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1989. С. 34.

власть столкнулась с угрозой фашистского переворота. Подобное происходило и в России в 1993 г. Принятие Конституции РФ завершало революционный демократический переворот, начатый в 1991 г. При разработке пятой по счету Конституции России активно использована французская модель полупрезидентской республики. Это означало, что в центр системы государственного управления поставлен институт президентства, и от его силы или слабости зависит очень многое.

Если президентство Б. Н. Ельцина было слабым, «его конституционная государственная оболочка попала под воздействие клиентельного давления, которое оказывали мощные группы интересов, причем некоторые из них были порождены самим этим режимом»¹, то президентство В. В. Путина характеризуется созданием сильной вертикали исполнительной власти.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что усиление институтов исполнительной власти является общей тенденцией для современного мира. Это усиление чревато развитием авторитарных и автократических тенденций. В ряде государств ситуация осложняется кризисом парламентаризма, который выражен прежде всего в том, что «народные представители» не спешат заботиться об интересах избирателей. Относительно автократии дополним, что в условиях тоталитарной государственности она может преследовать прогрессивные цели. Об этом свидетельствует сопоставление деятельности Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Автократия, как и абсолютизм, представляет собой форму, которая может быть наполнена определенным содержанием, прогрессивным или реакционным, получающим выражение в поставленных целях.

Библиографический список

1. Арзаканян М. Ц. Де Голль. М.: Молодая гвардия, 2007. 268 с.
2. Власов В. И. Первое лицо в структурах исполнительной власти. М.: Вузовская книга, 2010. 208 с.
3. Камышанский В. П. Иммуитет государства как общепризнанный принцип международного права // Закон и право. 2014. № 11. С. 15–17.

¹ Власов В. И. Указ. соч. С. 63.

4. Камышанский В. П. Проблемы права и справедливости в контексте институционализации интересов предпринимателей (колонка редактора) // Власть Закона. 2018. № 2. С. 14–20.
5. Камышанский В. П., Туча В. В., Глинщикова Т. В. Легализация параллельного импорта в Российской Федерации как мера противодействия внешнеэкономическим санкциям // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 29–43.
6. Леони Б. Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина; под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008. 307 с.
7. Малофеев К. В. Монархия в XXI веке. М.: АСТ, 2026. 368 с.
8. Минуткина Е. От «скачка» к хунвейбинам // Дилетант. 2026. № 128. С. 12–15.
9. Плеханов Г. В. Наши разногласия. К вопросу о роли личности в истории. Основные вопросы марксизма. М.: АСТ, 2023. 512 с.
10. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени: статьи, письма к Александру III. М.: Русская книга, 1993. 637 с.
11. Чигадаев А. Три падения Дэна // Дилетант. 2026. № 128. С. 28–31.
12. Gray J. Post-liberalism: studies in political thought. New York; London: Routledge, 1993. 358 p.
13. Pabst A. Liberal world order and its critics: civilisational states and cultural commonwealths. London: Routledge, 2019. 106 p.

А. В. Тещин

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и
криминалистики Ульяновского государственного университета,
мировой судья в отставке, подполковник юстиции
Россия, г. Ульяновск
Alexandr212081974@mail.ru

**НЕЯВКА ЧАСТНОГО ОБВИНИТЕЛЯ В СУД И ПРАВОВЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА СУДЕБНОЙ
ПРАКТИКИ)**

**FAILURE OF A PRIVATE PROSECUTOR TO APPEAR IN COURT
AND ITS LEGAL CONSEQUENCES (BASED ON AN ANALYSIS OF
JUDICIAL PRACTICE)**

В статье проанализирована складывающаяся правоприменительная практика в случаях прекращения дел частного обвинения в связи с неявкой в суд частного обвинителя, в том числе при подаче частным обвинителем, полагавшим уважительной причину своей неявки, жалобы на решение о прекращении уголовного дела. Исходя из решений судов апелляционной инстанции, в большинстве случаев отменяющих решения нижестоящих судов, автор статьи обоснованно утверждает, что формализм, а иногда и желание прекратить дело, воспользовавшись неявкой частного обвинителя без установления ее причин, недопустимы. На момент принятия решения о прекращении дела суд должен обладать достоверной информацией об истинном волеизъявлении потерпевшего. Разный подход судов к уведомлению частных обвинителей о дате и времени судебного заседания приводит к разной оценке уважительности причин неявки частного обвинителя, что служит основанием отмены решений судами вышестоящих инстанций и пагубно отражается на доверии к институту частного обвинения. Цель исследования состоит в определении четких критериев относительно оценки вопроса, связанного с неявкой частного обвинителя в суд. В заключении сделан вывод о том, что неявку частного обвинителя можно расценить как отказ его от обвинения только при условии письменного разъяснения последствий,

связанных с неявкой. Нельзя принимать решение о прекращении уголовного преследования по формальному поводу неявки. Если внезапная неявка противоречит предыдущему поведению пострадавшего, осуществлявшего уголовное преследование, суд должен принять меры по установлению ее истинных причин.

Ключевые слова: дела частного обвинения, частный обвинитель, судья, неявка частного обвинителя, причины неявки частного обвинителя, примирение, отказ от обвинения, прекращение уголовного дела.

This article analyzes emerging law enforcement practice regarding the termination of private prosecution cases due to the private prosecutor's failure to appear in court, including instances where the prosecutor—believing their absence was justified—appeals the decision to terminate the case. Based on appellate court rulings that frequently overturn lower court decisions, the author argues that formalism—and, at times, the desire to terminate a case simply by exploiting the prosecutor's absence without investigating the reasons for it—is unacceptable. At the time a decision to terminate the case is made, the court must possess reliable information regarding the victim's true intent. Inconsistent judicial approaches to notifying private prosecutors of hearing dates and times lead to varying assessments of whether an absence is justified; this results in higher courts overturning decisions and undermines public confidence in the private prosecution system. The study aims to establish clear criteria for evaluating a private prosecutor's failure to appear in court. The conclusion reached is that a private prosecutor's absence may be construed as a withdrawal of the charges only if the consequences of such absence have been explained to them in writing. A decision to terminate criminal proceedings cannot be based solely on the formal fact of non-appearance. If a sudden failure to appear contradicts the prior conduct of the victim acting as prosecutor, the court must take steps to ascertain the true reasons for the absence.

Keywords private prosecution cases, private prosecutor, judge, failure of a private prosecutor to appear, reasons for failure of a private prosecutor to appear, reconciliation, withdrawal of a charge, termination of criminal proceedings.

Введение

В соответствии с ч. 3 ст. 249 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), действующей в редакции от 28 июня 2022 г., по уголовным делам частного обвинения неявка частного обвинителя без уважительных причин влечет за собой прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 5 ч. 1 ст. 24 настоящего Кодекса¹. Несмотря на прямое указание в законе на необходимость установления причин неявки и оценки ее на предмет уважительности, суды первой инстанции не всегда уделяют этому важнейшему вопросу должное внимание.

Цель настоящего исследования – провести анализ складывающейся следственно-судебной практики в случаях неявки в судебное заседание частных обвинителей, а также внести предложения по совершенствованию действующего законодательства. В качестве *методов исследования* применен сравнительно-правовой метод для сравнения теоретических аспектов уголовно-процессуального законодательства и существующей судебно-следственной практики. Системный анализ позволил рассмотреть вопрос неявки частного обвинителя как обязательного элемента волеизъявления, а не факта неявки как физического действия.

Попытаемся ответить на вопрос о том, как именно и что учитывали мировые судьи при вынесении постановлений о прекращении уголовного дела в случаях неявки частного обвинителя в суд. Так, 14 декабря 2016 г. (дело № 1-63/2016) мировым судьей судебного участка № 3 Кузнецкого судебного района г. Новокузнецка Кемеровской области вынесено постановление о прекращении уголовного дела в отношении гражданина Г., обвиненного частным обвинителем в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 Уголовного кодекса (УК) РФ, на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с неявкой в суд частного обвинителя. Мировой судья ссылался на то, что частный обвинитель Т. В. Воеводин и его представитель О. В. Щелокова в судебное заседание не явились, о месте и времени извещены надлежащим образом, судебной повесткой, направленной заказной корреспонденцией с уведомлением, по адресу, указанному в жалобе частного обвинения (конверт

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 26.07.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

возвращен по истечении срока хранения), уважительности причин неявки в судебное заседание не представили¹. Сведения об обжаловании решения отсутствуют.

Позволим себе категорически не согласиться с позицией мирового судьи о том, что подобного рода извещение по уголовным делам является надлежащим. Тем не менее такая порочная, на наш взгляд, практика существует. Основана она на том, что ст. 165.1 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ регламентирует подобную ситуацию в рамках рассмотрения гражданских дел, а именно на том, что сообщение считают доставленным и в случаях, если поступило лицу, которому направлено (адресату), но по обстоятельствам, зависящим от него, не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним². Иными словами, ГПК РФ регламентирует ситуацию, при которой заказное письмо возвращается из ФГУП «Почта России» с отметкой «истек срок хранения», а УПК РФ – не регламентирует. Считаем применение аналогии, если решается судьба рассмотрения уголовного дела и конкретного индивидуума, недопустимым.

Пример правильного реагирования на формальный подход мирового судьи к вопросам разъяснения прав частного обвинителя относительно последствий неявки в суд без уважительных причин и установления ее причин продемонстрировал Калининский районный суд Тверской области. Подсудимый О. обжаловал решение мирового судьи о прекращении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с неявкой потерпевшего, сообщив, что уважительности причин неявки частного обвинителя судом не установлено. Суд в апелляционном определении указал, что нижестоящий суд не принял мер к установлению причин неявки потерпевшего ФИО в судебное заседание, не выяснил, не было ли препятствий для его явки в суд. В материалах дела представлено лишь его заявление, в котором он просит рассмотреть уголовное дело в его отсутствие, не упоминая о причинах неявки. Суд, принимая решение о прекращении дела в связи с неявкой частного обвинителя в судебное заседание,

¹ Постановление мирового судьи судебного участка № 3 Кузнецкого судебного района г. Новокузнецка Кемеровской области от 14 декабря 2016 г. по уголовному делу № 1-63/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.08.2026).

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 04.08.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

ограничился формальной констатацией факта неявки. Кроме того, суд второй инстанции обратил внимание на то, что в заявлении потерпевшего отражено, что последствия прекращения дела ему разъяснены и понятны, однако не указано, последствия прекращения уголовного дела по какому именно основанию разъяснены потерпевшему¹. Поэтому еще раз сделаем акцент на необходимости обязательного установления причин неявки частного обвинителя в суд, а также на том, чтобы последствия неявки были разъяснены предельно четко.

Исследователь К. Б. Калиновский верно утверждает: «Ни в законодательстве, ни в юридической науке не проводится различий между: 1) неявкой частного обвинителя как формой отказа от продолжения уголовного преследования и 2) неявкой этого участника процесса как его процессуальной ошибкой. Последняя ситуация, не должна повлечь автоматического прекращения дела. Отсутствие такого разграничения влечет противоречивую судебную практику по вопросу о прекращении дела в связи с неявкой частного обвинителя, а между тем этот вопрос имеет большую значимость»².

Соглашаясь с приведенной позицией, полагаем, что волеизъявление потерпевшего должно быть выражено в письменной форме. Более того, неоднозначной и спорной видится идея законодателя приравнять физическое действие в виде неявки в суд к интеллектуальному волеизъявлению в форме отказа от обвинения. На наш взгляд, законодательно нужно запретить прекращение уголовного дела в случае однократной неявки частного обвинителя при ее неустановленных причинах. Вероятно, потребуется и более четко регламентировать в УПК РФ вопрос о том, что именно считать надлежащим извещением частного обвинителя о дате и времени судебного заседания. Целесообразным было бы появление в УПК РФ статьи, содержащей норму, аналогичную содержащейся в ч. 1 ст. 113 ГПК РФ, четко регламентирующую порядок вызова в суд и критерий того, что является надлежащим извещением. Особенно актуальным это

¹ Апелляционное постановление Калининского районного суда Тверской области от 2 июня 2017 г. по делу № 10-6/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Np9sB7C5ICV1/?ysclid=mubnuxwag909917317> (дата обращения: 04.07.2026).

² См.: Калиновский К. Б. Бездействие частного обвинителя по поддержанию обвинения // Мировой судья. 2023. № 5. С. 30.

становится ввиду того, что частный обвинитель не может быть подвергнут принудительному приводу. Значит, если частный обвинитель «пропал», суд не может бесконечно ожидать проявления его волеизъявления. Поэтому при повторной неявке частного обвинителя, если ранее в его адрес была направлена заказная корреспонденция и конверт вернулся с отметкой «истек срок хранения» в соответствии с Инструкцией ФГУП «Почта России», либо у суда существуют другие сведения о надлежащем извещении частного обвинителя, то при таких обстоятельствах можно признать неявку неуважительной. В данных условиях не возникнет ситуация, в которой дело будет прекращено вопреки возможной воле потерпевшего. Заявителя это также должно стимулировать на добропорядочное поведение и отслеживание хода уголовного процесса, инициированного им.

Интересен и следующий пример, как нам представляется, правильной реакции Реутовского городского суда Московской области, рассмотревшего апелляционную жалобу частного обвинителя на постановление мирового судьи судебного участка № 221 Реутовского судебного района Московской области от 3 октября 2025 г. о прекращении уголовного дела. Как указал суд, согласно телефонограмме (т. 2, л. д. 91), ФИО2 извещен по телефону о судебном заседании, назначенном на 3 октября 2025 г. Суд первой инстанции сделал вывод о том, что частный обвинитель не явился в заседание без уважительной причины, а потому прекратил производство в связи с неявкой частного обвинителя по основанию, предусмотренному п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Однако в ходе проведенной проверки установлено, что, вопреки мнению суда первой инстанции и предоставленным ГУДМС Московской области сведениям, исходящего звонка с номера секретаря на номер ФИО2 не совершено. Частный обвинитель своевременно уведомил суд первой инстанции о том, что в судебное заседание 26 сентября 2025 г. не явится, указал причину неявки, оценивая ее как уважительную, лишаящую его возможности явиться в судебное заседание, просил об отложении разбирательства. Доказательств надлежащего извещения ФИО2 о судебном заседании 3 октября 2025 г. не имеется. Вышеизложенное свидетельствует о том, что частный обвинитель не отказывался от выдвинутого им обвинения и планировал осуществлять свои функции по уголовному преследованию ФИО3; не явился в судебное заседание по причине, считать которую

уважительной были все основания¹. Комментируя данную ситуацию, будем исходить из того, что, вероятно, судья стал заложником не вполне добросовестного исполнения должностных обязанностей сотрудником аппарата суда, который не известил надлежащим образом частного обвинителя.

Аналогичная позиция суда второй инстанции изложена в постановлении Дубненского городского суда Московской области от 1 июня 2011 г. по делу № 10-6/2011². В данном случае суд встал на сторону частного обвинителя. Суд апелляционной инстанции отменил постановление мирового судьи о прекращении дела в связи с неявкой частного обвинителя, который опоздал в судебное заседание в результате плохого, по мнению гражданина, движения транспорта. Судом апелляционной инстанции учтено, что частный обвинитель был намерен поддерживать обвинение, просил для этого работодателя предоставить отпуск, но работодатель ему отказал. Со ссылкой на ст. 45 Конституции РФ и ч. 1 ст. 11 УПК РФ суд пришел к выводу о том, что нельзя расценивать опоздание заявителя в судебное заседание как неявку по неуважительным причинам, иначе будет нарушено его право на судебную защиту. Таким образом, попытка суда первой инстанции разрешить дело, используя формальный предлог, оказалась безуспешной: незаконное решение обоснованно отменено. Исходя из этой ситуации, можно рекомендовать судьям при рассмотрении дел очень скрупулезно устанавливать причины неявки частного обвинителя, оценивать в целом его отношение к поданному заявлению, активность и другие факторы. Стремление судьи начать рассмотрение дела любой ценой, руководствуясь подходом «не явился – значит отказался от обвинения», может привести к отмене судебного решения.

Дискуссионным и неурегулированным в законодательстве остается вопрос о возможности поддержания частного обвинения

¹ Апелляционное постановление Реутовского городского суда Московской области от 9 декабря 2025 г. по делу № 10-12/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZTPIFDPSnNZV/?ysclid=mubosf95h3536768928> (дата обращения: 20.07.2026).

² Постановление Дубненского городского суда Московской области от 1 июня 2011 г. по делу № 10-6/2011 // Дубненский городской суд Московской области: офиц. сайт. URL: https://dubna.mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=237370463&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 20.07.2026).

в суде представителем потерпевшего (например, адвокатом) при условии неявки в суд заявителя. Такая ситуация, с нашей точки зрения, вполне допустима, если в первом судебном заседании частный обвинитель сообщил, что поддерживает свое обвинение и делегирует поддержание обвинения представителю в лице профессионального адвоката.

В этой связи нам импонирует решение Балаковского районного суда Саратовской области, принятое по результатам рассмотрения апелляционной жалобы осужденного. В жалобе осужденный в качестве основного довода несогласия с решением сообщил, что частный обвинитель отсутствовал в ряде судебных заседаний. Суд второй инстанции указал, что частный обвинитель (потерпевший) регулярно являлся в судебное заседание и принимал активное участие в рассмотрении уголовного дела, пользуясь предусмотренными законом правами частного обвинителя. Он не явился в судебные заседания 21 августа 2025 г. и 1 октября 2025 г. При этом в судебных заседаниях обеспечено участие представителя частного обвинителя – адвоката, который имел такие же процессуальные права, как и у представляемого им лица. В последующих судебных заседаниях частный обвинитель принимал активное участие. Согласно позиции суда, эти обстоятельства свидетельствуют о том, что частный обвинитель не отказывался от выдвинутого обвинения, осуществляя свои функции по уголовному преследованию ФИО1 и лично, и через представителя¹. Таким образом, отсутствие частного обвинителя в ряде судебных заседаний, при наличии у него представителя и выраженном желании продолжать поддерживать обвинение, не является препятствием для вынесения обвинительного приговора. Из приведенного примера следует, что суд, при наличии у частного обвинителя представителя, не видит нарушений в отсутствии в судебном заседании частного обвинителя. Действительно, участие частного обвинителя, полагаем, не является обязательным на протяжении судебного разбирательства, если он четко и однозначно заявил в судебном заседании о делегировании полномочий по поддержанию обвинения представителю.

¹ Апелляционное постановление Балаковского районного суда Саратовской области от 16 декабря 2025 г. по делу № 10-1-21/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Oc0sAPzT2114/?ysclid=mt68kanzo1825711760> (дата обращения: 21.08.2026).

Наше мнение о том, что прекращение уголовного дела в связи с неявкой частного обвинителя допустимо только при подтверждении того, что он надлежащим образом извещен о дате и времени судебного заседания, совпадает с позицией Ялтинского городского суда Республики Крым, изложенной в постановлении от 4 ноября 2024 г. по делу № 1-100-12/2024¹. Частный обвинитель в жалобе на постановление мирового судьи о прекращении уголовного дела уточнил, что из суда на его номер телефона не направлено ни одного СМС-сообщения, а также не было звонков, информирующих о дате судебных заседаний. Поэтому он полагает, что суд проигнорировал его просьбы об извещении по телефону. Из материалов уголовного дела не следует, что ему предлагали СМС-извещение. Частный обвинитель считает, что он намеренно не был извещен аппаратом суда надлежащим образом и не в полном объеме, поскольку по всем уголовным и гражданским делам у сторон по делу берут согласие на СМС-извещение, но по данному делу этого не сделано. Суд апелляционной инстанции согласился с этой жалобой, отменил постановление мирового судьи, указав, что суд обязан установить причину неявки в судебное заседание частного обвинителя (потерпевшего), проверить, не является ли она уважительной, исключаяющей возможность необоснованного прекращения уголовного дела по данному основанию.

Следует иметь в виду, что поскольку подача заявления, поддержание обвинения в суде по уголовному делу частного обвинения – право гражданина, а не обязанность, то законодатель исключает возможность принудительного привода частного обвинителя, допуская в случае неявки в суд потерпевшего без уважительных причин прекращение дела. Может быть дискуссионным и теоретический вопрос о том, «пропадает» ли состав преступления при неявке в суд частного обвинителя. Уточним, что если суд возбуждал дело, то исходил из того, что существовала совокупность обстоятельств, указывающая на совершение преступления, а значит, исчезновение заявителя не может изменить эту совокупность. Не отрицая наличие рационального зерна в данном рассуждении, можно утверждать с учетом специфики дел частного обвинения, что отсутствие

¹ Апелляционное постановление Ялтинского городского суда Республики Крым от 4 ноября 2024 г. по делу № 1-100-12/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/M8o8trUpdKU/> (дата обращения: 21.08.2026).

желания частного обвинителя продолжить уголовное преследование, все-таки изменяет эту совокупность. Анализ составов преступлений частного обвинения позволяет констатировать, что инициатива физического лица в форме заявления о совершенном преступлении является единственным и исключительным импульсом к началу уголовно-процессуальной деятельности. Поэтому без желания частного обвинителя в дальнейшем продолжать расследовать или рассматривать дело невозможно и нелогично.

Интересный вариант выхода из ситуации с неявкой, причина которой не установлена, предлагает Е. В. Шомина: «Вступление в дело прокурора в случае неявки частного обвинителя в суд без уважительных причин обеспечит реализацию назначения уголовного судопроизводства по защите прав и законных интересов лиц, права которых нарушены»¹. На наш взгляд, вступление прокурора в дело для установления причин неявки потерпевшего – слишком кардинальная мера, так как установить уважительность причин неявки суд способен самостоятельно. Если автор полагала, что в отношении частного обвинителя предприняты неправомерные меры воздействия, повлекшие его неявку, то можем возразить: в контексте данного вопроса в УК РФ отражены соответствующие статьи, позволяющие возбудить в отношении лиц, оказавших давление, уголовное дело². Поскольку мы считаем, что уголовное преследование «рождается» в результате действий частного обвинителя, то логичным признать и тот факт, что «умирает» оно тоже в связи с волеизъявлением заявителя, но при условии выяснения его позиции либо разъяснения ему последствий неявки в суд.

Солидарны в контексте размышлений с Ю. К. Моисеевой, которая пишет: «В случае если неявка в судебное заседание явилась процессуальной ошибкой со стороны частного обвинителя, то данный факт не должен повлечь безоговорочное прекращение уголовного дела, так как это ограничит его доступ к правосудию»³.

¹ Шомина Е. В. Выполнение назначения уголовного судопроизводства при неявке частного обвинителя без уважительных причин в судебное заседание // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 3-1. С. 518.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 04.08.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Моисеева Ю. К. Проблемные аспекты неявки частного обвинителя в судебное заседание как основания прекращения уголовного дела частного

Другими словами, неявка должна сопровождаться письменно выраженной позицией частного обвинителя либо позицией, высказанной «под протокол» в ходе судебного заседания, о том, что будет, если в следующее судебное заседание частный обвинитель не придет. Частному обвинителю последствия неявки должны быть четко разъяснены.

Аналогичного мнения придерживается и А. М. Каунов. Он склоняется к тому, что целесообразно рассматривать злостное и неоднократное уклонение потерпевшего без уважительных причин от явки в судебное заседание с процессуальной позиции как его отказ от уголовного преследования¹.

Раскрывая вопрос о прекращении уголовных дел частного обвинения, следует учитывать, что последствия прекращения дел по ст. 25 и ч. 2 ст. 20 УПК РФ различны. Наличие двух оснований приводит к недопониманию. Например, Ю. К. Моисеева пишет: «Стоит отметить наличие законодательных неточностей в области регламентации основания прекращения уголовных дел частного обвинения ввиду неявки частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин, что затрудняет доступ потерпевшего лица к правосудию»².

Так, А. В. Ильин утверждает, что сегодня действующее законодательство предусматривает разные формы примирения, в том числе по делам частного обвинения в соответствии со ст. 20 УПК РФ, а также по делам публичного и частно-публичного обвинения, отнесенным к категориям преступлений небольшой и средней тяжести, в соответствии со ст. 25 УПК РФ. Неслучайно А. В. Ильин считает целесообразным переименовать подобные основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования, закрепив их в качестве «прощения потерпевшим»³. Полагаем, подобного рода изменения можно назвать лишь игрой слов.

обвинения // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, приоритеты и перспективы развития: сб. тр. по материалам XVII Всерос. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых (Барнаул, 16–17 апреля 2024 г.) / гл. ред. И. А. Панарин. Барнаул: Пять плюс, 2024. С. 150.

¹ Каунов А. М. Особенности судебного разбирательства и прекращения производства по делам частного обвинения // Эпомен. 2023. № 79. С. 28–29.

² Моисеева Ю. К. Указ. соч. С. 151.

³ Ильин А. В. Примирение по делам частного обвинения: проблемные вопросы содержания и реализации в уголовном судопроизводстве // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 62.

По мнению А. А. Корякина, уголовные дела о преступлениях частного обвинения, возбужденные в публичном порядке, согласно ч. 4 ст. 20 УПК РФ, подлежат прекращению в связи с примирением исключительно в соответствии со ст. 25 УПК РФ¹. С позиции А. П. Рыжакова, наименование основания прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон в соответствии со ст. 25 УПК РФ может привести к смешению его с основанием прекращения уголовного дела, предусмотренного ч. 2 ст. 20 УПК РФ, – примирением потерпевшего с обвиняемым по делам частного обвинения. Отличие ст. 25 от ч. 2 ст. 20 в УПК РФ заключается в том, что первая относится к делам о преступлениях, хотя и небольшой (средней) тяжести, но все-таки публичного обвинения, а ч. 2 ст. 20 УПК РФ – к делам частного обвинения².

Позитивным моментом, с точки зрения Д. С. Михеева, является наличие возможности прекратить уголовное преследование на основании ч. 2 ст. 20 УПК РФ и не выполнять требования, предусмотренные ст. 76 УК РФ, подразумевающие прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим в обычном порядке при наличии таких условий, как привлечение к уголовной ответственности впервые, заглаживание потерпевшему вреда и т. д.³

Позволим себе, как и ряд других ученых, не согласиться с утверждением об отсутствии при неявке в суд частного обвинителя события преступления в буквальном смысле этого слова. Например, И. В. Овсянников пишет о том, что в основе решения о прекращении дела частного обвинения в рассматриваемой ситуации может находиться не достоверное, а вероятное знание суда о событии преступления, причастности и виновности подсудимого⁴.

Самый выгодный вариант во всех юридических аспектах для лица, привлекаемого к уголовной ответственности по делу частного обвинения, – неявка частного обвинителя. Поэтому, с

¹ См.: Корякин А. А. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2015. С. 27.

² Рыжаков А. П. О применении принудительных мер медицинского характера: теория и практика уголовно-процессуального производства: монография. М.: ЭПС «Система ГАРАНТ», 2016. С. 29.

³ Михеев Д. С. О некоторых проблемах рассмотрения уголовных дел частного обвинения // Российский судья. 2024. № 10. С. 34.

⁴ Овсянников И. В. Прекращение уголовного дела частного обвинения при отказе обвинителя от уголовного преследования // Современное право. 2022. № 4. С. 128.

нашей точки зрения, должны быть приравнены отказ от обвинения и неявка в суд частного обвинителя, в случае установления факта о том, что неявка обусловлена нежеланием частного обвинителя привлекать к уголовной ответственности лицо, в отношении которого подано заявление. В Большом толковом словаре русских существительных слово «неявка» трактуется как социальное действие, выраженное в отсутствии кого-либо в месте, в котором явка обязательна¹. Приведу пример из жизни. Однажды, находясь в коридоре суда, невольно оказался свидетелем так называемого внепроцессуального общения защитника лица, в отношении которого подано заявление, и частного обвинителя. Суть слов защитника, обращавшегося к частному обвинителю, сводилась к следующему: «Вы сейчас распишитесь в повестке и просто не приходите на следующее заседание, а мы с Вами потом все решим!» Ключевое слово, конечно, «потом». Но «потом» может ничего не быть, ни извинений, ни возмещения причиненного вреда, а дело будет прекращено.

Несколько странной для нас представляется идея о трактовке отсутствия события преступления при неявке частного обвинителя. Событие преступления было, телесные повреждения причинены, а итоговое решение: нет события! Безразличен мотив отказа частного обвинителя, он всегда связан с прощением, примирением, пусть даже с нежеланием потерпевшего привлекать виновного к уголовной ответственности. В любом случае это всегда результат примирения, состоявшегося ввиду активных действий обвиненного, судьи, который провел примирительные процедуры, защитника и т. д. По нашему убеждению, природа обвинения (будь оно публичное или частное) не имеет значения. В УПК РФ не содержится требований о порядке проведения процедур примирения, к тому же отсутствует понятие примирения. На эту проблему, в частности, обращают внимание Р. Х. Камалетдинов и С. Н. Судаков, утверждая, что для правильного использования института прекращения уголовных дел уголовно-процессуальный закон должен содержать определение термина «примирение»². О

¹ Большой толковый словарь русских существительных / авт.-сост. А. Г. Бабенко и др. М.: АСТ-Пресс Книга, 2005. С. 124.

² Камалетдинов Р. Х., Судаков С. Н. Актуальные вопросы прекращения производства по уголовному делу частного обвинения в связи с примирением сторон // Вестник научных трудов «Юрист»: сб. тр. по материалам заседания II Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики

том, что подразумевается под примирением в уголовно-процессуальном аспекте, высказывают мнение многие исследователи. Например, Ю. Н. Благинина пишет о том, что в уголовно-процессуальном смысле примирение означает не вынужденное и добровольное заявление потерпевшего о нежелании дальнейшего продолжения уголовного преследования (не требуется достигать некоего «прощения»)¹.

В редких случаях на практике может возникнуть вопрос о том, подлежит ли прекращению уголовное дело, если лицо обвиняется в совершении двух преступлений частного обвинения в один и тот же день в отношении одного потерпевшего. По нашему мнению, правовых препятствий для прекращения дела не существует. Аналогично можно прекратить дело, если, например, лицо обвиняется двумя или тремя частными обвинителями в совершении преступления и ни за одно из этих преступлений оно ранее не осуждено. К примеру, исследователь О. М. Ушаков убежден в том, что в таких случаях нет препятствий для прекращения дела².

Выводы

Итак, на законодательном уровне целесообразно запретить прекращение уголовного дела в случае однократной неявки частного обвинителя при ее неустановленных причинах. Более того, требуется определение уважительности причин этой неявки. С целью соблюдения процессуальных сроков в УПК РФ необходимо более четко регламентировать вопрос о том, что именно считать надлежащим извещением частного обвинителя о дате и времени судебного заседания. Неявка как действие обязательно должна сопровождаться письменно выраженной позицией частного обвинителя либо позицией, высказанной «под протокол» в ходе судебного заседания, о том, какие наступят последствия, если в следующее судебное заседание частный обвинитель не придет. Иными словами, частному обвинителю должны быть четко разъяснены последствия неявки. Принятие этих изменений

Татарстан в сфере противодействия коррупции (Казань, 4 декабря 2018 г.). Вып. 7. Казань: Академия социального образования, 2018. С. 376.

¹ Благинина Ю. Н. Некоторые проблемы законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 400.

² Ушаков О. М. О некоторых вопросах прекращения уголовных дел частного обвинения и уголовных дел с наличием публичного и частного интереса // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 201.

приведет к единству судебной практики, что благоприятно отразится на отношении к институту дел частного обвинения.

Библиографический список

1. *Благинина Ю. Н.* Некоторые проблемы законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 395–406.
2. Большой толковый словарь русских существительных / авт.-сост. А. Г. Бабенко и др. М.: АСТ-Пресс Книга, 2005. 862 с.
3. *Ильин А. В.* Примирение по делам частного обвинения: проблемные вопросы содержания и реализации в уголовном судопроизводстве // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 61–63.
4. *Калиновский К. Б.* Бездействие частного обвинителя по поддержанию обвинения // Мировой судья. 2023. № 5. С. 28–33.
5. *Камалетдинов Р. Х., Судаков С. Н.* Актуальные вопросы прекращения производства по уголовному делу частного обвинения в связи с примирением сторон // Вестник научных трудов «Юрист»: сб. тр. по материалам заседания II Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции (Казань, 4 декабря 2018 г.). Вып. 7. Казань: Академия социального образования, 2018. С. 375–382.
6. *Каунов А. М.* Особенности судебного разбирательства и прекращения производства по делам частного обвинения // Эпомен. 2023. № 79. С. 24–33.
7. *Корякин А. Л.* Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2015. 221 с.
8. *Михеев Д. С.* О некоторых проблемах рассмотрения уголовных дел частного обвинения // Российский судья. 2024. № 10. С. 34–38.
9. *Моисеева Ю. К.* Проблемные аспекты неявки частного обвинителя в судебное заседание как основания прекращения уголовного дела частного обвинения // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, приоритеты и перспективы развития: сб. тр. по материалам XVII Всерос. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых (Барнаул, 16–17 апреля 2024 г.) / гл. ред. И. А. Панарин. Барнаул: Пять плюс, 2024. С. 150–151.

10. Овсянников И. В. Прекращение уголовного дела частного обвинения при отказе обвинителя от уголовного преследования // Современное право. 2022. № 4. С. 128–132.

11. Рыжаков А. П. О применении принудительных мер медицинского характера: теория и практика уголовно-процессуального производства: монография. М.: ЭПС «Система ГАРАНТ», 2016. 203 с.

12. Ушаков О. М. О некоторых вопросах прекращения уголовных дел частного обвинения и уголовных дел с наличием публичного и частного интереса // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 200–202.

13. Шомина Е. В. Выполнение назначения уголовного судопроизводства при неявке частного обвинителя без уважительных причин в судебное заседание // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 3-1. С. 515–520.

Раздел

**События. Рецензии.
Критика**

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

**О проведении XI Международной научно-практической
конференции (симпозиума) для молодых исследователей
«Актуальные проблемы современного права: соотношение
публичных и частных начал»**

**ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет имени И. Т. Трубилина»**

**Юридический факультет (кафедра гражданского права)
АНО «Научно-исследовательский институт актуальных
проблем современного права»**

**Краснодарское региональное отделение Общероссийской
общественной организации «Ассоциация юристов России»**

Таджикский национальный Университет

Конференция состоится 11 ноября 2026 г. В 13-00 час по
адресу: город Краснодар, ул. Калинина, дом 13, главный корпус
Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т.
Трубилина, **ауд. № 106.**

К участию приглашаются бакалавры, магистранты, аспиранты,
адъюнкты, практикующие юристы.

Форма проведения конференции: очно-заочная с применением
онлайн формата на платформе «Вебинар». Ссылка для
подключения будет указана заблаговременно в Программе
конференции.

Для участия в конференции необходимо **до 05 ноября 2026 г.**
подать заявку и сообщить тему Вашего доклада преподавателю
кафедры гражданского права **Лейбинен Наталье Александровне**
по адресу электронной почты: anoniiapsp@yandex.ru

КОНТАКТЫ ПО ОРГАНИЗАЦИОННЫМ ВОПРОСАМ

Лейбинен Наталья Александровна, заместитель
председателя организационного комитета конференции.

тел.: + 7 918088-04-44, anoniiapsp@yandex.ru

Кашкина Александра Владиславовна, информационный
менеджер конференции.

тел.: +7 918-923-35-99, kashkina.aleksa@mail.ru

Ссылка для подключения к конференции:
<https://events.webinar.ru/57206121/guk106>

**По итогам конференции будет сформирован сборник
научных статей участников конференции, представивших
статьи (тезисы докладов), который будет размещен в РИНЦе.**
Сборник будет иметь номер ISBN

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

Научно-практический журнал «Власть Закона» (свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № ФС77 – 38792 от 8 февраля 2010 г.). Журнал включен в **Перечень** рецензируемых научных изданий ВАК (К2), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук **по специальностям 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.**

РЕГЛАМЕНТ ПРОВЕДЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

Время проведения – 11 ноября 2026г., с 13.00 до 16.00 час.

**Место проведения – город Краснодар, ул. Калинина, 13,
главный корпус ФГБОУ ВО КубГАУ, ауд. 106.**

13.00-13.15	Регистрация участников
13.15-13.20	Открытие конференции. Приветственное слово доктора юридических наук, профессора В.П. Камышанского
13.20-16.50	Пленарное заседание
16.50-17.00	Подведение итогов конференции

Регламент работы конференции:

Доклады участников конференции – до 7 минут

Обсуждение докладов, ответы на вопросы – до 5 минут

Программа научно-практической конференции будет разработана на основании заявок, поступивших **до 5 ноября 2026 г.** в электронном виде. По итогам конференции будет сформирован сборник статей участников в электронной форме, представивших статьи (тезисы докладов), который будет размещен в РИНЦе. Сборник будет иметь номер ISBN.

Каждый участник конференции получит именной Сертификат с указанием заявленной темы доклада и Программу конференции.

Участие в конференции платное. Организационный взнос - 1100 (одна тысяча сто) рублей. Соавторство допускается с научным руководителем либо с лицом, имеющим ученую степень

кандидата юридических наук или доктора юридических наук. Для участия в конференции без публикации статьи необходимо направить заявку и отсканированную квитанцию об оплате. Для участия в конференции с публикацией статьи необходимо направить заявку, статью, отсканированную рецензию научного руководителя, отсканированную квитанцию об оплате.

Приложение 1

Заявка участника

**XI Международная научно-практическая конференция
(симпозиум) для молодых исследователей «Актуальные
проблемы современного права: соотношение публичных и
частных начал»**

1.	Фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках	
2.	Место обучения (ВУЗ) полностью на русском и английском языках	
3.	Направление подготовки	
4.	Фамилия, имя, отчество, ученая степень и ученое звание научного руководителя	
5.	Почтовый адрес (с индексом)	
6.	Контактный телефон	
7.	Адрес электронной почты	
8.	Название статьи (тезисов доклада)	
9.	Форма участия в конференции (заочная или очная)	
10.	Порядок участия в конференции (выступление с докладом, участие в дискуссии, опубликование тезисов доклада (статьи))	

Приложение 2
Требования к оформлению и подаче статей (тезисов доклада)

Текст статьи (редактор Word версии выше 2000) набирается шрифтом Times New Roman размером 12 пт., выравнивание абзацев – по ширине с автоматическим переносом слов, отступ первой строки – на 1.25 см, междустрочный интервал – одинарный. Объем статьи не должен превышать 6 (шести) страниц формата А4, поля: 2 см - со всех сторон.

Рекомендуемый объем статьи – 5-6 страниц.

В правом верхнем углу обязательно указание:

- код УДК,
- Ф.И.О. автора работы (полностью) на русском и английском языках,
- полное название вуза на русском и английском языках,
- страна на русском и английском языках,
- город на русском и английском языках
- адрес электронной почты,
- Ф.И.О., ученая степень, ученое звание научного руководителя.

Далее название работы – по центру прописными буквами (на русском и английском языках).

Далее краткая аннотация статьи (не менее 50 слов), ключевые слова (не более 7-8 слов, отделяются друг от друга точкой с запятой). Далее – аннотация и ключевые слова на английском языке.

Сноски постранично, нумерация на каждой странице. Сноски набираются шрифтом Times New Roman. Высота шрифта – 10 пт; междустрочный интервал – одинарный. При оформлении сносок и ссылок необходимо руководствоваться библиографическим ГОСТ Р 7.0.5.-2008 "Библиографическая ссылка".

В тексте не должно быть таблиц, рисунков, подстрочных символов.

Статьи, оформленные с нарушением данных требований, к публикации не принимаются.

Оригинальность текста статьи должна быть не менее 50 процентов. Авторы статей несут персональную ответственность за плагиат, точность приведенных фактов,

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ
О ПРОВЕДЕНИИ XI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ (СИМПОЗИУМА) ДЛЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА: СООТНОШЕНИЕ
ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ НАЧАЛ»

статистических данных и иной информации, некорректное заимствование, а также за наличие сведений, не подлежащих открытой публикации.

Каждая работа подлежит обязательному рецензированию научным руководителем автора.

Для публикации статей необходимо в указанный выше срок представить **ОДНОВРЕМЕННО** В ОДНОМ ПИСЬМЕ следующие документы:

1. Заполненная Заявка участника конференции
2. Статья (в электронном виде). Файл со статьей должен иметь следующее название: фамилия и инициалы автора, название статьи (например: Иванов В.И._Опционный договор).
3. Рецензия научного руководителя автора статьи (в отсканированном виде, подпись научного руководителя должна быть заверена по месту его работы). Файл с рецензией должен иметь следующее название: фамилия и инициалы автора_название статьи_рецензия (например: Иванов В.И._Опционный договор_рецензия).
4. Квитанция об оплате 1100 рублей (в отсканированном виде). Файл с квитанцией должен иметь следующее название: фамилия и инициалы автора_квитанция (например: Иванов В.И._квитанция). **Участие зарубежных обучающихся бесплатно.**

Участники конференции получают сертификат. лично по адресу: 350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.

По итогам конференции определяются первые три лучших доклада. Победителям конкурса будут вручены Дипломы и ценные подарки. Доклады победителей, занявших призовые места, будут опубликованы бесплатно в журнале «Власть Закона», входящего в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

Реквизиты для перечисления оплаты участия в конференции

ИНН 2311119186
КПП 231001001
ОГРН 1092300002530
ОКТМО 03701000
Р/с 40703810857110000002
в Филиал «Южный» ПАО «Банк Уралсиб»
К/с 301018104000000000700
БИК 040349700

Юридический адрес: 350000, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Гимназическая, д. 60, к. 49

Получатель платежа: Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права» (АНО «НИИ АПСР») ИНН 2311119186

назначение платежа: благотворительный взнос на развитие науки (Ф.И.О. участника).

При оплате ОБЯЗАТЕЛЬНО указывать назначение платежа и Ф.И.О. участника!

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВЛАСТЬ ЗАКОНА»

1. Подписанная заявка от каждого автора и текст статьи в формате Microsoft Word в электронном виде направляются в редакцию журнала по **e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru** для проверки на соответствие формальным критериям.

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт **Times New Roman**, размер шрифта – **14**, межстрочный интервал – **одинарный**, абзацный отступ – **1,25 см**, поля сверху, снизу, слева, справа – **2 см**, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Объем статьи должен быть **не менее семи**, но не более **15** страниц – для аспирантов и соискателей; **20** страниц – для авторов, имеющих степень кандидата или доктора наук (при интервале 1,5).

4. Количество авторов одной статьи не должно превышать трех человек.

5. Научная статья проходит рецензирование согласно Положению о порядке рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в научном периодическом издании «Власть Закона» (утверждено решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года). Оригиналы заявки и статьи в распечатанном виде, подписанные автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович).

6. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- индекс УДК;
- индекс ББК;
- заглавие статьи на русском и английском языках;
- фамилии и инициалы автора(-ов) на русском и английском языках;
- должность и место работы автора(-ов) на русском и английском языках;
- аннотацию на русском языке, выполненную по требованиям журнала.

Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ необходим качественный перевод аннотации и названия статьи на английский язык, с соблюдением грамматических и орфографических правил. Перевод с помощью компьютерных программ и сайтов не допускается. Аннотация должна быть информативной (не содержать общих слов), оригинальной, содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования), структурированной (следовать логике описания результатов в статье), компактной (укладываться в объем от 50 до 100 слов);

- не менее 10 ключевых слов на русском и английском языках;

– библиографический список. В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее десяти источников, имеющих автора. Федеральные и иные законы **не приводят** в библиографическом списке. Самоцитирование автора допускается в объеме не более 10 % от общего количества цитирования источников из библиографического списка. Ссылки на электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты приводят в постраничных (подстрочных) сносках и в библиографический список **не выносят**.

7. Все ссылки в статье на литературу и другие источники должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки в тексте статьи – подстрочные и постраничные, вынесенные из текста вниз полосы документа (в сноску), шрифт ссылок – **Times New Roman**, размер шрифта – **12, одинарный** межстрочный интервал.

8. После проверки подписанные автором(-ами) оригиналы статьи и всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович). Документы в распечатанном виде (на бумажном носителе) должны полностью соответствовать электронной версии.

С уважением, редакция журнала!

Отпечатано в типографии ИП Купреев В.В.
353240, ст. Северская,
ул. Чехова, 18а.
Тел./факс 8(86166) 2-14-63.

E-mail: prhouse2016@mail.ru

